

12662.

210
20
50 00
1
400 руб

20133.

вспомогательный отрядъ вмѣсто милліона талеровъ всего на всего 200 тыс. ф. ст. Но такъ какъ разница между англійскими предложеніями и требованіями русскаго правительства все еще была велика, то лордъ Гюидикенсъ остался недоволенъ отвѣтомъ ¹⁾).

Евгеній Щепкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

человѣкъ и приняла на себя всѣ расходы по его продовольствію, хотя тогда этотъ вспомогательный отрядъ долженъ былъ примѣнать къ другимъ союзнымъ войскамъ и только заодно съ ними раздѣлять труды и опасности, та же Англія хочетъ теперь имѣть опять-таки за 300 тыс. ф. ст. корпусъ въ 55 тыс. человѣкъ съ тѣмъ, чтобы онъ совершенно одинъ произвелъ сильную диверсію съ суши и съ моря и все время содержалъ себя на собственныя средства. Россія не думала ставить себя на одну доску съ дворами копенгагенскимъ и дрезденскимъ, однако напоминала, что Англія предлагала въ концѣ концовъ Даніи 50 тыс. ф. ст. за 6 тыс. человѣкъ и платить въ настоящее время Саксоніи 60 тыс. ф. ст. за то, чтобы она держала наготовѣ тоже только 6 тыс. человѣкъ. Въ заключеніе канцлеръ подчеркивалъ, что императрица ничѣмъ болѣе не можетъ пожертвовать изъ требованій этого ультиматума.

¹⁾ Дон. 4-го апрѣля 1754 г.

77176

Сергеевич В.

20/38.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

1. Своеземцы и крестьянскія общины.

Въ октябрѣ 1477 года великій князь Иванъ Васильевичъ выступилъ въ походъ противъ Новгорода. До вооруженнаго столкновенія дѣло, однако, не дошло; мирные переговоры начались немедленно вслѣдъ за приближеніемъ его войскъ къ Новгороду, а въ началѣ января слѣдующаго года новгородцы подчинились волѣ великаго князя на основаніи особаго „цѣловальнаго списка“. Списокъ этотъ былъ составленъ въ станѣ московскаго государя согласно съ пунктами, предложенными новгородцами и удостоенными его одобренія. По приказу великаго князя списокъ былъ переписанъ дьякомъ новгородскаго владыки, скрѣпленъ его подписью и печатью и печатами отъ пяти концовъ Новгорода.

Этотъ знаменитый документъ не сохранился и намъ неизвѣстенъ. Мы можемъ, однако, составить себѣ понятіе о его содержаніи по переговорамъ царскихъ бояръ съ новгородскими послами, и на основаніи собственныхъ словъ Ивана Васильевича, сказанныхъ представителямъ Новгорода.

Отмѣняя вѣчевое устройство, государь порадовалъ свою отчину, обѣщавъ не вступаться въ земли и воды новгородцевъ, не наряжать ихъ на службу въ Низовскую землю, оставить въ Новгородѣ судъ по старинѣ и не увеличивать дани выше установленной этимъ соглашеніемъ нормы.

Въ этомъ обѣщаніи заключалась большая уступка новгородскимъ требованіямъ и существенное ограниченіе власти великаго князя. Первоначальное намѣреніе великаго князя было иное, онъ хотѣлъ „государствовать на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, такъ, какъ

государствовалъ въ Низовской землѣ, на Москвѣ“. Можно поэтому сомнѣваться въ искренности окончательнаго рѣшенія московскаго государя. Онъ не скрѣпилъ обѣщаній своихъ крестнымъ цѣлованіемъ и не разрѣшилъ сдѣлать это ни боярамъ своимъ, ни будущему новгородскому намѣстнику. Политика Ивана Васильевича отличается чрезвычайной цѣльностью, настойчивостью, дальновидностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великой осторожностью. Онъ не любилъ рѣзкихъ мѣръ, избѣгалъ насилія и кровопролитія. Онъ предпочиталъ поставить въ такое положеніе своего противника, чтобы тотъ понялъ невозможность сопротивленія и уступилъ самъ. Оtmѣна новгородскаго вѣча была достигнута безъ единого выстрѣла. Государь удовольствовался этимъ успѣхомъ и отложилъ все остальное до болѣе благоприятнаго момента. Надо было дать новгородцамъ нѣсколько успокоиться и освоиться съ новымъ порядкомъ вещей. На первый разъ великій князь ограничился тѣмъ, что велѣлъ захватить и свезти въ Москву: Марѳу Борецкую съ внукомъ, Ивана Кузмина Савелкова, Окинфа съ сыномъ Романомъ, Юрія Репехова, Григорья Арзубьева и Марка Панфилова. Имущества ихъ были конфискованы. Въ чемъ заключалась вина этихъ людей, лѣтописецъ не говоритъ. Надо полагать, они составляли зерно партіи противной московскимъ порядкамъ.

До 1484 года государь московскій остался вѣренъ своему слову и не касался земель и водъ новгородскихъ. Подъ этимъ же годомъ въ лѣтописи записано:

„Тоеже зимы поймалъ князь велики блѣшихъ бояръ новгородцкихъ и боярынь, а казны ихъ и села все велѣлъ отписать на себя, а имъ подавалъ помѣстія на Москвѣ; а иныхъ бояръ, которые коромолу дрѣжали отъ него, тѣхъ велѣлъ заточити въ тюрьмы по городомъ“.

Поиманіемъ Марѳы Борецкой съ 7-ю товарищами, значить, крамола не была уничтожена. Въ 1484 году оказались новые крамольники. Но дѣло не ограничилось наказаніемъ виновныхъ. Съ московской точки зрѣнія виноваты были весь Новгородъ. Въ немъ удержались порядки, не соединимые съ дальнѣйшимъ развитіемъ Московскаго государства. Новгородцы, на основаніи соглашенія 1478 года, служили только въ предѣлахъ новгородской волости, а въ службѣ нуждалось все Московское государство. Размѣръ новгородской дани опредѣлялся тѣмъ же соглашеніемъ, а не постоянно возрастающими нуждами государства. Иванъ Васильевичъ, конечно, не могъ примириться съ такими ограниченіями своей воли. Надо было слить Новгородъ съ Москвой и надо было сдѣлать это основательно. Чтобы

уничтожить гнѣздо старыхъ новгородскихъ преданій и порядковъ, созданныхъ „цѣловальнымъ спискомъ“ 1478 г., у Ивана Васильевича нашлось подходящее средство: выводъ новгородцевъ изъ новгородской волости въ Москву и водвореніе на ихъ мѣстахъ новыхъ московскихъ людей. Начало такому сліянію Новгорода съ Москвой Иванъ Васильевичъ и положилъ въ 1484 году. Мѣра рѣшительная и осуществлена была она въ большихъ размѣрахъ. Въ 1484 году было выведено изъ Новгорода болѣе семи тысячъ житыхъ людей. Да кромѣ того, государевъ намѣстникъ, Яковъ Захарычъ, многихъ еще пересѣкъ и перевѣшалъ: на нихъ пало подозрѣніе въ желаніи убить его. Въ 1489 году послѣдовалъ новый выводъ новгородскихъ бояръ, житыхъ людей и гостей; въ этомъ году перевели въ Москву болѣе тысячи челоуѣкъ. Имъ дали помѣстья въ Володимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, въ Ростовѣ и другихъ городахъ.

Это перемѣщеніе новгородцевъ въ Москву, а москвичей въ Новгородъ повело къ составленію чрезвычайно важнаго памятника древняго новгородскаго землевладѣнія, писцовыхъ новгородскихъ книгъ конца XV вѣка. Возникновеніе переписи земельныхъ владѣній относится у насъ къ очень глубокой старинѣ. Древнѣйшія указанія на нее Неволинъ находитъ въ памятникахъ начала XII вѣка. Такая крупная мѣра, какъ замѣщеніе новгородскихъ владѣльцевъ московскими, потребовала составленія новой переписи. Къ ней должны были приступить съ началомъ переселенія. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ составлены не въ эту первую перепись, а въ одну изъ позднѣйшихъ, надо думать, вторую ¹⁾. Но онѣ содержатъ въ себѣ итоги и болѣе древней переписи, которая называется въ нихъ „старымъ письмомъ“. Это „старое письмо“ и есть, по всей вѣроятности, первая по покореніи Новгорода перепись. Писцовыя книги конца XV вѣка, называя новыхъ владѣльцевъ, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ, приводятъ и имена старыхъ,

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду писцовыя книги: Вотской пятины второй половины, издана Бѣляевымъ въ XI и XII кн. *Временника* за 1851 г.; Деревской пятины, Вотской—первой половины и части Шелонской, изданы Археографической ком. 1859—1886 гг. Всѣ эти книги составлены въ самомъ концѣ XV вѣка, 1495—1500 гг.

Что перепись Деревской пятины есть именно вторая, на это указано на стр. 226. Послѣ описанія деревень Богд. Трубицына, отданныхъ въ помѣстье дѣтямъ Оед. Шалимова, тамъ сдѣлана такая приписка: „А се те деревни, которые сажалъ вел. князя староста, Ивашко, на трубицынскихъ же земляхъ послѣ первыхъ писцовъ“.

у которыхъ земли эти были отобраны. Такъ какъ отобраніе это совершилось не въ одинъ пріемъ, а послѣдовательно, то писцовыя книги различаютъ „ново-сведенныхъ бояръ“ отъ „старо-сведенныхъ“, не обозначая, однако, когда именно кто былъ сведенъ. Въ моментъ составленія этихъ книгъ не всѣ новгородцы были сведены; въ книгахъ описываются и владѣнія этихъ еще оставшихся на своихъ земляхъ владѣльцевъ. Онѣ даютъ, такимъ образомъ, матеріалъ для изученія не новаго только помѣстнаго владѣнія, введеннаго Иваномъ Васильевичемъ, но и стариннаго новгородскаго. Черты стариннаго новгородскаго землевладѣнія наблюдаются не на однѣхъ только земляхъ уцѣлѣвшихъ на своихъ мѣстахъ новгородцевъ, но и на земляхъ новыхъ помѣщиковъ. Перемена коснулась только хозяевъ, а хозяйство осталось старое, новгородское. И въ какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ ему и нельзя было существенно измѣниться. Новые хозяева водворились въ домахъ старыхъ бояръ, въ ихъ комнатахъ и на ихъ кроватяхъ, и стали, на первыхъ порахъ, совершенно въ то же отношеніе къ хозяйству, въ какомъ были „старо и ново сведеные бояре“. Опись ихъ селъ и деревень пестритъ указаніями на новгородскій хозяйственный бытъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Деревня Вѣтка, принадлежавшая Ивану Петрову Чашникову, была отобрана на великаго князя и пожалована имъ новгородскому владыкѣ еще „до перваго письма“. Въ описаніи ея читаемъ: „А стараго дохода шло Ивану Петрову три борана, а изъ хлѣба треть“.

Въ Бологовскомъ погостѣ великій князь конфисковалъ село Медвѣдево, принадлежавшее братьямъ Шалимовымъ. Вслѣдъ за описаніемъ дворовъ и обожъ этого села читаемъ: „Стараго дохода не было, пахалъ ихъ Степанъ (Шалимовъ) съ братомъ своими людьми на себя“.

Село Честово на рѣкѣ Мстѣ было отдано въ помѣстье А. М. Сарыхозову съ дѣтьми. Съ него также въ новгородское время дохода не было, потому что „въ немъ жили сами бояришки“¹⁾.

Писцовыя книги конца XV вѣка даютъ намъ, такимъ образомъ, картину стариннаго новгородскаго землевладѣнія. Изъ нихъ мы можемъ узнать, кто могъ владѣть землей и на какомъ правѣ, въ какихъ отношеніяхъ находился владѣлецъ къ населенію земли, какъ велъ хозяйство, какіе получалъ доходы.

Начнемъ съ перваго вопроса, вопроса о томъ, кто могъ владѣть въ Новгородѣ недвижимостями?

¹⁾ Нов. пис. кн. III 23, I 100.

Въ Новгородѣ недвижимостями могли владѣть какъ лица физическія обоюго пола, такъ и лица юридическія. Въ числѣ сведеныхъ владѣльцевъ встрѣчаемъ: бояръ, купцовъ, посадскихъ людей, владыку, его слугъ, поповъ, монаховъ, монастыри и церкви ¹⁾).

Въ Новгородѣ, какъ и во всей древней Руси, терминъ бояринъ означалъ всѣхъ состоятельныхъ людей, къ которымъ принадлежала и весьма широкая масса землевладѣльцевъ; весьма понятно, что эти состоятельные люди очень различались по своему богатству, что и выражалось въ предикатахъ: большіе бояре, великіе, нарочитые и въ противоположность имъ — меньшіе. Это различіе оставило свой слѣдъ и въ писцовыхъ книгахъ, но нѣсколько въ иной формѣ. Небольшія земельныя владѣнія называются въ нихъ „боярщинами“, а прежніе ихъ обитатели „бояришками“; о болѣе же крупныхъ владѣніяхъ выражаются такъ: „Ивановская боярщина“, „изъ старины былъ дворъ боярскій“. Имѣнія купцовъ тоже называются боярщинами ²⁾).

Описаніе конфискованныхъ новгородскихъ селъ и деревень ведется въ такомъ порядкѣ. Сперва описываются конфискованныя села и деревни, оставленныя государемъ за собой или отданныя въ помѣстья, а въ концѣ cadaго погоста описываются деревни „своеземцевъ“. Кто эти своеземцы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ чрезвычайно простъ: онъ дается содержаніемъ предшествующаго описанія. Передъ своеземцами описаны земли, конфискованныя государемъ и розданныя въ помѣстья. Помѣщики сидятъ на пожалованныхъ имъ государемъ земляхъ, они не своеземцы. Кто же своеземцы? Это остатокъ новгородцевъ, у которыхъ земли еще не конфискованы. Они продолжаютъ еще сидѣть на своихъ земляхъ, они своеземцы. У кого земли отобраны, старо и ново сведеные бояре и бояришки, тоже были своеземцы, да перестали ими быть; ихъ испомѣстили на московскихъ земляхъ, и они стали помѣщиками, а были своеземцами.

„Своеземецъ“ — вотъ типическая форма древняго новгородскаго землевладѣнія. Новгородецъ сидѣлъ на своей землѣ. Онъ собственникъ. Онъ наследуетъ эту землю и распоряжается ею. Земля своеземца-попа называется его отчиной (Нов. пис. кн. III 444).

¹⁾ Новг. пис. кн. I 128, 147, 296, 318, 886; II 150, 449, 453, 485, 550; III 5, 14, 23, 358, 444, 680, 727, 756, 876.

²⁾ Нов. пис. кн. I 54: „Въ Посонскомъ же погостѣ великаго князя деревни Кононовскіе Оеромѣва, купецкія, съ Лубяницы“... А въ итогѣ: „и по старому писму въ обѣихъ боярщинахъ“ и т. д.

Иванъ Васильевичъ началъ конфискацію съ земель крупныхъ бояръ, какъ болѣе опасныхъ противниковъ московскихъ порядковъ. Болѣе мелкіе своеземцы остались пока на своихъ отчинахъ. Но это вовсе не значитъ, что владѣнія ихъ пользуются привилегіей неприкосновенности. Это временный порядокъ и только. Полное слитіе съ Москвой должно было совершиться и по отношенію къ нимъ. Это вопросъ времени и обстоятельствъ, не болѣе. Въ погостѣ Виньевскомъ своеземцу Митѣ Онтипину принадлежала деревня Новина въ одинъ дворъ и въ одну обжу. Владѣніе очень небольшое, крестьянское; но и оно оставалось за нимъ только до 1500 года. Въ этомъ же году деревня эта была конфискована и отдана тремъ братьямъ, князьямъ Кропоткинымъ, Ивану, Ѳеодору и Тимофею Александровичамъ, конечно, для округленія ихъ помѣстій. То же случилось и съ своеземцевской деревней вдовы Оринки. По переписи конца XV вѣка она отобрана на государя, но оставлена за Оринкой и ея дѣтьми изъ платежа оброка; а въ 1499 г. взята изъ оброка и отдана въ помѣстье Ушакову. Въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1581 г. находимъ такое мѣсто: „Были деревни своеземцевы, а нынѣ за государемъ“ ¹⁾. Выводъ новгородцевъ продолжается и въ XVI вѣкѣ.

Познакомимся нѣсколько ближе съ этимъ послѣднимъ остаткомъ новгородскихъ своеземцевъ, въ ихъ прежнемъ еще состояніи.

Среди своеземцевъ мы находимъ: купцовъ, посадскихъ людей, иконниковъ, конюха, попа, словомъ лицъ всевозможнаго положенія ²⁾.

Противоположность города и деревни по землевладѣнію тогда еще не существовала. Корельскіе посадскіе люди суть своеземцы, они владѣютъ землями въ Ровдумскомъ погостѣ Вотской пятины. Купецъ, Ивашко Холопецъ, живетъ въ Ивангородѣ, а въ Буряжскомъ погостѣ имѣетъ три деревни. У новоторжца, О. М. Филина, есть деревня въ

¹⁾ А случалось и такъ. Одни изъ лицъ той же фамиліи сводились въ Москву, а другія оставались на своихъ мѣстахъ и показаны среди своеземцевъ. У Алекс. Спенцына деревня конфискована на государя и отдана въ помѣстье, а Якушъ, Дмитрій и Гридя Спенцыны описаны вмѣстѣ съ своеземцами. Всѣ эти Спенцыны живутъ въ одномъ погостѣ и, конечно, родственники, но одинъ сведеный боярышекъ, а остальные своеземцы. Нов. пис. кн. I 35—38, 248; II 242—3. Неволинъ о новгородскихъ пятинахъ, Приложение IX 274.

²⁾ Новог. писц. кн. III 50, 105, 550, 581, 879; IV 36, 127. *Временникъ* XII 4 сл.—Русская Правда говоритъ только о княжескихъ конюхахъ и конюшихъ. Но они, конечно, были и у частныхъ лицъ. О конюхѣ своеземцѣ, упоминаемомъ въ III кн. 50, сказано, что онъ съ Развазжи улицы. Это, можетъ быть, конюхъ частнаго человѣка, у котораго былъ свой домъ на Развазжей улицѣ.

Ясеновичскомъ погостѣ, а у М. Боборыкина, съ Буяны улицы, тамъ цѣлыхъ три деревни. У новгородца Ѳ. М. Воронкина, съ Добрыни улицы, есть деревня въ Гдицкомъ погостѣ, а самъ онъ живетъ въ Копорскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Своеземцы владѣютъ недвижимостями не въ уѣздахъ только, но и въ городахъ. Въ городѣ Корелѣ на посадѣ есть своеземцовы дворы. Въ городѣ Ямѣ горожане имѣютъ свои своеземцевскіе дворы на посадѣ и внутри города.

Своеземцы распоряжаются своими землями, какъ собственностью. Они даютъ ихъ въ приданое за дочерью, мѣняются ими и пр. Нов. пис. кн. I 478; III 76 сл.

Къ своеземцамъ относятся и тѣ монастыри и церкви, у которыхъ старинныя ихъ владѣнія не были отобраны, а также и самъ владыка. И дѣйствительно, такія старинныя владѣнія духовныхъ учрежденій описываются иногда подъ рубрикой своеземцевъ непосредственно вслѣдъ за своеземцами, то-есть, тоже какъ своеземцы. Такой порядокъ нерѣдко встрѣчается въ описи Вотской пятины. Къ рубрикѣ своеземцевъ отнесены, напримѣръ, монастырскія земли въ погостахъ Городенскомъ, Сакульскомъ, Кирьяжскомъ, Иломанскомъ, Лузскомъ, Тесовскомъ, Спаскомъ и др. ²⁾).

Посмотримъ теперь на размѣры владѣній послѣднихъ новгородскихъ своеземцевъ. Они очень различны. Владѣнія самыхъ бѣдныхъ ограничиваются одной деревней и однимъ дворомъ. Но нерѣдки владѣльцы—7 и 8 деревень, а встрѣчаются и болѣе богатые. У Никиты Павловича Рогульскаго въ двухъ погостахъ было 10 деревень, ржи высѣвалось на его земляхъ, имѣ и его крестьянами, до 400 пудовъ; у брата его, Исаака Павловича, было 12 деревень, ржи высѣвалось тоже до 400 пудовъ; у Степана Кузьмича Гаврилова было 10 деревень, ржи высѣвалось до 300 пудовъ; Иванъ Кузьмичъ Орефинъ жилъ въ сельцѣ Ивановѣ, къ которому тянуло 12 деревень, у него высѣвалось до 480 пудовъ ржи. Это все очень состоятельные люди ³⁾. Самый маленькій изъ нихъ, С. К. Гавриловъ, по теперешнему высѣву въ С.-Петербургской губерніи (отъ 9 пуд. до 12 на десятину), дол-

¹⁾ *Временникъ* XII 5 и 104. Нов. пис. кн. I 69, III 36, 65. Послѣ описанія владѣній и дохода Воронина, въ писцовой книгѣ приписано другой рукой: „И се по старинѣ“.

²⁾ *Временникъ* XII 30, 64, 139, 178; Нов. пис. кн. III 22, 51, 65, 78, 104, 276.

³⁾ *Временникъ* XII стр. 17 сл. и 47 сл.; Нов. пис. кн. I ст. 555.

женъ былъ имѣть отъ 25 до 33 десятинъ въ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ 75 до 99 десятинъ одной пахатной земли. Если прибавить къ этому соотвѣтствующее количество земли на дворъ, выгонъ, огородъ, луга и лѣса, то получится участокъ, значительно превосходящій тотъ размѣръ помѣстья, съ котораго въ половинѣ XVI вѣка служилый человекъ долженъ былъ выступать въ походъ на конѣ и въ полномъ dospѣхѣ, а въ дальнѣйшій походъ и на двухъ коняхъ. А Орефинъ былъ богаче Гаврилова болѣе чѣмъ на цѣлую треть. Однофамилецъ этого Орефина и, конечно, родственникъ, Михайлъ Орефинъ, имѣлъ село и къ нему 18 деревень; онъ сведеный боярышекъ. Село и деревни его достались кн. Крапоткинымъ, двумъ Андреямъ да Василью Александровичамъ. I 429.

На ряду съ такими, можно сказать, богатыми своеземцами, встрѣчаемъ и весьма бѣдныхъ. Владѣнія нѣкоторыхъ не переходятъ за предѣлы обыкновеннаго крестьянскаго участка, который они и обрабатываютъ своими руками, напримѣръ: „Въ Турнахъ деревня (своеземца) Омеляникова Панкратова, деревня Матвѣевское: дворъ самъ Омелянко Панкратовъ, сѣетъ ржи 2 коробы, а сѣна косить 20 копень, обжа“. Или: „Деревня Дуплево (своеземецъ) Лучкина да Ѳедкова да Ивлева, Орефиныхъ дѣтей, Дорофѣева. Дворъ самъ Лучка да Иевко да самъ Ѳедко, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 50 копень, 2 обжи“.

Въ первомъ случаѣ на владѣльца приходится отъ одной до двухъ десятинъ; во второмъ—на трехъ своеземцевъ, родныхъ братьевъ, живущихъ въ одномъ дворѣ,—отъ 3-хъ до 4-хъ десятинъ въ полѣ. Что это за своеземцы? Это, конечно, крестьяне-собственники, которые сами пашутъ, сѣютъ, косятъ.

Итакъ, послѣдніе новгородскіе своеземцы представляютъ чрезвычайно широкій классъ, который въ низу начинается крестьянами собственниками и восходитъ до людей, могущихъ жить доходами съ своихъ земель, не прикладывая къ нимъ рукъ.

Зажиточные своеземцы сдаютъ свои земли въ аренду крестьянамъ и имѣютъ своихъ людей (рабовъ), силами которыхъ и пользуются для обработки собственной запашки ¹⁾. Это тѣ же „бояришки“.

Своеземецъ назывался иногда сокращенно—земецъ ²⁾.

¹⁾ *Временникъ* XII 13, 20; Нов. пис. кн. I 319; II 236. На стр. 20 *Временника* итогъ дворовъ, людей и обожъ подведенъ неправильно, онъ показанъ выше дѣйствительнаго. Такія ошибки не рѣдки.

²⁾ Наши историки давно замѣтили новгородскихъ своеземцевъ, но они ви-

Итакъ, типъ первоначальнаго новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, то-есть, частный собственникъ. Таковы бояре, начиная съ большихъ и оканчивая мелкими, бояришками, таковы купцы, посадскіе люди, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри и церкви. На такихъ владѣльцахъ-собственникахъ не лежало никакихъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ Новгороду и князю, они платили только нѣкоторый налогъ съ каждой обжи владѣемой ими земли, такъ называемую обожную дань. Зависимое владѣніе въ Новгородѣ впервые вводится великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ 1477 года. Отобранныя у новгородцевъ земли онъ раздаетъ своимъ служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Остатокъ состоятельныхъ своеземцевъ также обращается имъ въ людей обязанныхъ службой. Переселяя большихъ бояръ и бояришекъ въ Москву и обязывая ихъ службой, московское правительство не могло оставить свободными отъ службы и послѣднихъ своеземцевъ. Указанія на ихъ обязанность служить находимъ уже въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка. Въ Шегринскомъ погостѣ великій князь имѣлъ деревню въ общемъ владѣніи съ своеземцемъ, Данилкою Оминымъ. Вотъ описаніе участка Омина.

„Дворъ Данилко Оминъ, своеземецъ, дворъ—подворникъ его, Петрушка Гридинъ, сѣютъ ржи 3 коробы, а сѣна косятъ 13 копенъ,

дять въ нихъ нѣкоторый опредѣленный классъ людей. Первый высказался въ этомъ смыслѣ И. Д. Бѣляевъ. У него своеземцы то же, что въ другихъ мѣстахъ помѣщики, то-есть, лица, обязанные за землю, которую получили отъ новгородскаго вѣча, нести военную службу. Разказы II 68. Къ этому мнѣнію присоединился г. Чечулинъ, Города 126; но у него, кажется, остались нѣкоторыя сомнѣнія относительно правильности принятаго имъ мнѣнія. Мы заключаемъ это на основаніи тѣхъ сѣтованій о скудости дошедшихъ до него извѣстій о своеземцахъ, которыя онъ высказываетъ и на 43 и на 125 стр. Но раньше Бѣляевымъ было высказано другое мнѣніе, хотя только въ видѣ предположенія: „вѣроятно, говоритъ онъ въ изслѣдованіи о поземельномъ владѣніи, это старинные новгородскіе вотчинники“. Совершенно вѣрная догадка, хотя слово „старинные“ придаетъ односторонній, а потому и невѣрный признакъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Разказахъ онъ сталъ на другую точку зрѣнія. Г. Соколовскій думаетъ что „своеземцы были владѣльцы небольшихъ участковъ, которые, кажется, не были собственниками своихъ участковъ“. Очеркъ исторіи сельской общины 10. Ближе къ истинѣ г-жа Ефименко. Она видитъ въ своеземцахъ мелкихъ собственниковъ, которые, однако, съ точки зрѣнія права, ничѣмъ не отличались отъ крупныхъ. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884 г., 196. Профессоръ Владимірскій-Будановъ считаетъ своеземцевъ сельскими тяглыми частными собственниками, но видитъ въ этомъ рѣдкій и исключительный случай. Близко къ этому и мнѣніе А. С. Лапко-Данилевскаго. Прямое обложеніе 100.

обжа..... И Данилко служить не можетъ. *И нынѣ* положено оброку на ту обжу денгами двѣ гривны ноугородцкіе, oprичъ obeжные дани". II 142—143.

На деревню вдовы Оринки тоже былъ положенъ оброкъ „того дѣля, что служить не можетъ". II 242.

Надо думать, что при описи конца XV вѣка, писцы производили разборъ описываемыхъ своеземцевъ, и тѣхъ, кто былъ годенъ въ службу, записывали въ службу, кто не былъ годенъ, облагали оброкомъ, сверхъ obeжной дани. Что это новостъ, это видно изъ приведеннаго мѣста, гдѣ сказано: „и нынѣ положено оброку“.

Писцовыя книги XV вѣка хотя и предполагаютъ службу своеземцевъ, но помѣщиками ихъ еще не называютъ. И это понятно, они служатъ съ своихъ земель, какъ и московскіе вотчинники. Но въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка говорится уже о помѣстьяхъ за своеземцами, — наримѣръ: „Въ Васильевскомъ же погостѣ пустоши, что были деревни за дѣтьми боярскими и за своеземцы въ помѣстьѣ“. Неволинъ, О пятинахъ, Прилож. VI 143.

Надо думать, что въ XVI вѣкѣ нѣкоторые своеземцы надѣлялись уже помѣстьями изъ конфискованныхъ великими князьями въ Новѣгородѣ земель.

Въ памятникахъ XVI вѣка объ этихъ служилыхъ своеземцахъ рѣчь идетъ уже наряду съ новгородскими помѣщиками. Въ наказѣ новгородскому намѣстнику отъ 1-го ноября 1555 года читаемъ:

„Писали есмя въ вамъ напередъ сего да и грамоты во всѣ пятинны къ ноугородскимъ помѣщикомъ и къ (свое) земцемъ къ вамъ послали, а велѣли вамъ тѣ грамоты къ нимъ разослати, да и отъ себя вамъ велѣли къ нимъ грамоты послати, чтобы они съ людьми, и съ конми, и съ dospѣхомъ, на нашу службу были готовы... А (свое) земцомъ послали къ вамъ роспись, и вы бѣ по той росписи однолично тѣмъ земцомъ нашу службу нарядили“... Д. къ А. И. I 66.

Служилымъ своеземцамъ были уже составлены особые списки (росписи), и они приглашались на службу вмѣстѣ съ помѣщиками. Отъ такихъ служилыхъ надо отличать болѣе мелкихъ своеземцевъ, которые, какъ мы видѣли, облагались не службою, а оброкомъ. Московскіе порядки вводятъ этимъ существенное различіе между своеземцами, неизвѣстное новгородской древности. Оброкомъ въ пользу казны великаго князя облагались и крестьяне тѣхъ старо- и новосведенныхъ бояръ, земли которыхъ не были розданы въ помѣстья, а остались за великимъ княземъ. Мелкіе своеземцы, такимъ образомъ,

вводятся въ разрядъ крестьянъ великаго князя, а болѣе зажиточные въ разрядъ его служилыхъ людей.

Новгородское землевладѣніе мало по малу переходитъ въ московское помѣстное и черное.

Старинная поземельная собственность новгородцевъ носила наименованіе „волости“. Напримѣръ: „Волость Казиміровская да Богдановская Норовова“, и затѣмъ идетъ описаніе селъ и деревень, составлявшихъ волость Казиміра Норовова и брата его Богдана. Или „волость Яковлевская Коробова, Москорицы, отдана Ѳедору Филипову сыну Нащокину“. Если же это небольшое владѣніе, оно называется волосткой: „волостка Настасьинская Ивановы жены Григорьева“.

Если на крестьянахъ, сидѣвшихъ на боярской землѣ, лежала натуральная повинность косить сѣно господское, въ такомъ случаѣ говорилось: косятъ волостью.

Слово волость, обозначавшее въ древности всякій административный округъ и даже цѣлое княженіе, употребляется здѣсь для обозначенія собственности потому, конечно, что и собственность состояла подъ властью собственника, какъ административный округъ подъ властью администратора, хотя власть эта и не одинакова по своему существу.

Возникаетъ вопросъ, представляетъ ли новгородское землевладѣніе особенность Новгорода, или оно было нѣкогда и московскимъ, а, слѣдовательно, общерусскимъ?

Новгородское землевладѣніе было общерусскимъ.

Относящіяся къ этому свидѣтельства московскихъ памятниковъ восходятъ къ болѣе глубокой старинѣ, чѣмъ новгородскія писцовыя книги. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ духовныя завѣщанія московскихъ князей, изъ которыхъ древнѣйшее написано въ первой половинѣ XIV вѣка. Въ завѣщаніяхъ князей постоянно упоминаются купленные ими у частныхъ людей села и деревни. Иванъ Калита купилъ одно село въ Новгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимирѣ—Борисовское, пять селъ на Масѣ, одно на Кержачѣ, одно въ Ростовѣ и еще два безъ обозначенія мѣста ихъ нахождения. Продавцы не всѣ названы, князь упоминаетъ лишь о какомъ-то Юрьевѣ, Афинѣ, игуменѣ Прокофѣ да митрополитѣ, у котораго онъ вымѣнилъ половину села. Сынъ Калиты, Семенъ, упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи 7 селъ, изъ которыхъ четыре онъ купилъ въ Переяславлѣ у Ивана Овцы, два у Ивана Дрюцкаго въ Костромѣ и одно у Семена

Новосильскаго. Итакъ, въ началѣ XIV вѣка у московскихъ князей тѣ же способы пріобрѣтенія недвижимостей, что и у частныхъ лицъ, и частные собственники были въ Володимірѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Костромѣ, Дмитровѣ и, надо думать, вездѣ; у нихъ князья и покупали себѣ земли. Даже въ самомъ городѣ Москвѣ не все принадлежало князьямъ. Тамъ были дворы и земли, принадлежавшіе частнымъ лицамъ и потомъ уже перешедшіе къ князьямъ. Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ на Москвѣ своимъ дѣтямъ: Тереховъ садъ, Зворыкинъ дворъ, Игнатъевъ дворъ, Бутовъ садъ, Марьинъ дворъ, Чичановъ садъ. Василій Васильевичъ отказываетъ своей женѣ дворы у св. Рождества, принадлежавшіе роднымъ братьямъ Петру, Ивану и Никитѣ Константиновичамъ, а сыну Борису дворы Марьи Ѳеодоровны. Всѣ эти дворы и сады могли быть куплены князьями, а могли быть и конфискованы. Совершенно то же, что и въ Новгородѣ. Помѣстная система въ это время только зарождается. Иванъ Калита упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи лишь одного помѣщика, Бориску Воркова, которому онъ далъ купленное имъ въ Ростовѣ село. Для достаточнаго развитія помѣстной системы надо было имѣть подъ руками какое-нибудь иное средство пріобрѣтенія земель. При помощи однѣхъ купель нельзя было сломить старину. Помѣстная система существенно измѣнила древнее землевладѣніе, но не уничтожила его. Совершенно ясные остатки его находимъ еще въ XVI вѣкѣ, въ писцовыхъ книгахъ того времени. Въ смыслѣ новгородскаго своеземца въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ—вотчинникъ, который противоплагается помѣщику. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаемъ отдѣльное описаніе вотчинныхъ земель и помѣстныхъ. На основаніи этого описанія можно составить себѣ ясное представленіе о томъ, кто владѣлъ въ Москвѣ вотчинами и на какомъ правѣ.

Въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, какъ и въ древнемъ Новгородѣ, право владѣть недвижимостями принадлежало какъ физическимъ лицамъ обоего пола, такъ и юридическимъ. Въ перечисленіи отдѣльныхъ видовъ этихъ лицъ встрѣчаемъ, однако, особенность, мало извѣстную Новгороду. Въ княжеской Россіи появляется у князей множество мелкихъ слугъ; всѣ эти мелкіе слуги, какъ лица свободныя, тоже могли быть вотчинниками.

Московскія писцовыя книги въ числѣ вотчинниковъ называютъ бояръ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей, посадскихъ, епископовъ, монаховъ, поповъ, монастыри, церкви, а изъ слугъ: дья-

ковъ, подъячихъ, конюховъ, псарей, поваровъ ¹⁾). Въ книгахъ приведены и документы, на основаніи которыхъ они владѣютъ. Это всякаго рода акты распоряженія недвижимостями: купчія крѣпости, закладныя, данныя, рядныя и т. д. Итакъ, московскимъ вотчинникамъ принадлежитъ право распоряженія.

Владѣя на правѣ собственности, вотчинники, какъ и новгородскіе своеземцы, не были обязаны службой. Они могли служить, если хотѣли, и кому хотѣли; а могли и вовсе не служить. Это хорошо извѣстно изъ княжескихъ договорныхъ грамотъ, свидѣтельства которыхъ приведены нами въ I т. древностей. Что права вольныхъ слугъ, утверждаемыя за ними княжескими договорами, были живою дѣйствительностью, а не мертвой буквой, это подтверждается и писцовыми книгами.

Чрезвычайно интересныя указанія на это находимъ въ древнѣйшей изъ писцовыхъ книгъ, напечатанной Калачовымъ ²⁾). Это книга тверскихъ волостей: Захожья, Суземья, Микулинскаго уѣзда и волости Воловичей. Опись этихъ волостей обилуетъ подробностями, не встрѣчающимися въ другихъ книгахъ. Здѣсь указано, состоятъ ли вотчинники на службѣ и кому именно они служатъ. Всего вотчинниковъ въ этихъ волостяхъ насчитывается до 574 человекъ. Изъ

¹⁾ Писц. кн. XVI вѣка подъ ред. Калачова, I 59, 83, 84, 102, 128, 233, 607, II 161, 163, 169, 177, 203.

²⁾ Т. II стр. 141 и сл. Издатель отнесъ составленіе этой книги къ концу XVI вѣка. Г. Милюковъ считаетъ ссылки этой писцовой книги на грамоты 1588 г. описками и полагаетъ, что она составлена лѣтомъ 1555 г. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что упоминаемый въ грамотѣ въ числѣ владѣльцевъ князь Дмитрій Ивановичъ Микулинскій умеръ въ 1556 г. Если бы книга была составлена позднѣе этого года, Дмитрій Ивановичъ Микулинскій не былъ бы названъ въ числѣ наличныхъ владѣльцевъ. Спорные вопросы 38. Заключение совершенно вѣрное. Но въ книгѣ упоминается въ числѣ наличныхъ владѣльцевъ и князь Василій Андреевичъ Микульскій (163, 196, 197, 204), а онъ умеръ въ 1540 г. (Шереметевская Боярская книга). Это даетъ возможность отодвинуть назадъ составленіе писцовой книги еще лѣтъ на шесть къ 1539 г. Этому противорѣчатъ, однако, нѣсколько ссылокъ на помѣстныя грамоты 1547—1548 гг. Надо думать, что здѣсь такая же описка, какъ и въ грамотахъ 1588 г. Указанію на годъ прихода татаръ къ Рязани мы не придаемъ значенія, такъ какъ лицо, составшееся на то, что татары сожгли его деревню, могло имѣть въ виду мелкій набѣгъ татаръ, не оставившій никакого слѣда въ памятникахъ. Для нашей цѣли однако, совершенно безразлично, въ 1555 или въ 1539 году написана эта книга; наши выводы нисколько не страдаютъ даже и въ томъ случаѣ, если бы она была написана въ концѣ XVI вѣка, что, впрочемъ, трудно допустить.

этого числа на службѣ великаго князя состояло только около 230 человекъ; владыкѣ тверскому служили 60 вотчинниковъ, рязанскому—1, частнымъ лицамъ — 65, никому не служили—150, о 68 ничего не сказано. Нѣкоторые изъ этого послѣдняго разряда состояли, однако, на службѣ великаго князя, какъ, напримѣръ, всѣ князья Микулинскіе, а нѣкоторые изъ неслужившихъ не служили по малолѣтству. Такимъ образомъ, число лицъ, служившихъ частнымъ лицамъ, составляетъ 50% того числа, которое было на службѣ великаго князя.

Мы можемъ даже сказать, чѣмъ послуживцами были эти частные вотчинники. Всего больше ихъ было у князя Дмитрія Ивановича Микулинскаго, число его слугъ достигаетъ 30 человекъ. А этотъ Микулинскій не значится даже среди московскихъ придворныхъ чиновъ; въ 1522 г. онъ былъ только однимъ изъ воеводъ лѣваго полка при осадѣ Казани ¹⁾. У брата его, Семена Ивановича, введеннаго боярина съ 1549 г., такихъ слугъ было 11 человекъ. У жены Василя Андреевича Микулинскаго, княгини Анны,—5 человекъ. Кромѣ Микулинскихъ, тверскіе вотчинники служили боярину Михаилу Яковлевичу Морозову, окольничему Ивану Ѳедоровичу Карпову, князьямъ Ивану Ѳедоровичу и Борису Дмитріевичу Оболенскимъ, Григорію Тимоѣевичу Борисову, Пятому Новошину и Андрею Яхонтову; у cadaго изъ нихъ было по одному слугѣ. Итакъ, до половины XVI вѣка и въ Москвѣ вотчинники еще не утратили своихъ старинныхъ правъ—свободнаго владѣнія недвижимостями.

Что касается размѣровъ владѣній частныхъ и княжескихъ слугъ, между ними нельзя провести рѣзкой границы. Среди великокняжескихъ встрѣчаются очень мелкіе люди, съ 8 четями въ полѣ (4 десятины), владѣнія частныхъ слугъ достигаютъ 46 четей въ полѣ. Точно также и размѣръ владѣній лицъ, которыя никому не служатъ, не представляетъ какихъ-либо рѣзкихъ особенностей; нѣкоторыя достигаютъ 50 четей въ полѣ.

Итакъ, еще въ половинѣ XVI вѣка служба вотчинниковъ великому князю Московскому еще не была обязательна; они могли никому не служить и не теряли своихъ вотчинныхъ правъ. Они продолжали жить въ своихъ вотчинахъ, наследовать въ нихъ и распоряжаться ими по усмотрѣнію. Но, понятно, большинство изъ нихъ все же служило великому князю; эта служба вела къ награжденію

¹⁾ Микулинская лѣтопись, составленная по древнимъ актамъ отъ 1354 до 1678 гг. М. 1854 г.

помѣстѣями, доходными должностями, а потому была очень привлекательна.

Великій князь Иванъ Васильевичъ находилъ, однако, этотъ порядокъ частной службы неудобнымъ и по завоеваніи Новгорода отобралъ у нѣкоторыхъ князей и бояръ ихъ служилыхъ людей и помѣстилъ ихъ на конфискованныхъ у Новгорода земляхъ въ Вотской пятинѣ¹⁾. Мысль великаго князя пошла и дальше. Въ завѣщаніи его находимъ нѣсколько распоряженій объ обязательной службѣ вотчинниковъ. Они касаются служебныхъ князей, которые имѣютъ вотчины въ Московской и Тверской землѣ, и бояръ и дѣтей боярскихъ ярославскихъ. Эти лица обязаны служить преемнику великаго князя и теряютъ свои вотчины, если отъ него отъѣдутъ. Но это мѣра спеціальная, касается только нѣкоторыхъ служилыхъ лицъ, не простирается на всю территорію государства и, какъ исключеніе, подтверждаетъ только общее правило о вольной службѣ вотчинниковъ, которая и при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ не перешла еще въ обязательную.

Только въ половинѣ XVI вѣка Иваномъ Грознымъ установлена была уложенная служба со всѣхъ вотчинъ наравнѣ съ помѣстѣями. Съ этого времени уклоненіе отъ службы могло вести къ отобранію вотчины. Здѣсь окончилась до-московская старина.

Изъ памятниковъ до-московскаго времени укажемъ на завѣщаніе волинскаго князя Владиміра Васильковича 1286 г. У него тоже было купленное село, которое онъ и отказываетъ своей женѣ. Рум. собр. II 4 — 5. Итакъ, князья ни на сѣверѣ, ни на югѣ Россіи не

¹⁾ Послужильцы были отобраны: у Тучковыхъ, у Ивана и Василя, — 17 семей, у князя Семена Ряполовскаго — 6, у Шереметевыхъ — 9, у Кузмина — 1, у Есипова — 4, у Травина — 8, у Обрабова — 2 семьи. Карамзинъ VI пр. 201. Слуги частныхъ лицъ были очень разнаго состоянія. На ряду съ вотчинниками среди нихъ могли быть и лица, которыя ровно ничего не имѣли. Изъ памятниковъ XVII вѣка узнаемъ, что послуживцы оставляютъ дворы своихъ господъ и рядятся въ крестьяне и бобыли. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія, I № 41 и 44, 1646—1648 гг. Эти послуживцы ничего не имѣли кромѣ свободы и права располагать своимъ трудомъ. Какого рода люди были послуживцы, которыхъ Иванъ Васильевичъ испомѣстилъ въ Вотской пятинѣ, это трудно сказать. Онъ вывелъ ихъ „изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ“; они, слѣдовательно, жили не у себя, а въ господскихъ дворахъ. Но это не значитъ, что они не могли имѣть своихъ вотчинъ. Если государь обратилъ на нихъ вниманіе, то, конечно, потому, что это были люди состоятельные, а не голъ перекатная.

были владѣльцами всѣхъ недвижимостей и пріобрѣтали ихъ тѣми же способами, какъ и всѣ частные люди.

Мы указали выше, что рядомъ съ физическими лицами въ древности были собственниками и лица юридическія: монастыри и церкви. А государство и крестьянскія общины были они собственниками? Отвѣтъ на этотъ вопросъ начнемъ съ Новгорода.

Въ Новгородѣ уже въ очень глубокой древности появилась потребность образовать особые земельные участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ. Эти участки не составляли собственности какого-либо частнаго лица, у князя они находились во временномъ пользованіи, и съ удаленіемъ его переходили въ пользованіе его преемника. Это и есть первый примѣръ возникновенія на Руси государственной собственности. Это собственность государя Новгорода Великаго. Древнѣйшее указаніе на нее находимъ въ первомъ дошедшемъ до насъ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ.

„А поже (луга), княже! сказано въ договорѣ, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ поже, а то ти, княже, не надобе“. Рум. собр. I № 1, 1265.

Такъ какъ въ томъ же договорѣ есть статья, воспреещающая князю и его боярамъ пріобрѣтеніе въ Новгородѣ недвижимостей, то подъ пожнями въ приведенной статьѣ надо разумѣть не купли князя и его мужей, а земли, отведенныя въ ихъ пользованіе Новгородомъ.

Дальнѣйшія указанія на наличность въ Новгородѣ государственныхъ имуществъ находимъ въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Въ нихъ рѣчь идетъ о селахъ и деревняхъ, состоящихъ изъ *старинны* за намѣстниками ямскими, орѣховскими и др.¹⁾ Эти села и деревни не собственность того или другого намѣстника, они переходятъ отъ одного намѣстника къ другому; это собственность Новгорода.

Какъ возникла государственная собственность въ Новгородѣ? Прямыхъ указаній на это нѣтъ, но можно сдѣлать догадку. Мы знаемъ, что въ Новгородѣ была особая государственная казна, средства которой шли на выкупъ новгородскихъ недвижимостей, проданныхъ людямъ иныхъ княженій, въ томъ случаѣ, когда самъ продавецъ не могъ выкупить этихъ земель. Такой порядокъ существовалъ

¹⁾ Временникъ XI 117; Новог. пис. кн. III 885.

въ Новгородѣ уже въ самомъ началѣ XIV вѣка. Въ договорѣ съ тѣмъ же великимъ княземъ тверскимъ читаемъ:

„А что, княже, селъ твоихъ, и владычныхъ, и княгыниныхъ, и бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской земли, которое село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ поидеть къ Новугороду; а кто купилъ, а тый знаетъ своего истца, или дѣти его. Истца ли не будетъ, ни дѣтей его, цѣловати ему крестъ, како истца невѣдаеть. Взяти ему колико будетъ по исправѣ, а земля къ Новугороду“. Рум. собр. I № 6, 1305.

Тверичи не должны покупать въ Новгородѣ земель. Но могло случиться, что они купили. На этотъ случай и написана приведенная статья. Она предписываетъ возвратить продавцу землю и получить съ него деньги. Но продавца можетъ не оказаться (а можно добавить: у продавца можетъ не оказаться денегъ); въ этомъ случаѣ выкупаетъ Новгородъ и земля идетъ ему. У Новгорода есть, слѣдовательно, государственная казна. Думаемъ, что земли, предоставляемыя князьямъ и намѣстникамъ, покупались на средства этой казны.

Эта новгородская казна могла имѣть очень длинную исторію, намъ неизвѣстную. Древнѣйшее указаніе на нее можно видѣть въ извѣстіи, относящемся къ княженію св. Владиміра, когда въ Новгородѣ посадничалъ сынъ его Ярославъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ платилъ дань отцу въ Кіевъ по 2000 гривенъ въ годъ и раздавалъ въ Новгородѣ гридемъ (мечникамъ) по 1000 гривенъ. Едва ли Ярославъ платилъ эти деньги изъ своихъ собственныхъ средствъ; можно думать, что уже тогда была новгородская казна. Весьма вѣроятно, что дань въ Кіевъ тяжелымъ бременемъ ложилась на эту казну. Въ 1015 г. Ярославъ прекратилъ посылку 2000 гривенъ въ Кіевъ. Владиміръ сталъ собирать рать на Новгородъ и приказалъ готовить путь, но заболѣлъ и умеръ. Лавр. Этимъ была предупреждена война отца съ сыномъ.

Можно допустить, что въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ происходила частая смѣна князей, могли быть недвижимости, предоставляемыя въ ихъ временное пользованіе, и принадлежавшія не князю, а княженію. Тамъ же, гдѣ утверждалась одна линія князей и столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такія отведенныя князю земли легко переходили въ наслѣдственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы. Со смерти Ивана

Даниловича на московскомъ престолѣ утверждается линія его нисходящихъ. Были или нѣтъ въ Московскомъ княженіи какія-либо недвижимости, предназначенныя для обезпеченія потребностей князя, мы не знаемъ; но если и были, онѣ должны были слиться съ недвижимостями царствующаго дома. Вотъ почему ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи Владимірскомъ, въ которомъ утверждается та же московская линія князей, ни въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственный. Земли великаго князя различаются на черныя и дворцовыя; послѣднія приписаны къ дворцамъ и несутъ особыя повинности на ихъ содержаніе; но и тѣ и другія одинаково принадлежатъ государю и даже повинностями не всегда различаются. Великій князь одинаково распоряжается какъ тѣми, такъ и другими. Черныя земли могутъ быть приписаны ко дворцу, а дворцовыя отписаны въ черныя. И тѣ и другія могутъ быть розданы въ помѣстья и вотчины, могутъ быть назначены сыновьямъ, княгинямъ, дочерямъ, монастырямъ и т. д. Наши источники не дѣлаютъ никакого различія между куплями государя, конфискованными имъ у частныхъ людей землями и другими его владѣніями, способъ приобрѣтенія которыхъ остался намъ неизвѣстенъ. Все это безразлично называется государевыми землями и управляется на одинаковыхъ основаніяхъ.

Совершенно правильная точка зрѣнія на отсутствіе различія въ Москвѣ между частнымъ княжескимъ имуществомъ и государственнымъ давно уже высказана въ нашей литературѣ; но такъ же старо и противоположное мнѣніе о томъ, что черныя земли составляютъ государственную собственность. Первое мнѣніе принадлежитъ Б. Н. Чичерину, второе И. Д. Бѣляеву. Послѣднее мнѣніе высказывается нерѣдко и въ новыхъ трудахъ ¹⁾).

Съ прекращеніемъ дома Рюриковичей и съ избраніемъ на московскій престолъ Бориса Годунова могъ возникнуть вопросъ о принадлежности тѣхъ громадныхъ имуществъ, которыя были накоплены по-

¹⁾ Опыты по исторіи русскаго права Чичерина, 1858, стр. 256; *Временникъ* XI О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ Бѣляева стр. 3. 1851. Наличность государственныхъ имуществъ въ Москвѣ и теперь признается проф. Ключевскимъ, *Русская Мысль* 1880 г. № 1 стр. 63; проф. Платоновымъ, *Очерки по исторіи смуты*, 1899, стр. 163 и многими другими.

томками Ивана Калиты въ теченіе XIV, XV и XVI вѣковъ. Для Бориса Годунова они не составляли наслѣдственныхъ владѣній его предковъ. Но такого вопроса не возникло, онъ не былъ по плечу государственныхъ людей того времени, и въ XVII вѣкѣ продолжается прежнее безразличіе государственныхъ и частныхъ владѣній государя.

На почвѣ этого безразличія и возникло, кажется намъ, мнѣніе о вотчинномъ періодѣ русской исторіи, впервые высказанное Кавелинымъ. Но Кавелинъ только намекнулъ на эту мысль, не развивъ и не доказавъ ея. Несмотря на это, брошенный имъ намекъ имѣлъ большой успѣхъ. Послѣдователи его говорятъ о вотчинномъ періодѣ, какъ о твердо установленномъ научномъ фактѣ; въ дѣйствительности это только неосторожное обобщеніе, совершенно, впрочемъ, понятное въ статьѣ столь общаго содержанія, какъ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ Кавелина.

„Съ этого времени (послѣ Андрея Боголюбскаго), говоритъ онъ, все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родового единства между князьями исчезло... Они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній... Княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между дѣтьми... Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ своихъ владѣній, и дружинники его сдѣлались мало-по-малу его слугами... Лицо князя вырастаетъ... Общинное начало сходитъ со сцены. Вѣча теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами“ ¹⁾.

Вотъ и все. Здѣсь смѣшеніе частной вотчины съ вотчиной-государствомъ и только. И государство и деревня называются отчиной, если достались отъ отца; и государство и деревня могутъ быть отказаны дѣтямъ и между ними раздѣлены. Но этимъ и ограничивается сходство. Передавая дѣтямъ села и деревни, князья передаютъ имъ свою частную собственность; передавая имъ княженія или части ихъ, они передаютъ имъ свою правительственную власть, право собирать тамгу, мыто и другія пошлины, право судить и оберегать людей отъ воровъ и разбойниковъ. На территоріи княженія, которую князь наслѣдуетъ отъ отца и передаетъ своимъ дѣтямъ, не все принадлежитъ ему въ частную собственность, тамъ есть и другіе частные собственники; но у нихъ нѣтъ ни права тамги, ни права суда,

¹⁾ Сочиненія, изд. 1859. I 343—355.

ни другихъ правъ государственной власти. Этихъ правъ государственной власти нельзя выводить изъ начала собственности. Авторъ сдѣлалъ излишнее обобщеніе и ничего больше. Съ указанной имъ точки зрѣнія рѣшительно ничего не произошло новаго послѣ Андрея Боголюбскаго. То, что онъ считаетъ новымъ, практиковалось всегда. Древнѣйшій случай наименованія княженія вотчиной относится ко времени Владиміра Св. Почти за сто лѣтъ до Боголюбскаго эти вотчины дѣлились уже между дѣтьми вотчинника. На любецкомъ съѣздѣ (1097) князья рѣшили сидѣть въ своихъ отчинахъ. На основаніи этого опредѣленія, три сына Святослава Черниговскаго должны были довольствоваться черниговской отчиной своего отца, то-есть, подѣлить ее между собой. Это дѣлаютъ и московскіе князья до самаго конца XVI вѣка. Итакъ, или вотчинный періодъ, начавшись при первыхъ князьяхъ, не прекращался до XVII вѣка, или его никогда не было. Сторонники же этого мнѣнія отводятъ вотчинному періоду опредѣленное время, онъ возникаетъ послѣ Андрея Боголюбскаго и начинаетъ уступать свое мѣсто зарожденію государственныхъ началъ только во второй половинѣ XV вѣка. Но въ XVI вѣкѣ московское государство есть отчина московскихъ государей никакъ не менѣе, чѣмъ она была ею въ XIV и XV вѣкахъ; а, съ другой стороны, московскіе князья XIV и XV вѣка также судили и рядили свою землю, какъ и ихъ преемники, то-есть, они были не только вотчинники, но и государи.

Переходимъ къ вопросу о землевладѣніи крестьянскихъ общинъ. Новгородскія писцовыя книги проливаютъ и на него яркій свѣтъ. Къ сожалѣнію, не всѣ эти книги сохранились, а напечатано ихъ еще менѣе, чѣмъ сохранилось. Есть достаточное основаніе думать, что въ концѣ XV вѣка были описаны всѣ новгородскія пятины. Изъ имѣющихся на лицо переписей напечатаны описи Деревской, Вотской и частью Шелонской пятины. Неволинъ въ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, на основаніи писцовыхъ книгъ XV и XVI вѣка, дѣлаетъ подсчетъ погостовъ во всѣхъ пятинахъ. Въ Деревской ихъ было — 67, въ Вотской — 60, въ Шелонской — 69, въ Обонѣжской — 81 и въ Бѣжецкой — 92, а всего — 369 погостовъ и волостей. Изъ этого числа намъ извѣстны по напечатаннымъ описямъ всѣ Деревскіе и Вотскіе погосты, а изъ Шелонскихъ — 45; всего намъ извѣстно — 172 погоста, неизвѣстно — 197 ¹⁾. Дѣленіе

¹⁾ Описаніе селъ и деревень въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ, если судить по рубрикамъ описанія, а не по содержанію его, ведется по погостамъ.

на пятины, какъ думаетъ Неволинъ, не старое новгородское, а новое, возникшее, по всей вѣроятности, въ концѣ XV вѣка и въ интересахъ московской администраціи. Это мнѣніе надо принять. Новгородскія пятины не обнимаютъ ни Двинской земли, ни Устюжской, ни Торжка съ уѣздомъ. Несмотря на это границы Новгорода въ предѣлахъ пятины были еще весьма значительны. Съ востока на западъ онѣ занимали пространство болѣе 500 верстъ, съ юга на сѣверъ болѣе 700.

На основаніи напечатанныхъ писцовыхъ книгъ мы знаемъ, кому принадлежали новгородскія земли почти въ половинѣ общаго числа новгородскихъ погостовъ (въ 172). Собственниками были: бояре, крупные и мелкіе, купцы, посадскіе люди, крестьяне, попы, церкви, монастыри, владыка, и самъ Великій Новгородъ; но ни одного клочка не показано за крестьянскими общинами.

Этотъ фактъ первостепенной важности хорошо извѣстенъ и защитникамъ древности общиннаго владѣнія крестьянъ, но нисколько ихъ не смущаетъ. Они указываютъ на обширныя земли черносозныхъ крестьянъ въ Обонѣжской пятинѣ и думаютъ, что эти земли составляли исконную собственность крестьянскихъ общинъ ¹⁾.

По изслѣдованіямъ Неволіна, Обонѣжская пятина также была описана въ концѣ XV вѣка, но эта опись до насъ не дошла. Сохранилась опись этой пятины конца XVI вѣка (1582—1583), которою Неволинъ и пользуется. Эта позднѣйшая опись нѣсколько отличается отъ болѣе древнихъ. Въ описяхъ конца XV вѣка вездѣ указаны прежніе владѣльцы, у которыхъ земли отобраны для раздачи московскимъ служилымъ людямъ. Въ переписяхъ первой половины XVI вѣка такія указанія есть, но не полныя. Неполнота, въ этомъ отношеніи,

Содержаніе же описанія часто выходитъ изъ предѣловъ погоста, стоящаго въ заголовкѣ, и соединяетъ вмѣстѣ владѣнія одного помѣщика, находящіеся въ разныхъ погостахъ, то-есть, ведется по владѣльцамъ. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснять то, что дѣйствительное число погостовъ пятины превышаетъ показанное въ оглавленіи. По оглавленію въ Деревской пятинѣ, на примѣръ, 61 погостъ, а въ дѣйствительности Неволинъ насчитываетъ ихъ 67. Лишніе погосты суть: Теребуновскій, Устьянскій, Рамышевскій, Петровскій, Налючскій и Черенчинскій. Всѣ они въ писцовой книгѣ упоминаются, но въ другихъ погостахъ. Для самостоятельнаго описанія въ нихъ, можетъ быть, ничего не осталось.

¹⁾ П. А. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877, стр. 19, 27, 28. Правильно оцѣниваетъ этотъ фактъ г-жа Ефименко. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884, 196.

переписей конца XVI вѣка еще значительнѣе, и понятно почему. Это не первая и не вторая перепись по конфискаціи, а четвертая, а можетъ быть пятая или шестая. Шелонская пятина описывалась: въ 1498, 1515, 1524, 1539, 1545, 1552, 1570, 1573, 1576, 1582 годахъ. Очень понятно, что въ первыхъ описяхъ можно и даже должно было называть старыхъ владѣльцевъ, бывшихъ у всѣхъ въ памяти и имена которыхъ обозначали владѣніе всѣмъ извѣстной примѣтой; а что могли значить имена ихъ черезъ 60—80 лѣтъ, когда владѣніе успѣло упрочиться за новымъ владѣльцемъ, или перейти черезъ много рукъ? Ровно ничего. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ 1582 года старые новгородскіе владѣльцы обозначаются очень рѣдко, и отписанныя у нихъ на государя земли называются коротко: „царя и великаго князя села и деревни черныя оброчныя“. Можно ли отсюда заключать, что эти села и деревни искони принадлежали крестьянской общинѣ? Конечно, нѣтъ.

Къ счастью для торжества исторической истины, и въ Обонѣжской писцовой книгѣ 1582 года сохранилось нѣсколько указаній на то, что черныя оброчныя земли были конфискованы у частныхъ владѣльцевъ, и ни одного, свидѣтельствующаго о томъ, что онѣ составляли собственность крестьянскихъ общинъ.

Приведемъ первыя.

„Погостъ Ильинской. А въ немъ деревни и пустоши и селища и займища, что были царя и великаго князя оброчныя, а нынѣ въ пустѣ, что были Михайловскіе Оомина“.

„Въ Рождественскомъ же погостѣ на Олонцѣ села и деревни и починки и пустоши и селища и займища царя и великаго князя дворцовые, что прежъ сего отписаны у наугородцкаго архіепискупа Пимина“...

„Въ Выгоозерскомъ же уѣздѣ Соловетскаго монастыря деревни старыя Марѣинскія боярщины Исаковы въ Виршѣ рѣкѣ... И всѣхъ Соловетскихъ участковъ, что имъ далъ царь и великій князь, 38 участковъ“.

Старую боярщину Марѣы Борецкой царь и великій князь далъ монастырю и она стала участкомъ его владѣній; а если бы онъ оставилъ за собой, она была бы—селами и деревнями царя и великаго князя черными оброчными.

„Въ Молвотицкомъ же погостѣ, что были деревни Николского мо-

настыря съ Соколничъ, а нынѣ пустоши и лѣсомъ поросли, стоятъ за государемъ не въ роздачѣ" ¹⁾).

Эти данныя мы можемъ пополнить фактами изъ древнѣйшихъ еще ненапечатанныхъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ конца XV вѣка. Въ напечатанныхъ книгахъ иногда говорится, что государевы дворцовыя земли писаны особо. Такія ссылки возбуждаютъ особое вниманіе изслѣдователя. Не причислены ли ко дворцу земли, принадлежавшія не частнымъ лицамъ, а крестьянскимъ общинамъ? Можетъ быть, поэтому ихъ и писали особо? Хранящаяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи копія съ писцовой новгородской книги дворцовыхъ земель даетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ опредѣленнымъ образомъ. Ко дворцу были приписаны земли, конфискованныя тоже у частныхъ владѣльцевъ; между дворцовыми волостями также нѣтъ ни одного клочка земли, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ. Составленіе особыхъ книгъ для этихъ земель объясняется тѣмъ, что онѣ состояли въ вѣдомствѣ дворецкаго, которому и сообщалась опись дворцовыхъ волостей ²⁾).

¹⁾ Изъ приложеній къ вышеприведенному изслѣдованію Неволіна стр. 142, 153, 169, 278. Еще сохранилось указаніе на прежнихъ частныхъ владѣльцевъ на стр. 137.

²⁾ Эта копія содержитъ въ себѣ списки съ шести описей дворцовыхъ земель, составленныхъ въ разное время, въ концѣ XV, въ XVI, а одна въ XVII вѣкѣ. Расположены онѣ не въ хронологическомъ порядкѣ. Сперва идетъ списокъ съ книги 7009 года на листахъ 1—35, потомъ 7059 г. на листахъ 36—55, за этимъ спискомъ слѣдуютъ книги: 7086 г. л. 56—102, 7128 г. — л. 103—160, 7032 г. — л. 161—250 и наконецъ 7007 г. — л. 251—274. Обѣ книги конца XV вѣка принадлежатъ письму Матвѣя Валуева, того самаго, который въ 1598 году описывалъ всю Шелонскую пятину. Приведемъ изъ этой древнѣйшей описи интересующія насъ мѣста.

Книга 7007 года, л. 251. „Погостъ Коростынской воцпе великому князю съ помѣщикомъ съ Митею Трусовымъ, а на немъ церковь великіи Никола, за великимъ княземъ на Матрунинскомъ участкѣ Кривого, да на Ѳѣдосѣевскомъ участкѣ Мыльниковъ, да на Онаньенскомъ участкѣ Иванова, да на Благовѣщенскаго монастыря участкѣ,—во дворѣ Захаръ Дмитровъ“ и т. д. идетъ перечисленіе дворовъ, описанныхъ на великаго князя.

Л. 253. „Селцо пустошь, что было Благовѣщенскаго монастыря“.

Л. 253 об. „Да въ томъ же селцѣ на Захаровскомъ участкѣ Мастерова, да на Павловскомъ Бычкова безпашенные люди, что давали Митѣ Трусову да Рошку Харламову поземъ“...

Въ концѣ итогъ деревень и дворовъ „сведенныхъ бояръ и что были монастырскіе“, и доходъ по старому письму и по новому.

Отсутствіе указаній въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ на землевладѣніе крестьянскихъ общинъ имѣетъ рѣшающее значеніе по вопросу о земельной собственности крестьянскихъ общинъ. Если ни въ одномъ изъ 172 погостовъ, подробно описанныхъ въ древнѣйшихъ книгахъ, не было ни одного клочка, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ, если въ книгахъ конца XVI вѣка сохранились еще указанія на конфискацію частной земельной собственности и ни одного на принадлежность земли крестьянскимъ общинамъ, то потому, надо думать, что такихъ собственниковъ въ Новгородѣ и не было. А въ Новгородѣ было все, что было въ остальной Руси. Надо думать, что и въ остальной Руси собственность крестьянскихъ общинъ не принадлежитъ къ исконнымъ явленіямъ нашей исторіи.

Также съ поименнымъ перечисленіемъ прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и монастырей, описаны погосты Буряга и Сумерскій.

Книга 7009 года, л. 1. „Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Паозерыи великаго князя село у Троицы въ Паозерыи Оеросиньинское Федоровы жены Самсонова, да Матруинское Божина, да Оксентьевское Щоткина, а въ немъ церковь Троица“. „Дворъ великаго князя Офросиньинской, а въ немъ конюхъ“.

„А пашни великаго князя въ томъ селѣ“ и т. д.

Л. 4 об. „Да къ Троецкому селу приписалъ Матѳей Валувъ великаго князя деревни сведеныхъ бояръ въ Паозерыи же и въ Поверезьи и въ Заверезьи“.

А далѣе поименованы эти сведеные бояре:

„Въ Паозерыи великаго князя деревни Алексѣевскія Васильева сына Лошакова, да Ивановскія Ананьина сына Голинскаго, да Федоровскіе Семенова сына Берденева, да Григорьевскіе Тучина, да Лукинскіе Толстого“ и т. д., а затѣмъ идетъ опись селъ, деревень и крестьянскихъ дворовъ, при чемъ иногда опять упоминаются имена перечисленныхъ уже старыхъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ.

На л. 12-мъ перечисляются сады сведеныхъ бояръ и ихъ пожни, а на 13-мъ купли великаго князя у монастырей, которыя тоже поступили въ дворцовыя.

На л. 21 приведенъ итогъ въ такой формѣ: „И всѣхъ деревень во всѣхъ боярщинахъ и что были монастырскія по старому письму 32, а дворовъ 55 и людей 62, а обожъ 77, а стараго дохода“ и т. д.

На об. 22 л. показаны тони, состоявшія тоже въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ.

Л. 30 об. „Великаго князя волость Боротна Ивановская Кузмина сына Савелкова. Погостъ Боротна“. А далѣе идетъ описаніе церкви на немъ, дворовъ не тяглыхъ, деревень тяглыхъ и пр.

На л. 33 послѣ итоговъ: „А стараго доходу съ тое волости шло Ивану Кузмину денегъ“ и т. д. Любопытное указаніе. Старый доходъ, по всей вѣроятности, всегда обозначаетъ доходъ сведеныхъ новгородскихъ бояръ.

На слѣд. 34 л. встрѣчаемъ описаніе волостки того же владѣльца, Ивана Кузмина Савелкова. Но при исчисленіи стараго дохода не сказано, что онъ шелъ ему. Это, конечно, само собой разумѣется.

Землевладѣніе крестьянскихъ общинъ возникаетъ, слѣдовательно, уже на глазахъ исторіи и въ Новгородѣ, какъ увидимъ, нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Новгородѣ возможность землевладѣнія крестьянскихъ общинъ открывается съ конфискаціи земель частныхъ владѣльцевъ въ пользу царя и великаго князя московскаго. Въ писцовыхъ книгахъ можно наслѣдить и зародыши такого возникновенія общинныхъ земель и водъ.

Конфискація земель частныхъ владѣльцевъ произвела громадную перемѣну въ положеніи крестьянъ, переведенныхъ на оброкъ и записанныхъ за великимъ княземъ. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великаго князя, а земли и воды, отписанныя на великаго князя, стали предоставляться въ ихъ непосредственное пользованіе и владѣніе и облагаться оброкомъ въ государеву казну въ замѣнъ прежнихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Такъ возникъ тотъ своеобразный видъ поземельныхъ отношеній, о которомъ крестьяне въ памятникахъ конца XV и XVI вѣка говорили: „то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія“. Тѣ же земли назывались: волостными, тяглыми, черными.

Здѣсь должны мы исправить нашу ошибку и отказаться отъ мнѣнія,

Таково содержаніе двухъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ 7007 и 7009 годовъ.

Въ болѣе новыхъ книгахъ описываются иногда тѣ же самые погосты. Но въ позднѣйшихъ книгахъ не всегда встрѣчаются указанія на прежнихъ владѣльцевъ. Въ книгѣ 7032 г. описаны погосты Корыстынскій и Бурягинскій. При описаніи Корыстынскаго погоста указаны тѣ же сведенные бояре, которые перечислены и въ описи 7007 и нами выше приведены. Въ той же старой описи 7007 г. сказано, что погостъ Буряга, великаго князя волость, былъ прежде Варварскаго монастыря съ Черницыны улицы (л. 262). Въ описи же 7032 г. это указаніе опущено, (л. 241). Это, впрочемъ, рѣдкій случай. Въ этой книгѣ постоянно указываются старые владѣльцы, для примѣра см. л. 161, 166, 168 об., 169 об., 171, 176, 192, 201, 213, 215, 220, 228, 236, это все сведенные бояре и монастыри.

Погостъ Корыстынскій описывается и въ самой поздней книгѣ 7128 года. Въ этомъ описаніи можно узнать тотъ же Корыстынскій погостъ, описанный еще въ 7007 году: на немъ та же церковь Николы, къ нему тянетъ то же сельцо Пустошь; не смотря на тожество описываемыхъ мѣстъ писецъ, 7128 года не нашелъ нужнымъ упомянуть прежнихъ новгородскихъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ, подробно перечисленныхъ въ описи Матвѣя Валуева 7007 г. Къ 1620 году о нихъ, конечно, успѣли забыть. Благодаря этому пропуску, и могло сдѣлаться неяснымъ, какого происхожденія эти дворцовыя земли, для насъ, конечно, а люди XVII вѣка, по всей вѣроятности, еще знали это.

Всѣ копіи переплетены въ одну книгу, на корешкѣ которой написано: Спсокъ съ писцовой книги Новгородскаго уѣзда. 7009. 7032. 2705 г. И ниже: Н. 706. Книга 122. Въ печатной описи содержаніе книги разнесено по годамъ.

высказаннаго въ I т. Русскихъ юридическихъ древностей (стр. 212—219) относительно правъ князя и крестьянскихъ общинъ на эти черныя, тяглыя земли. Исходя изъ того, что крестьяне называютъ эти земли нашими волостными, что они наследуютъ эти земли, распоряжаются ими и выступаютъ на судѣ истцами и отвѣтчиками въ спорахъ объ этихъ земляхъ, я утверждалъ, что эти земли составляютъ собственность крестьянскихъ общинъ.

Изученіе писцовыхъ новгородскихъ книгъ дѣлаетъ совершенно яснымъ отсутствіе у насъ въ древности земельной собственности крестьянскихъ общинъ; все крестьянское землевладѣніе возникло у насъ изъ земель, отписанныхъ на государя. Всѣ конфискованныя Иваномъ Васильевичемъ земли составляютъ его собственность и предоставляются имъ или въ условное владѣніе помѣщиковъ или въ оброчное владѣніе крестьянъ, которые и прежде сидѣли на нихъ по поряднымъ, заключеннымъ со старинными собственниками. О хозяйственномъ устройствѣ этихъ крестьянъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь остановимся на вопросѣ о томъ, какія же права принадлежать имъ на эти княжескія земли?

Древнія поземельныя отношенія не всегда можно мѣрить нашею мѣрою и объяснять юридическими понятіями нашего времени.

Въ XV, XVI и даже въ XVII вѣкѣ никому и въ голову не приходило опредѣлять права крестьянъ на государевы земли. Всѣмъ было ясно, что они не собственники. Что же касается правительства, то оно опредѣляло только повинности крестьянъ съ этихъ земель. Крестьяне состояли на казенномъ оброкѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не находило нужнымъ назначить землю, на которой они сидѣли, кому-либо въ помѣстье, или отдать монастырю и пр. Съ этого момента помѣщикъ становился владѣльцемъ земли на помѣстномъ правѣ, монастырь на основаніи жалованной грамоты и пр., а крестьяне сидѣли на землѣ того или другого помѣщика или монастыря, согласно съ тѣми условіями, которыя предъявлялъ имъ новыи землевладѣлецъ; а не нравились условія, они могли уйти.

Возникаетъ вопросъ, пока земля оставалась непосредственно за государемъ, въ чьемъ владѣніи она состояла, во владѣніи общины или отдѣльныхъ крестьянъ? Даже это не было опредѣлено. По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами, они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на

земли и воды. Прежнія повинности землевладѣльца переводятся на оброкъ въ государеву казну, но этотъ оброкъ опредѣлялся не на каждую деревню или дворъ, какъ опредѣлялся доходъ господина, а огульно на все имѣніе. Раскладка новаго оброка между отдѣльными членами становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, то-есть общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что и земля—общинная. Что же касается угодій, принадлежавшихъ прежнимъ господамъ, напримѣръ, озеръ, то они прямо записываются за всѣми крестьянами подлежащаго имѣнія. Въ писцовыхъ книгахъ читаемъ:

„Озеро Сяберо вопче великаго князя христьяномъ Ондреевскимъ Олешинскаго съ помѣстчики, съ Гавриломъ Неплюевымъ“ и др.

„Озеро Вердуга вопче великаго князя христьяномъ Яковлевскимъ Коробова съ помѣстчики, съ Иваномъ Нащокинымъ“ и др.

„Озеро Пелюго вопче великаго князя христіаномъ Ѳеодоровскимъ Сѣкирина съ тѣми же помѣстчики“ и пр. ¹⁾.

Озеро Сяберо состояло въ общемъ владѣніи Андрея Олешинскаго съ другими новгородскими своеземцами; озеро Вердуга—состояло за Яковомъ Коробовымъ, а озеро Пелюго за Ѳеодоромъ Сѣкиринымъ—также въ общемъ владѣніи съ другими лицами. Всѣ эти владѣнія конфискованы, нѣкоторыя изъ нихъ отданы помѣщикамъ, другія остались за государемъ. Доли участія во владѣніи озерами и, слѣдовательно, рыбными промыслами, принадлежавшія этимъ прежнимъ владѣльцамъ, передавы теперь ихъ крестьянамъ, то-есть сельскимъ общинамъ, которыя и какъ административныя то единицы теперь только и возникаютъ.

Итакъ, и отдѣльные крестьяне и цѣлыя общины могутъ и дѣйствительно считаютъ себя владѣльцами государевыхъ земель. Но эти общины первоначально образуются изъ совокупности крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ одного опредѣленнаго своеземца: Коробова, Сѣкирина, Олешинскаго и пр.

Общины, имѣющія участіе въ озерѣ, могутъ сдавать свое право въ аренду; общины, обложенныя однимъ огульнымъ оброкомъ, могутъ сдавать запустѣвшіе участки новымъ пришельцамъ для пополненія своихъ платежныхъ силъ; наконецъ, прямой интересъ общинъ защищать свои владѣнія на судѣ. Онѣ все это и дѣлаютъ. А прежде эти права принадлежали гг. Олешинскому, Коробову, Сѣкирину и друг.

Но и отдѣльные члены общины имѣютъ гораздо болѣе одного

¹⁾ Новг. писц. кн. IV 81 сл.

права пользованія государевой землей. Они передаютъ ее въ порядкѣ законнаго наслѣдованія и распоряжаются ею: продаютъ, дарятъ и пр. Это несогласно съ правами общины и можетъ нарушать ея интересы. Но вновь зарождающіяся права общинъ еще не достаточно созрѣли, чтобы противодѣйствовать такимъ распоряженіямъ отдѣльныхъ членовъ общины; а съ другой стороны, такія дѣйствія отдѣльныхъ членовъ и не всегда нарушали интересы общины. На эту неразме- жованность правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ мы имѣли уже случай указать (I т. Рус. юр. древ. стр. 215 и сл.), и эти указанія и теперь остаются въ силѣ.

Что касается правительства, то у него не было поводовъ вмѣшиваться въ хозяйственныя и иныя распоряженія крестьянъ и ихъ общинъ предоставленными въ ихъ пользованіе и владѣніе землями, если только съ этихъ земель исправно поступали наложенныя на нихъ повинности. До насъ дошли только распоряженія московскаго правительства на случай перехода этихъ земель къ лицамъ, пользовавшимся льготами отъ тягла черныхъ людей. Эти распоряженія восходятъ къ концу XIV вѣка. Правительство предписываетъ такимъ людямъ или тянуть тягло съ черными людьми, или возвратить имъ земли даже даромъ. Въ XVII вѣкѣ такія продажи и вовсе запрещались.

Помимо этого, правительству было рѣшительно безразлично, какъ переходятъ черныя земли отъ одного лица къ другому, какъ и кто ими распоряжается. Оно не находило даже надобности принимать участіе въ судебныхъ спорахъ о черныхъ земляхъ въ качествѣ стороны, хотя эти земли и составляли его собственность. На судѣ участвовали только крестьяне — то какъ представители общины, то какъ частныя владѣльцы, и спорныя земли отходили по опредѣленію суда въ частное владѣніе безъ запроса представителя казны ¹⁾.

Итакъ, землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ новгородскихъ пятинахъ возникаетъ не ранѣе конца XV вѣка. Оно появляется на конфискованныхъ въ пользу государя земляхъ и представляетъ нѣ-

¹⁾ Рус. юр. др. I 218, 228. Къ приведеннымъ тамъ фактамъ можно добавить судное дѣло конца XV вѣка. Истцы — староста и всѣ крестьяне залѣскіе, отвѣтчикъ — Сергіевъ монастырь, предметъ спора — тяглая, черная, волостная земля. Интересы казны никѣмъ не были представлены. Дѣло рѣшено въ пользу монастыря. А. до Юр. б. I № 52, ш. Тогда же волость, староста съ крестьянами, отводятъ лѣсъ великаго князя во владѣніе трехъ крестьянъ Словенскаго Волочка. А. Юр. № 6, около 1490 г.

которыя особенности, которыя не вполне соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о собственности, владѣніи и пользованіи.

Такого же происхожденія, надо думать, и землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ Вятской, Двинской землѣ и въ Псковѣ. Вятская и Двинская земля присоединены къ Москвѣ тѣмъ же великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, что къ нимъ были примѣнены и тѣ же мѣры присоединенія, что и къ Новгороду, то-есть, значительные землевладѣльцы были выселены, а земли ихъ сдѣлались черными оброчными. Относительно Вятки есть и прямое извѣстіе лѣтописи, относящееся къ самому году ея взятія. На предложенное вятчанамъ условіе—выдать виновныхъ „въ неисправленіи“, они отвѣчали отказомъ; тогда воеводы великаго князя взяли Вятку (1489 г.), а лучшие люди были выведены и помѣщены въ московскихъ городахъ. Воскрес. л. Нѣтъ основанія думать, что на ихъ мѣсто были посажены московскіе служилые люди. Всѣ ихъ земли сдѣлались государевыми черными, оброчными. Этимъ объясняется значительное число государевыхъ черныхъ оброчныхъ земель, которое сохранилось въ этихъ окраинахъ Московскаго государства, и такъ радуется сторонниковъ незапамятной древности нашего общиннаго землевладѣнія. Псковъ былъ присоединенъ къ Москвѣ сыномъ Ивана Васильевича, великимъ княземъ Василиемъ. Этотъ городъ оказалъ великому князю еще менѣе сопротивленія, чѣмъ Новгородъ; тѣмъ не менѣе московскій государь приказалъ взять за пристава посадниковъ и лучшихъ бояръ, всего 300 семей, и перевезти ихъ въ Москву. Псков. I 1510. Съ этого времени и въ Псковѣ могли образоваться царя и великаго князя черныя, оброчныя села и деревни.

Въ Московскомъ государствѣ была произведена социальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ перешла въ руки рабочаго населенія.

Василій Ивановичъ шелъ по стопамъ своего отца. А Иванъ Васильевичъ, примѣнившій систему конфискаціи въ такихъ громадныхъ размѣрахъ ко всѣмъ новгородскимъ пятинамъ, къ Вяткѣ и Двинѣ, неужели не имѣлъ предшественниковъ? Это не только трудно, но и невозможно допустить. Ничто новое не возникаетъ въ исторіи разомъ, въ такомъ всеоружіи, какъ колоссальная конфискація Ивана Васильевича. Онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ.

Всякая война и изъ самой глубокой древности вела къ конфискаціи земель побѣжденнаго противника. Но при незначительности размѣровъ

древнихъ княженій, приблизительномъ равенствѣ силъ противниковъ и необходимости, при этихъ условіяхъ, въ компромиссахъ, эти конфискаціи не могли достигать большихъ размѣровъ, а земли, такъ добытыя, предоставлялись въ пользованіе крестьянъ. Хорошо, если ихъ было достаточно для нуждъ самого князя побѣдителя и его ближайшихъ помощниковъ. Только съ успѣхами московскаго объединенія открывается возможность оставлять конфискованныя земли въ непосредственномъ пользованіи и владѣніи крестьянъ. Образование черныхъ, оброчныхъ земель идетъ параллельно съ развитіемъ территоріи московскаго государства. Московскіе государи съ половины XIV вѣка вступаютъ на путь широкихъ земельныхъ приобрѣтеній, они присоединяютъ къ Москвѣ села и волости, и цѣлые удѣлы и княженія, при чемъ земли опасныхъ и неугодныхъ имъ лицъ, конечно, конфискуются и передаются вѣрнымъ слугамъ или оставляются за крестьянами, какъ это было въ Новгородѣ. Такъ, надо думать, еще до покоренія Новгорода возникли черныя волостныя земли въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, Вологодскомъ и другихъ приобрѣтеніяхъ Москвы, о которыхъ говорятъ памятники XV и XVI вѣка.

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ московскихъ князей весьма нерѣдко содержатся распоряженія селами и деревнями, которыя называются именами ихъ старыхъ владѣльцевъ. Въ числѣ селъ и деревень великаго князя Дмитрія Ивановича упоминаются Жирошкины деревни въ Московскомъ уѣздѣ, земли какого-то Ивана Васильевича въ Гремичахъ и село Ивана Хороброва. Серпуховскому князю Владиміру Андреевичу принадлежало въ Московскомъ уѣздѣ село, бывшее Дмитрія Воронина. Жирошкины деревни Василій Дмитріевичъ получилъ отъ отца и передалъ ихъ своему сыну, а женѣ своей назначилъ села, бывшія Онтоновскіе въ Бѣжецкомъ Версѣ. Ему же принадлежатъ бывшія Головинскія деревни и многочисленныя села и деревни Ѳедора Свиблова, которыя находились и подъ Москвой, на Яузѣ, и на Устюгѣ, и на Вологдѣ. Также были многочисленны села и деревни Петра Константиновича, которыя упоминаются въ завѣщаніи Василя Васильевича. Они лежали за Волгой по Шекснѣ, на Истрѣ и въ Юрьевѣ. Своей женѣ великій князь назначаетъ село Михаила Данилова, что на Костромѣ. О приобрѣтеніи этихъ селъ и деревень покупкой нѣтъ и намека. Въ завѣщаніяхъ московскихъ князей не разъ идетъ рѣчь о ихъ купляхъ, но то другія имѣнія, а не перечисленныя. Наименованіе этихъ селъ и деревень по имени прежнихъ владѣльцевъ такъ и переноситъ насъ ко времени составле-

нія новгородскихъ писцовыхъ книгъ, гдѣ также всѣ села и деревни обозначаются именами старыхъ владѣльцевъ. Новгородскія новшества конца XV вѣка, очень можетъ быть, составляютъ московскую старину XIV вѣка.

Все землевладѣніе крестьянскихъ общинъ возникло у насъ на земляхъ, составляющихъ собственность московскихъ государей. Государь пріобрѣтали эту собственность самыми разнообразными способами: путемъ войны съ сосѣдями, куплями и конфискаціей. Всѣ эти способы были извѣстны съ самой глубокой древности. Колоссальныхъ размѣровъ конфискація достигаетъ въ царствованіе великаго князя Ивана Васильевича. Но она не имѣла началась, не имѣла и кончилась. Значительныя конфискаціи происходятъ въ XVI вѣкѣ, еще большія въ XVII вѣкѣ. По Уложенію приказано было отписать на государя *всѣ вотчины и помѣстья*, которыя сошлись близко съ городскими посадами. Такихъ земель, конечно, было очень много. Но о порядкѣ исполненія этой статьи мы не имѣемъ свѣдѣній ¹⁾.

Такое изъ ряду вонъ выдающееся вмѣшательство правительства въ частную собственность, продолжающееся цѣлые вѣка, должно было значительно подорвать свойственную всякому собственнику мысль о неприкосновенности его владѣній. А съ другой стороны должна была возникнуть идея о принадлежности правительству, по крайней мѣрѣ, всѣхъ никѣмъ не занятыхъ земель. Въ началѣ XVI вѣка пять чело- вѣкъ двинянъ нашли въ Двинскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Юрѣ соленые ключи. Поселенія тамъ не было и земля и вода никому не принадлежали. Но они не рѣшились занять ихъ, начать строить дворы и распахивать землю. Они нашли нужнымъ обратиться къ правительству съ просьбой о разрѣшеніи ключи соленые чистить, лѣсы сѣчь,

¹⁾ Уложение XIX 8 и 9. На продолжающуюся конфискацію частныхъ владѣній въ царствованіе Ивана Грознаго находимъ указанія въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. При немъ были розданы въ помѣстья вотчины, конфискованныя въ Московскомъ уѣздѣ у кн. Маріи Воротынской, у Вас. Бор. Кутузова, у кн. Ив. Келмамаева, въ Веневскомъ — у кн. Ив. Ѳед. Мстиславскаго, въ Бѣлозерскомъ — у Новинскаго монастыря и пр. Калачовъ I 122 сл., II 414, 1537 сл. Еще свѣдѣнія о конфискаціяхъ въ XVI вѣкѣ, А. И. I № 164, 222; 1556 — 1588 гг. Въ писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края конца XVI вѣка находимъ указанія на раздачу въ помѣстья вотчинъ Сем. Дм. Константинова, Ив. Сем. Вельяминова, Ив. Коробына. Сторожевъ I вып. 1, 42, 261 сл. Во второмъ выпускѣ того же изданія читаемъ: „А прежь того то село Гавриловское и ухожьи были Спасскіе, что Спасъ въ городѣ Переяславлѣ; и князь Ѳедоръ Васильевичъ взял то село у Спаса“... стр. 419.

дворы ставить, людей къ себѣ звать, пашню пахать. Правительство разрѣшило. Отъ того же времени встрѣчаемся даже съ просьбами о разрѣшеніи купить у кого-нибудь землю. Въ 1518 г. дмитровскій князь Юрій Ивановичъ разрѣшилъ своему дворецкому купить въ Кашинскомъ уѣздѣ деревни у разныхъ лицъ. Въ концѣ грамоты сказано, что покупатель воленъ, если пожелаетъ, куплю эту продать, промѣнять и даромъ отдать. Это право отчужденія, конечно, всегда принадлежало собственнику и само собой разумѣется. Но въ Москвѣ права частной собственности сильно поколеблены, а потому не мѣшаетъ запасаться правительственнымъ разрѣшеніемъ и на покупку и на продажу ¹⁾. Что дозволено правительствомъ, то и крѣпко.

Древности до-московскія и московскія одинаково наши русскія древности, но онѣ очень мало другъ на друга похожи. До Москвы господствующій типъ землевладѣльца — своеземецъ-собственникъ, въ Москвѣ господствующій типъ землевладѣнія — зависимый отъ правительства землевладѣлецъ, каждый шагъ котораго нуждается въ разрѣшеніи и утвержденіи правительства, иначе права его будутъ не ясны и не тверды. На почвѣ конфискаціи частной земельной собственности, произведенной въ громадныхъ размѣрахъ, возникаетъ какъ помѣстное владѣніе, такъ и неизвѣстное древней Руси землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, которое, однако, ежеминутно можетъ превратиться въ землевладѣніе служилыхъ людей, а крестьяне общинники изъ государевыхъ черносозныхъ людей стать крѣпостными.

Въ XVIII вѣкѣ начинается обратное движеніе къ выработкѣ чистаго типа земельной собственности. Мы теперь ближе къ до-московскимъ древностямъ, чѣмъ къ московскимъ. Перемѣщеніе поземельной собственности изъ рукъ своеземцевъ въ руки помѣщиковъ и крестьянскихъ общинъ, производившееся московскими государями въ теченіи многихъ вѣковъ, служило имъ могучимъ средствомъ для укрѣпленія своей власти и объединенія русской земли. Это была политическая и социальная реформа необыкновенной важности. Великій князь Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ, что говорилъ, когда говорилъ новгородцамъ въ 1477 году: „селомъ быть, волостемъ быть“.

В. Сергѣевичъ.

¹⁾ А. Э. I № 385, 1524 г.; № 165, 1518 г.

ОБЩЕРУССКІЕ ЛѢТОПИСНЫЕ СВОДЫ XIV И XV ВѢКОВЪ.

Содержаніе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XV и XVI вѣковъ выдѣляетъ ихъ изъ ряда мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей: мы находимъ въ нихъ не только московскія извѣстія, записи, веденныя въ Москвѣ, но также обильныя данныя для исторіи Руси вообще и отдѣльныхъ русскихъ княжествъ въ частности. Этотъ общерусскій характеръ московскихъ сводовъ давно уже привлекалъ на себя вниманіе изслѣдователей. Московскіе своды разсматривались какъ компіляціи мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей, при чемъ само собою напрашивалось сравненіе между политическимъ ростомъ Москвы, объединившей русское государственное дѣло, и ея лѣтописаніемъ, отразившимъ всю предшествовавшую работу разрозненныхъ мѣстомъ и временемъ лѣтописцевъ, и такимъ образомъ включившимъ въ свой составъ бо́льшую часть мѣстныхъ лѣтописей, восходящихъ къ XII—XV вѣкамъ. Дѣйствительно, связь между объединеніемъ Руси и появленіемъ общерусскихъ по содержанію своему лѣтописныхъ сводовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но замѣчательно, что въ Москвѣ появляются такіе своды еще задолго до пріобрѣтенія этимъ городомъ общерусскаго политическаго значенія. Такъ, напримѣръ, погибшая въ 1812 году Троицкая лѣтопись, послужившая источникомъ обильныхъ выписокъ для Карамзина (примѣчанія къ Исторіи Государства Россійскаго), представляла изъ себя несомнѣнно, съ одной стороны, московскую лѣтопись ¹⁾, а съ другой общерусскій лѣтописный сводъ, гдѣ сообщалось, напримѣръ, о новгородскихъ пожарахъ, о нижегородскихъ усобицахъ, о кончинѣ и поставленіи тверскихъ епископовъ и т. п. ²⁾. Между тѣмъ Москва въ началѣ XV вѣка далеко еще не

¹⁾ Карамзинъ въ пр. 144 къ т. V называетъ ее главною современною лѣтописью княженія Василія Дмитріевича.

²⁾ Ср. И. Г. Р., т. IV, пр. 367; т. V, пр. 4; пр. 137; пр. 114 и т. д.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

2. Деревня, дворъ, село ¹⁾).

Размѣры старыхъ деревень и число входящихъ въ нихъ дворовъ очень разнообразны. Въ общемъ можно сказать, что старыя деревни были невелики. Восемь—девять дворовъ на деревню—это наибольшій размѣръ, какой мы замѣтили; встрѣчается онъ, однако, не часто. Въ большинствѣ случаевъ на деревню приходилось три, два, полтора двора. Одинъ дворъ—тоже составлялъ деревню ²⁾. Въ московскихъ

¹⁾ См. предыдущую книгу журнала.

²⁾ Приводимъ для примѣра нѣсколько взятыхъ безъ выбора итоговъ деревень и въ нихъ числа дворовъ и людей.

Новогор. писц. книги т. I *Деревская пятина.*

Стр.	12	деревень	11	дворовъ	19	людей	21
"	16	"	34	"	55	"	58
"	23	"	23	"	36	"	37
"	46	"	66	"	133	"	138
"	65	"	20	"	56	"	60
"	126	"	7	"	19	"	19
"	177	"	135	"	241	"	253
"	203	"	67	"	103	"	106
"	279	"	33	"	51	"	53
"	370	"	3	"	3	"	3
"	406	"	17	"	29	"	29
"	467	"	56	"	85	"	94
"	473	"	15	"	33	"	36
"	598	"	4	"	5	"	11
"	634	"	11	"	25	"	26
"	741	"	13	"	23	"	26
"	805	"	7	"	14	"	16

писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаются деревни съ гораздо большимъ числомъ дворовъ; но и въ XVI вѣкѣ рядомъ съ деревнями въ 25, 33, 39 и болѣе дворовъ было не мало деревень въ 3 и 2 двора;

Томъ II Деревская пятинна.

Стр.	8	деревень	4	дворовъ	8	людей	8
"	10	"	3	"	6	"	6
"	90	"	3	"	8	"	8
"	118	"	2	"	6	"	6
"	177	"	14	"	18	"	21
"	242	"	2	"	3	"	3
"	—	"	1	"	2	"	2
"	282	"	2	"	4	"	4
"	324	"	3	"	7	"	7
"	477	"	1	"	2	"	2
"	478	"	1	"	1	"	1
"	479	"	1	"	2	"	2
"	—	"	1	"	2	"	2
"	567	"	26	"	73	"	80
"	570	"	5	"	12	"	12
"	—	"	11	"	25	"	25
"	701	"	48	"	201	"	232
"	762	"	3	"	6	"	6

Томъ III Вотская пятинна.

Стр.	29	деревень	10	дворовъ	22	людей	31
"	58	"	5	"	10	"	25
"	74	"	8	"	24	"	42
"	110	"	5	"	7	"	11
"	134	"	12	"	16	"	42
"	146	"	4	"	5	"	7
"	181	"	6	"	23	"	39
"	277	"	1	"	2	"	2
"	338	"	5	"	9	"	10
"	394	"	13	"	25	"	38
"	434	"	3	"	4	"	11
"	454	"	3	"	8	"	10
"	482	"	2	"	4	"	5
"	510	"	6	"	40	"	56
"	615	"	11	"	65	"	93
"	625	"	8	"	23	"	26
"	697	"	12	"	18	"	32
"	765	"	16	"	122	"	153
"	822	"	2	"	19	"	19
"	866	"	6	"	29	"	32

даже одинъ дворъ продолжаетъ составлять деревню ¹⁾. Ясно, что въ древности подъ деревней разумѣли совсѣмъ не то, что разумѣемъ

Томъ IV Шелонская пятина 1498 г.

Стр.	13	деревень	7	дворовъ	29	людей	33
"	30	"	18	"	30	"	34
"	34	"	6	"	15	"	16
"	46	"	2	"	2	"	2
"	58	"	6	"	7	"	7
"	94	"	19	"	30	"	30
"	118	"	16	"	50	"	50
"	133	"	6	"	30	"	30
"	150	"	8	"	20	"	22
"	170	"	36	"	44	"	44
"	182	"	4	"	4	"	4
"	209	"	12	"	18	"	19
"	217	"	5	"	5	"	5

Шелонская пятина 1539 г.

Стр.	246	деревень	21	дворовъ	61	людей	63
"	266	"	8	"	14	"	14
"	302	"	7	"	27	"	35
"	335	"	12	"	30	"	30
"	330	"	7	"	31	"	34
"	374	"	10	"	28	"	30
"	403	"	30	"	59	"	59
"	418	"	11	"	44	"	44
"	441	"	10	"	24	"	29
"	477	"	8	"	28	"	28
"	499	"	29	"	47	"	50

¹⁾ Писцовыя книги XVI вѣка подъ ред. Калачова.

Стр.	44	деревень, считая села и почины	23	дворовъ	49	людей	52
"	45	"	20	"	35	"	36
"	51	"	18	"	36	"	37
"	53	"	24	"	48	"	49
"	56	"	12 ¹ / ₂	"	23	"	23
"	61	"	23	"	34	"	37
"	65	"	41	"	80	"	82
"	71	"	64	"	122	"	138
"	77	"	12	"	19	"	19
"	81	"	18	"	26	"	28
"	86	"	31	"	35	"	40
"	96	"	11	"	22	"	26

подъ этимъ словомъ мы, наслѣдники XVIII и первой половины XIX вѣка. Въ наше время человѣкъ, владѣющій однимъ крестьянскимъ дворомъ, никогда не скажетъ, что у него есть деревня; въ древности же это было самое обыкновенное выраженіе: отдѣльные пашенные дворы и были тогда деревни.

Что же такое деревня деревня? Деревня имѣетъ свою длинную исторію. Но мы наблюдаемъ деревню не въ первый моментъ ея возникновения, а сравнительно въ позднее время, когда первоначальный типъ деревни находился уже въ періодѣ разложенія и перехода къ тому порядку вещей, который мы наслѣдовали отъ Москвы. Памятники XV и XVI вѣковъ сохранили, однако, указанія на первоначальный характеръ деревни, который на основаніи ихъ свидѣтельствъ и можетъ быть восстановленъ.

Первоначальная деревня есть ничто иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей къ нему землей. Каждый самостоятельный земледѣлецъ (своеземецъ) устраивался своимъ хозяйствомъ, на своемъ дворѣ съ прилегающими къ нему полемъ и угодьями. Это и была его деревня. По его смерти, деревня переходила къ его наслѣдникамъ. Если ихъ было двое, каждый получалъ по полъ деревни или по полъ двора, что то же. Но каждый могъ жить въ особой избѣ, при которой, въ такомъ случаѣ, были и свои хозяйственные постройки и своя земля. Если наслѣдниковъ было не два, а болѣе, деревня дѣлилась не на половины, а на нѣкоторое число большее двухъ. Части, получавшіяся въ результатѣ такого дѣленія, назывались—долями, жребіями.

Изъ деревни, раздѣленной на двѣ половины, которыя назывались полу-дворами,—легко могла образоваться деревня съ двумя дворами. Полъ двора это идеальная часть, которой въ дѣйствительности нерѣдко соответствовала особая изба съ хозяйственными постройками и съ правомъ на половинную часть земли. Доли и жребіи, меньшіе половины, могли тоже выразиться особыми хозяйствами, съ частью земли, особой избой, сѣнникомъ, мыльней и пр., и могли дать начало деревнямъ съ тремя и болѣе дворами.

Текстъ Бѣлозерскихъ книгъ и выписей подъ редакц. Шумакова.

Стр. 118	деревень	30	дворовъ	39	людей	42
" 119	"	44	"	66	"	74

Переходимъ къ разбору свидѣтельствъ памятниковъ, которыя даютъ возможность утверждать то, что мы сказали.

Что одинъ дворъ составляетъ деревню, это можно видѣть почти на каждой страницѣ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Напримѣръ: „Деревня Занкино, дворъ Онанка Харинъ, сѣть ржи полъ 3-и коробы и т. д. Деревня Жихново, дворъ Гридка Куземкинъ да Назарко, сѣють ржи и т. д. Деревня Фалюшкино, дворъ Гридка Васковъ, сѣть ржи и т. д. Деревня Долотово, дворъ Бурець Осташевъ, сынъ его Филипъ, сѣють ржи и т. д. Деревня Бутурлино, дворъ Тимошка Данилковъ да Ивашко Климковъ, сѣють ржи“ и т. д. Все это взято съ одной только страницы описи Деревской пятины (I 30). Перечисленные деревни принадлежать одному владѣльцу; онѣ стоятъ рядомъ, но не соединяются въ одну деревню съ пятью дворами.

Отдѣльный дворъ и есть цѣлая деревня. Въ купчихъ и иныхъ актахъ приобрѣтенія недвижимости подробно описываются составныя части деревни. Въ 1571 году Николаевскій Корельскій монастырь предъявилъ искъ къ Онисиму Васильеву въ томъ, что онъ „отнялъ у монастыря деревенку, въ Курзинѣ курьи, дворъ и дворище, и пашеть силно“. Въ доказательство своихъ правъ истецъ представилъ отступную грамоту, въ которой читаемъ: „Се азъ, Антоній, Нечай да Иванъ, Стефановы дѣти Карзина, сступилися еси земли великаго князя, а своего владѣнья, въ Лисестровѣ, въ Курзинѣ курьи, Тимофею да Гаврилѣ Барсану, Селиверстовымъ дѣтемъ, и двора, и дворища, и орамышъ земель, и поженъ, и съ притеребы, и съ рыбными ловищи, и со всѣми угоды, гдѣ что ни есть изстари потягло къ той деревни... Взяли есмя собѣ на посилъ на томъ дворѣ, и на дворищи, и на земли, и на пожняхъ, и на всѣхъ угодыхъ десять рублевъ московскихъ“. А. Ю. № 23.

Изъ этой отступной чрезвычайно ясно, что такое деревня. Это дворъ, дворище и земля. Деньги взяты за дворъ, дворище и землю, которые и составляютъ деревню. Земля тянется ко двору и образуетъ съ нимъ цѣлое пашенное хозяйство. Отдѣльный дворъ съ постройками и землей — деревня, то-есть, деревня есть отдѣльное пашенное хозяйство.

Въ древнее время городъ не составлялъ противоположности деревнѣ; городскіе жители тоже владѣли пашенною землею, но она тянула къ ихъ городскимъ дворамъ. Въ судебномъ дѣлѣ конца XV вѣка читаемъ: „По то, господине, мѣсто наше земля городская, моего двора выть“. А. Ю. № 7. 1491. Выть моего двора — значитъ здѣсь уча-

стокъ моего двора. Здѣсь также земля ко двору, это отдѣльное хозяйство.

Богатые землевладѣльцы могли имѣть много такихъ хозяйственныхъ участковъ, дворовъ съ землей и угодьями или деревень. Они сдавали ихъ крестьянамъ. Поэтому крестьянскія порядныя пишутся на деревни: „А се порядись у игумена Θεодосіа, яже о Христе, и съ братьею крестьянинъ Θεодоръ Кононовъ сынъ съ братьею, на старую свою деревню, на обжу земли съ четвертью“ ¹⁾.

Если крестьянинъ селился на новомъ мѣстѣ, на пустоши, гдѣ не было построекъ, онъ обязывался, обыкновенно, *устроить деревню*; это значило поставить хоромы: избу, клѣть, сѣни, мыльню, распахать поля, расчислить покосы. Устроить деревню значить—устроить нашенное хозяйство.

Каждая деревня, составляя отдѣльное хозяйственное цѣлое, отгораживалась отъ сосѣдей особой изгородью. Крестьяне, рядившіеся на деревни, обязывались „изгороды около поль городить“. Изъ судныхъ дѣлъ знаемъ, что всякое завладѣніе сосѣдней землей сопровождалось введеніемъ ея въ свою ограду. Савво-Сторожевскій монастырь, предъявляя искъ къ нѣкому Ивану въ завладѣніи монастырской землей, говоритъ: „Поораль Иванъ моего селища полосу и межи, и въ поле къ собѣ пригородилъ“ ²⁾. Старыя наши деревни и ихъ поля представляли совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, которую мы теперь наблюдаемъ: онѣ всѣ были огорожены.

Каждая такая деревня имѣла свое собственное имя. Эти названія онѣ получали или отъ мѣстныхъ урочищъ, горъ, рѣкъ, озеръ, или отъ именъ лицъ, которыя ихъ устроили. Въ Ситенскомъ погостѣ среди деревень, принадлежавшихъ новгородцу Андрею Мартемьянову Бубаркову, находимъ деревню Андрейково; въ ней всего два двора и первый изъ нихъ принадлежитъ Андрейкѣ Куземкину, а второй Данилкѣ Тимохину. Весьма возможно, что этотъ Андрейка Куземкинъ одинъ или въ товариществѣ съ Данилкой Тимохинымъ и былъ строителемъ этой деревни. Въ Деревской пятинѣ, въ деревнѣ Семендяево, принадлежавшей новгородцу Никитѣ Моисеевичу Бабкину, было два двора; въ одномъ изъ нихъ жилъ Степанко Семендяевъ, въ другомъ Оомка Семендяевъ. Можно ли сомнѣваться, что

¹⁾ А. Ю. № 177, 1556. Рус. Ист. Библ. XIV, ст. 91, № 58, 1573—90. Дьяконовъ, Акты I № 20, 59, 1632—1665.

²⁾ А. Ю. № 7, 1491. Рус. Истор. Библ. XIV № 58, 1573—1590. Дьяконовъ, Акты, I № 29. 1642.

деревня эта была устроена ихъ предкомъ, отцомъ или дѣдомъ, по которому и названа? Того же, конечно, происхожденія и другія именныя названія деревень. Всѣ эти Гаврилы, Анисимы, Захарки, Иванки, Емельяны и пр.¹⁾, по имени которыхъ названы деревни, были ихъ устроителями. Въ моментъ описанія эти устроители могли умереть или выбыть въ другое мѣсто, а потому при перечисленіи наличныхъ крестьянъ ихъ имена и не всегда встрѣчаются. Деревня съ ихъ именемъ могла перейти къ ихъ дѣтямъ или и къ совершенно постороннимъ лицамъ, а названіе осталось. То же наблюдаемъ и въ названіяхъ большихъ новгородскихъ имѣній (волостей). Въ писцовыхъ книгахъ XV и даже начала XVI вѣка они называются по прежнимъ владѣльцамъ, которые давно уже переселены въ низовыя земли.

Деревни распадаются на части при дѣлежѣ, на примѣръ, между наслѣдниками. Раздѣлить деревню значитъ раздѣлить цѣлое определенное хозяйство. А такъ какъ это хозяйство называется и дворомъ, то памятники говорятъ о половинахъ двора, какъ результатѣ дѣленія деревни. Но это не значитъ, что и хоромы, стоявшія на дворѣ, дѣлились на части. Изба, сѣнникъ и пр.—на части не дѣлились. Если сонаслѣдникъ не оставался жить въ общемъ дворѣ, онъ строилъ себѣ особыя хоромы: избу и пр., и, вѣроятно, получалъ съ другого наслѣдника, остававшагося въ старомъ дворѣ, соответствующее пособіе. Если же онъ оставался жить въ общемъ дворѣ, въ его рукахъ была не дѣйствительная половина двора, а идеальная. Въ этомъ смыслѣ, конечно, памятники говорятъ, на примѣръ, о половинѣ бани.

Половины и болѣе мелкія части деревень или дворовъ, доли и жребіи, наслѣдуются, продаются, дарятся, какъ и цѣлые дворы. Въ судномъ дѣлѣ 1571 года читаемъ:

„И ищяя Истомка тако рекъ: во се, государь, у насъ на ту полдвора данная. И судьи велели данную чести. И въ данной пишетъ: Се азъ Семень.... далъ сію данницу по той земли, по Омосовской, на ту полъ двора въ домъ Святыя Пречистыя“. Здѣсь полудворомъ названо полъ деревни. Въ судномъ дѣлѣ 1532 года читаемъ: „Отняли, господине, у меня полдеревни двора и земли Борисовской, въ Лялинѣ курьи“... А. Ю. № 23, 19.

Части деревни, полудворы, доли, жребіи, составляя новое цѣлое, могутъ быть снимаемы въ аренду. Крестьяне не непременно арендуютъ цѣлыя деревни, они арендуютъ и части. Лука Юрьевъ, воль-

¹⁾ Для примѣра см. Новогор. писц. книги т. I столб. 11, 561—570.

ный человекъ, порядился у Спасова монастыря въ крестьяне на половину деревни, гдѣ жилъ крестьянинъ Исачко Житниковъ ¹⁾). Въ данномъ случаѣ половина деревни и до прихода Луки Юрьева составляла уже самостоятельное хозяйство.

Этими свидѣтельствами раскрывается первоначальное значеніе деревни: это отдѣльное пашенное хозяйство. Дворъ съ постройками составляетъ центръ этого хозяйства, а потому деревня метафорически можетъ быть названа дворомъ, а полъ деревни полудворомъ. Но дворъ имѣетъ и свое собственное значеніе. Это пространство земли между хозяйственными постройками и самыя постройки. При дѣлежѣ деревни на части, каждый участникъ могъ устроить себѣ для жилья особый дворъ. Такимъ образомъ, возникаютъ деревни съ двумя, тремя и болѣе дворами. Такія деревни съ нѣсколькими дворами вторичное явленіе. Остатки болѣе древняго порядка вещей можно, однако, наблюдать еще въ самомъ концѣ XVI вѣка. Въ описи дворцовыхъ крестьянъ села Марыина встрѣчаемъ деревню Бортниково-Терязево. Въ этой деревнѣ въ полудворѣ живетъ Гришка Игнатьевъ, а другая полдвора пуста, а прежде жилъ въ ней Родка Тимофеевъ, у котораго были и свои особыя хоромы: изба, а на верху сѣнникъ да сѣнница ²⁾). Тутъ полудворы, а не отдѣльные дворы. Полудворы еще не перешли въ отдѣльные дворы.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ мы наблюдаемъ деревни съ однимъ дворомъ и съ нѣсколькими. Въ эпоху ихъ составленія рядомъ съ первичными явленіями значительное развитіе получили и вторичныя. Но деревня съ нѣсколькими дворами продолжаетъ еще составлять нѣкоторое единство. Хотя бы въ деревнѣ было и нѣсколько дворовъ, но хозяйство ихъ описывается не по отдѣльнымъ дворамъ, а совокупно для цѣлой деревни. Послѣ описи числа дворовъ и людей въ нихъ, если дворовъ нѣсколько, обыкновенно читаемъ: сѣютъ ржи столько то, сѣна косятъ—столько то; то-есть все дворы. Затѣмъ въ обжи, для платы государственныхъ повинностей, положены—не отдѣльные дворы, а каждая деревня, какъ особое цѣлое; исключенія изъ этого порядка обложенія весьма рѣдки. Наконецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ владѣльца исчисляется съ каждой отдѣльной деревни, а не съ отдѣльныхъ дворовъ.

¹⁾ М. А. Дьяконовъ, Акты, I № 14. 1629. Въ одной порядной часть деревни названа костью: „порядился въ деревни на кость земли“ № 52. 1649.

²⁾ Писцов. книги XVI вѣка, п. ред. Калачова, II 291.

Все это говорить въ пользу того, что первоначальный типъ деревни—отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ, что появленіе нѣсколькихъ дворовъ—есть результатъ дѣленія основного двора, а потому нѣкоторыя черты первоначальнаго единства сохраняются и при нѣсколькихъ дворахъ ¹⁾.

Но съ возникновеніемъ въ деревнѣ отдѣльныхъ дворовъ, надо предполагать и возможность возникновенія отдѣльныхъ хозяйствъ. Мы уже видѣли, что части деревень отчуждаются всѣми возможными способами; совладѣльцами деревни, слѣдовательно, могутъ быть совершенно посторонніе люди, изъ которыхъ каждый, конечно, вель свое особое хозяйство. И въ настоящее время слово дворъ означаетъ цѣлое хозяйство. Крестьянинъ, говоря „взять зятя во дворъ“, разумѣетъ взять его въ свое хозяйство. Но это не исключаетъ возможности допустить и въ такой раздѣленной деревнѣ наличность общихъ луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, которыми отдѣльные дворы могли пользоваться сообща. При деревняхъ бывали луга, которыми отдѣльные дворы пользовались безъ раздѣла, а съ перемѣною по годамъ ²⁾.

¹⁾ Г-жа Ефименко совершенно правильно признаетъ, что „деревня есть какая-то законченная, довлѣющая самое себя земельная единица“, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884, 204 и сл., 214; но въ пониманіи этой единицы и выводахъ дальнѣйшихъ слѣдствій она стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ мы. Ниже мы укажемъ на особенности ея взгляда.

²⁾ Рус. Ист. Библ. XII, стр. 450, № 109.

Въ памятникахъ XVII вѣка находимъ совершенно ясныя указанія на отдѣльное хозяйство каждого двора деревни. Мы беремъ эти указанія изъ изслѣдованія г-жи Ефименко о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ. Въ рукахъ почтенной изслѣдовательницы находятся „веревныя книги“. „Онѣ писались самими крестьянами съ цѣлью распредѣлить податныя тягости между собою. За единицу обложенія онѣ принимали не деревню, а дворъ, поэтому мы имѣемъ въ веревныхъ книгахъ самое точное описаніе земли каждого двора“ 212. Изъ приводимыхъ г-жей Ефименко выписокъ видно, что каждый дворъ имѣетъ свой участокъ земли. Но этотъ участокъ находится не въ одной межѣ, а въ разныхъ мѣстахъ и межахъ. Участокъ, такимъ образомъ, состоитъ изъ массы мелкихъ участковъ, весьма разбросанныхъ. Изъ наименованія этихъ участковъ или клочковъ земли видно, что каждый дворъ деревни имѣетъ по клочку въ каждомъ сортѣ земли и въ каждой особой мѣстности. Если была горная земля, то каждому двору деревни дано по клочку горной, была запольная или по нижнему ручью, то каждому дано по клочку запольной и по нижнему ручью и т. д. Ясно, что при дѣлѣжѣ земли первоначальной деревни—двора между новыми дворами, положеніе наслѣдниковъ старались уравнивать надѣленіемъ ихъ не только одинаковымъ количествомъ земли, но и одинаковаго качества. Крайняя же дробность клочковъ объясняется тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, при

Размѣры деревень, по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, представляются очень неодинаковыми. Перевести эти размѣры на единицы намъ понятной мѣры чрезвычайно трудно, а сдѣлать это точно и едва-ли возможно. Но чтобы не оставаться въ совершенной темнотѣ относительно того, какъ были велики эти деревни, занима-ли-ли онѣ десятки или сотни десятинъ, мы сдѣлаемъ нижеслѣдующее сближеніе.

Для выясненія размѣровъ новгородскихъ деревень не представляется возможнымъ отправляться ни отъ числа дворовъ и людей, ни отъ числа обожъ. Число дворовъ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ количеству занимаемой земли. Обжи суть искусственныя единицы обложенія, которыя очень трудно перевести на знакомыя намъ мѣры. Только количество высѣваемой ржи можно перевести, хотя и далеко не точно, на извѣстныя намъ мѣры. Мы отправляемся отъ предположенія, что крестьяне и въ старину также сѣяли, какъ они дѣлаютъ это теперь. Нѣкоторую фактическую основу этому предположенію даетъ сравненіе посѣва въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Елецкомъ, Ливенскомъ и Оскольскомъ въ началѣ XVII вѣка и въ настоящее время. Проф. И. Н. Миклашевскій въ приложеніи къ своему изслѣдованію о хозяйственномъ бытѣ Московскаго государства печатаетъ рядъ выписокъ изъ книгъ сошнаго письма начала XVII вѣка. Изъ этихъ книгъ видно, что въ Бѣлгородѣ высѣвали тогда ржи на десятину отъ 1 четверти до четверти съ половиной. Полагая тогдашнюю четверть вѣсомъ въ 6 пудовъ, получимъ высѣвъ отъ 6 до 9 пудовъ; въ настоящее время преобладающій посѣвъ крестьянъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ—8 пудовъ. Въ Ельцѣ и Ливнахъ въ XVII вѣкѣ давали на посѣвъ десятины по 2 четверти, что составитъ 12 пудовъ, если только все выданное было высѣваемо. Теперь преобладающій высѣвъ тамъ же 8—9 пудовъ, но доходить и до 10. Въ Осколѣ давали по полутора четверти, то-есть по 9 пудовъ, теперь преобладающій высѣвъ—8 пудовъ, а доходить и до 12. Итакъ, количество посѣва начала XVII вѣка колеблется въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и конца XIX. Полагаемъ, что и новгородскіе посѣвы конца XV и начала XVI вѣка колебались въ предѣлахъ современныхъ посѣвовъ той же мѣстности, а потому, считая новгородскую коробью равною московской четверти

наличности массы болотъ, лѣсовъ и неудобныхъ земель, земли голныя для хлѣбопашества заключались въ небольшихъ и разбросанныхъ участкахъ. Веревныя книги, хотя принадлежать началу XVII вѣка, совершенно, однако, совпадаютъ съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ на деревню и дворъ. Г-жа Ефименко дѣлаетъ изъ нихъ иные выводы. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

начала XVII вѣка, будемъ класть для уѣздовъ Новгородской губерніи отъ 8 до 10 пудовъ на десятину, а Петербургской — отъ 9 до 12 ¹⁾).

За единицу сравненія возьмемъ деревню въ одинъ дворъ. Такія деревни высѣвають очень разное количество ржи. Есть деревни съ посѣвомъ одной коробьи, и есть деревни съ посѣвомъ 12 коробей, въ одной и той же мѣстности и у того же владѣльца. Но оба приведенные случая встрѣчаются рѣдко (III 39). Средній посѣвъ— 4, 6, 8 коробей.

На основаніи указанныхъ данныхъ деревня съ посѣвомъ въ 4 коробьи въ Новгородской губерніи будетъ имѣть въ полѣ отъ $2\frac{2}{5}$ десятины до 3 десятины, а въ трехъ поляхъ отъ $7\frac{1}{5}$ до 9 десятины; если прибавить на дворъ, огородъ, выгонъ и луга отъ 5 до 10 десятины, то получимъ небольшой средній участокъ мѣрою отъ 12 до 19 десятины. Для Петербургской губерніи, при большемъ высѣвѣ, получится немного менѣе. Но если бы принять для коробьи вѣсъ въ 7 пудовъ, что тоже допускаютъ нѣкоторые изслѣдователи старыхъ мѣръ, то участокъ получился бы для обѣихъ губерній на $\frac{1}{7}$ больше.

По этому расчету легко себѣ составить представленіе и о размѣрахъ деревень съ высѣвомъ въ 1, 2, 6, 8 и т. д. коробей.

Деревни съ 2—3 дворами высѣвають нерѣдко тѣ же 4, 6, 8 коробей, что и деревни съ однимъ дворомъ; но есть деревни съ 4 и 5 дворами, которыя довольствуются 3—6 коробьями; рядомъ съ ними другія съ тѣмъ же числомъ дворовъ и душъ высѣвають до 10 и даже 15 коробей. Одна деревня съ 9 дворами высѣвала 17 коробей, одна съ 4-мя—20, другая такая же—35, одна съ 3-мя—20, наконецъ, мы видѣли деревню съ 9 дворами, которая высѣвала 40 коробей. По сдѣланному выше расчету, эта деревня имѣла одной пашенной земли въ трехъ поляхъ отъ 72 до 120 десятины. Мы не имѣемъ, однако, основанія утверждать, что въ моментъ описи каждая деревня распахивала все то количество земли, которое годно было къ распашкѣ. А потому къ исчисленному количеству надо еще прибавить землю подъ лѣсомъ да эту нераспаханную, которая состояла какъ бы въ запасѣ. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что количество дворовъ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ размѣрамъ хозяйства. И 1, и 2, и 3,

¹⁾ Данные о современномъ высѣвѣ беремъ изъ Сельско-хозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣній по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VIII. Густота посѣва, 1898. Изданіе Отдѣла сельской экономіи и статистики министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

и 4, и 5, и 6 дворовъ высѣвають по 6—8 коробей; но есть деревни въ 2 двора, которыя довольствуются посѣвомъ въ $2\frac{1}{2}$ коробки, и въ 4 двора съ посѣвомъ въ 3 коробки; а съ другой стороны деревни въ 4 и даже въ 3 двора высѣвають по 16 и 20 коробей. Не число дворовъ опредѣляетъ размѣры деревенскаго хозяйства, а лучшая приспособленность къ хозяйству населенія этихъ дворовъ. Этотъ выводъ подтверждаетъ прежде сказанное о деревнѣ и дворѣ. Если съ большимъ числомъ дворовъ не соединяются непременно и болѣе крупные размѣры хозяйства, то потому, конечно, что новые дворы нарастаютъ не извнѣ, а появляются изъ нутра старой деревни, въ результатѣ дѣленія первоначальнаго хозяйства на части по числу наслѣдниковъ.

Весьма интересенъ вопросъ о населеніи деревень, его количествѣ и родствѣ членовъ двора и цѣлой деревни. Къ сожалѣнію, источники наши очень скудны по этимъ вопросамъ. Писцовыя книги не имѣютъ цѣлью описать населеніе. А во-вторыхъ, наши крестьяне и теперь не имѣютъ фамилій, а въ древности не только крестьяне, но и бояре очень часто именовались только по имени и по отчеству. Въ писцовыхъ книгахъ фамиліи именъ крестьянъ почти не встрѣчаются, поэтому прослѣдить ихъ родство далѣе отца и брата не представляется возможности. Мы встрѣтили наименованія: отца, сына, брата, одинъ разъ племянника, изъ свойственниковъ: пасынка, шурина, зятя; но не замѣтили ни одной семьи, во главѣ которой былъ бы названъ дѣдъ. Прадѣды и дѣды или совсѣмъ не упоминаются, или такъ рѣдко, что ихъ и замѣтить трудно. Необходимо, однако, допустить, что были дворы, во главѣ которыхъ стояли и дѣды, но такіе факты не занесены въ писцовыя книги, и они даютъ намъ въ этомъ отношеніи очень неполную картину.

Въ писцовой книгѣ Деревской пятины, въ волосткѣ Пречистыя Щилова монастыря, находимъ деревню съ чрезвычайно характернымъ названіемъ, это деревня „Федоровъ Дворъ“. Можно ли сомнѣваться, что этотъ Федоръ самъ устроилъ тотъ дворъ, по имени котораго названа деревня? Во время описи въ этой деревнѣ былъ уже не одинъ дворъ, а 9; въ каждомъ изъ этихъ дворовъ указано по одному крестьянину, но они не имѣютъ фамиліальныхъ именъ и по описи не состоятъ ни въ какой родственной связи съ Федоромъ, между ними нѣтъ даже ни одного Федоровича. Въ самомъ дѣлѣ это все новые люди, или это все потомки Федора, о чемъ писцы не нашли только нужнымъ упомянуть? Можно допустить и то и другое, но мы склоняемся на сторону послѣдняго предположенія и думаемъ, что род-

ственныхъ связей между жителями одной и той же деревни было гораздо болѣе, чѣмъ можно заключить изъ буквы описанія. Въ большинствѣ случаевъ однодеревенцы, конечно, были родственники.

Допуская бѣольшую родственную связь между членами одной деревни, чѣмъ можно думать на основаніи описи, мы, однако, далеки отъ мысли, чтобы нашъ древній крестьянскій бытъ представлялъ много общаго съ задружнымъ бытомъ южныхъ славянъ.

Южно-славянская задруга представляетъ большую семью, которая состоитъ изъ 20, 30 и даже большаго числа членовъ, находится подъ главенствомъ одного изъ нихъ и ведетъ общее хозяйство, съ весьма точнымъ опредѣленіемъ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, ихъ доли въ общей прибыли и ихъ особнаго имущества. Члены этой большой семьи могутъ, однако, выдѣлиться и завести свое частное хозяйство, если жизнь въ семейной общинѣ имъ не нравится. Эти семейныя общины, слѣдовательно, ни для кого не обязательны, а возникаютъ въ силу желанія отдѣльныхъ членовъ семьи принять въ нихъ участіе.

Члены русской семьи также могли дѣлиться по смерти отца. Объ этомъ правѣ ихъ говорить уже Русская Правда. По смерти отца домъ его дѣлится между всѣми дѣтьми, а домъ въ деревнѣ и теперь означаетъ избу со всѣмъ хозяйствомъ, что въ XV вѣкѣ соотвѣтствовало двору и, наконецъ, цѣлой деревнѣ.

При правѣ раздѣла южные славяне предпочитали, однако, не дѣлиться, а жить большими семьями, что и повело къ образованію задружнаго хозяйства. У насъ наблюдаемъ обратное явленіе, преобладающую склонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ. Но прежде, чѣмъ идти далѣе, необходимо выяснитъ, имена какихъ крестьянъ заносить писцы въ свои описи. Этихъ именъ очень немного. Изъ напечатанной на стр. 226 таблицы видно, что на каждый дворъ приходится по одному человѣку съ ничтожной дробью. Просматривая самыя описи, мы, дѣйствительно, находимъ въ громадномъ большинствѣ дворовъ только одного крестьянина, въ очень немногихъ двухъ, еще рѣже — трехъ, а четырехъ мы ни разу не встрѣтили. Въ числѣ двухъ встрѣчаемъ и постороннихъ лицъ и родственниковъ, въ числѣ трехъ только родственниковъ, это все отцы съ сыновьями и братья. Спрашивается, всегда ли описывается сынъ при отцѣ и братъ при братѣ, или описываются только нѣкоторые сыновья, а другіе пропускаются, и въ наличности населеніе было выше того, которое обозначено въ итогѣ?

Надо думать, что въ описяхъ обозначаются не всѣ родственники. Въ книгѣ Деревской пятины описана волостка новосведеннаго новгородца Никиты Моисеевича Бабкина. Въ этой волосткѣ 23 двора и ни въ одномъ дворѣ не упомянуто ни одного сына. Въ той же пятинѣ описана Спасская волость Футынского монастыря. Въ этой волости 139 дворовъ, и на 139 дворовъ при отцахъ оказывается всего 4 сына. Въ этой волосткѣ было еще 5 сыновей, но они жили въ особыхъ дворахъ ¹⁾. Итакъ на 23 двора ни одного сына, а на 139 дворовъ при отцахъ всего только 4 сына! Не можетъ быть сомнѣнія, что во дворахъ описывается не все мужское населеніе, не всѣ сыновья, не всѣ братья и племянники, а только нѣкоторые. Кто же описывается? Такъ какъ мы не имѣемъ наказовъ писцамъ этого времени, то на поставленный вопросъ можемъ отвѣчать только догадкой.

Упоминаемые въ описяхъ крестьяне совершенно сходятся, по числу и качеству, съ крестьянами, которые заключаютъ съ землевладѣльцами сдѣлки на аренду ихъ земель. Въ писцовыхъ книгахъ во дворахъ мы встрѣчаемъ: или одного крестьянина или двухъ, много трехъ. Это множественное число образуется или изъ родственниковъ, число которыхъ доходить до трехъ, или изъ постороннихъ лицъ, которыхъ, обыкновенно, бываетъ два. Тоже и въ крестьянскихъ порядныхъ, они пишутся то отъ одного, то отъ нѣсколькихъ; въ числѣ нѣсколькихъ встрѣчаемъ сыновей, братьевъ и постороннихъ людей. Число родственниковъ доходить до трехъ, постороннихъ до двухъ. Земли, значить, нанимаются то отдѣльными домохозяевами, то небольшими товариществами — изъ 2—3 лицъ. До трехъ число членовъ такихъ товариществъ достигаетъ, обыкновенно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищами являются отецъ и его сыновья. Если это посторонніе люди, число товарищей не идетъ дальше двухъ ²⁾. Эти товарищи суть хозяева предпріятія, они домовладыки; писцы имѣютъ съ ними дѣло, ихъ имена они и записываютъ.

Въ описи Вотской пятины два такихъ товарища, не родственника, чрезвычайно характерно названы пріятелями: „Деревня Горка, дворъ Исачко Спнца да пріятель его Стешко“. Изъ порядныхъ узнаемъ, что такіе товарищи суть выходцы изъ одного и того же мѣста: въ одномъ мѣстѣ родились, мальчиками вмѣстѣ играли и пасли скотъ, а какъ

¹⁾ I ст. 11, 41.

²⁾ Крестьянскія порядныя въ А. Ю. №№ 176—8, 180, 182—3, 186; 1547—1590; въ Рус. Истор. Библ. Т. XIV №№ 38, 57, 58; 1572—1590, 1660.

выросли, пошли вмѣстѣ искать счастья и вмѣстѣ сняли деревню. Это тѣ же пріятеля.

Въ той же описи такой товарищъ названъ „складникомъ“ ¹⁾. Что такое складникъ? Самое слово можетъ навести на мысль, что это люди, образовавшіе складочный капиталъ, на который и устроили какое либо общее предпріятіе; въ данномъ случаѣ общее сельское хозяйство. Такъ многіе ученые и думаютъ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло не такъ просто. Складникъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ одномъ дворѣ съ другимъ крестьяниномъ на конфискованной у новгородскаго боярина землѣ. Это арендаторъ чужой земли. Для найма же чужой земли не требуется никакого капитала, нужны только руки. Хозяинъ земли можетъ дать и сѣмена, и лошадь, и даже денежную помощь, и нерѣдко дѣйствительно даетъ и то, и другое, и третье. Итакъ, относительно этого складника не можетъ быть никакой рѣчи о складкѣ капитала на общее предпріятіе. Мы имѣемъ еще три — четыре десятка документовъ, въ которыхъ складниками называются крестьяне, живущіе не въ одномъ, а въ разныхъ дворахъ одной и той же деревни; называются въ нихъ складниками и не крестьяне, напримѣръ, монастыри. Значеніе этихъ документовъ для опредѣленія того, что такое складникъ, неодинаково. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ слово складникъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстное, и не даютъ ни малѣйшаго указанія на то, почему складники называются складниками. Что они складываютъ? Мы уже знаемъ, что крестьяне-жители одной и той же деревни могутъ вести разное хозяйство и имѣть свои отдѣльныя земли. Что же они складываютъ? Къ счастью, совершенно удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ документъ, напечатанный въ актахъ Холмогорской епархіи. Изъ этого документа узнаемъ, что государевъ писецъ, князь Василій Звенигородскій, написалъ тягло въ „одну сошку“ четыре монастыря: Корельскій, Архангельскій, Кириловскій и Соловецкій. По этому письму всѣ четыре монастыря верстались межъ себя во всѣхъ промыслахъ по вытню, а въ нынѣшнемъ году (1592) Соловецкій и Кириловскій монастыри на государеву службу, на Каянскіе нѣмцы, съ этой сошки (соха — единица обложенія), съ своихъ промысловъ, ратныхъ людей, и лошадей, и всякого оружія по расчету не дали. Эту недоимку доправили съ Корельскаго да съ Архангельскаго монастыря. Вотъ по-

¹⁾ *Временникъ* Имп. Общ. Ист. и Др. Т. XI стр. 41, 56.

чему эти монастыри и пишутъ, что „имъ въ *складствѣ* съ Соловецкимъ и Кириловскимъ монастыремъ быть не мочно для того, что имъ отъ нихъ обида чинится великая“. № 74. Отсюда ясно, что такое складство. Это не складчина капитала для общаго предпріятія, а положеніе въ одну податную единицу (обжу или соху) для исчисленія государева тягла.

А вотъ и еще документъ, имѣющій въ этомъ отношеніи тоже рѣшающее значеніе. Въ 1641 году посельщикъ Троицкаго монастыря, старецъ Ефремъ, да ключникъ того же монастыря били челомъ земскому судѣ на складника своего Михаила, Яковлева сына, Ногаева въ томъ, что у нихъ есть при деревнѣ Истокѣ общій съ нимъ покосъ, который они косятъ съ нимъ погодно; въ нынѣшнемъ году ихъ очередь (то-есть монастырская) косить, а Ногаевъ вспахалъ этотъ покосъ и пшеницу посѣялъ. Ногаевъ на судѣ отвѣчалъ: сѣнной покосъ, дѣйствительно, Троицкаго монастыря, но пшеницу онъ сѣялъ на своей землѣ, а не на общемъ покосѣ. Представители монастыря обвиняли еще Ногаева въ томъ, что онъ и ленъ и рожь сѣялъ на общей землѣ, не подѣля. Ногаевъ отвѣчалъ, что онъ сѣялъ и ленъ и рожь, но на своихъ участкахъ, противъ которыхъ есть монастырскіе участки, гдѣ и имъ можно сѣять. Что это такое? Это споръ владѣльцевъ общей деревни. Пашенныя земли у нихъ въ раздѣлѣ, а пожни нѣтъ, онѣ въ общемъ владѣніи, ихъ косятъ погодно. Изъ-за этого и возникъ споръ. Отвѣтчикъ названъ складникомъ, въ какомъ смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакого общаго предпріятія. Даже общіе луга пахутся не сообща, а по очереди. Почему же монастырь и Ногаевъ складники? Они складники, какъ владѣльцы вопчей деревни, они складываются для платежа государева тягла. Но какъ они сдѣлались владѣльцами общей деревни? Изъ документа этого не видно. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что монастырь и Ногаевъ купили эту деревню на складочный капиталъ и потому называются складниками, хотя и не ведутъ общаго хозяйства. Они складники въ тяглѣ и только. Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и всѣ другіе документы, въ которыхъ рѣчь идетъ о жителяхъ одной деревни, которые называютъ себя складниками.

Приведемъ еще два документа. Въ 1606 году крестьянинъ Степанъ Тимофеевъ подалъ властямъ явку на складника своего, Ермолу Иванова, да на сына его Бутору, на разбойника, вотъ въ чемъ. Послѣ Прокофьева дня, устюжскаго чудотворца, въ первый четвергъ, приходили на него этотъ Ермола да сынъ его, разбойникъ, съ топорами,

и били его и увѣчили. Степанъ Тимофеевъ насилу отъ нихъ вырвался и заперся въ клѣтишко свое. Тогда они стали его ругать всякими неподобными рѣчами и угрожать поклепомъ, убійствомъ, подметомъ, а подъ конецъ сказали: „нынѣча ты, дѣтина, у насъ ушолъ, а потомъ ты у насъ не уйдешь, будешь ты у насъ и безъ головы, а въ деревнѣ тебѣ съ нами не жить“. Въ чемъ тутъ дѣло? Надо выжить изъ деревни непріятнаго содеревенца, и вотъ для этого прибѣгаютъ къ побоямъ и угрозамъ. Участника въ общемъ предпріятіи нельзя такъ удалить. У него есть гражданскій искъ. Здѣсь объ общемъ предпріятіи и общемъ капиталѣ ни слова. Дѣло идетъ только о побояхъ, тогда какъ былъ достаточный поводъ указать на договоръ товарищества. То же самое случилось въ 1652 г. съ крестьяниномъ Злобинской деревни, Захаромъ Елфимовымъ. Сталъ онъ дѣлать въ копнахъ сѣно со складникомъ своимъ Иваномъ Козминымъ, а тотъ сталъ его бить и увѣчить на смерть, „выживая его съ повытишка (то-есть съ его участка) своимъ насильствомъ“. И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ о государевыхъ крестьянахъ, которымъ стало тѣсно на отведенныхъ имъ земляхъ, и вотъ они на смерть бьютъ другъ друга. При этомъ они складники, но, конечно, не въ смыслѣ общаго предпріятія, а въ смыслѣ платежа общей подати съ деревни. Но складники не только дерутся между собой; какъ владѣльцы въ общей деревнѣ, они нерѣдко весьма мирно пользуются общими лугами, передѣляютъ ихъ въ отдѣльное владѣніе, даже соединяются для покупки земель и т. д. Все это они дѣлаютъ, какъ одnodеревенцы, какъ сосѣди, какъ близкіе по мѣсту жительства люди¹⁾.

¹⁾ Русск. Ист. Библ. т. XII, стр. 217 № 44; т. XIV, стр. 570 № 242, стр. 763 № 357. И это не единственные случаи дикой расправы складниковъ другъ съ другомъ. Въ XIV т. Рус. Ист. Библ. напечатано не менѣе 35 документовъ, въ которыхъ встрѣчается слово складникъ. Изъ 35-ти документовъ 32 суть явки, то-есть, заявленія правительственнымъ органомъ о томъ, что такой то складникъ завладѣлъ землей другаго складника, покосилъ его лугъ, перебилъ его скотъ, пограбилъ его домъ, побилъ его на смерть, изувѣчилъ, подалъ на него кляузную жалобу и т. д., съ просьбой оградить пострадавшаго. Ясное дѣло, что здѣсь подъ складникомъ разумѣется не товарищъ предпріятія, а крестьянинъ одnodеревенецъ. Иначе было бы совершенно не понятно, какъ это товарищи общаго предпріятія только и дѣлаютъ, что нападаютъ другъ на друга. Приводимъ для любознательнаго читателя №№, свидѣтельствующіе объ этихъ характерныхъ отношеніяхъ складниковъ: 130, 232, 233, 235, 242, 247, 248, 250, 251, 256, 262, 266, 277, 294, 296, 304 (2), 310, 312, 323, 324, 328, 333, 348, 350, 353, 355, 357, 358, 362, 377; Б. 31. И только три документа встрѣтили мы безъ уголовщины: А. 68 и Б. 8.

Итакъ, складники не пріятели, не товарищи общаго предпріятія, а одnodеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи, на примѣръ, луга, а могутъ быть и раздѣлены. Называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тягло, такъ какъ они одnodеревенцы. Они одnodеревенцы, а потому и складники, а не наоборотъ ¹⁾.

Возвращаемся на прежнее.

Братья, конечно, тѣ же пріятели и товарищи, если они вмѣстѣ снимаютъ деревню. А сыновья? На этотъ вопросъ отвѣчать труднѣе. Надо думать, что патриархальность нашего древняго быта и соединенное съ нею безусловное подчиненіе дѣтей родителямъ не шли у насъ такъ далеко, какъ нѣкоторые любятъ это утверждать. Отецеская власть, по всей вѣроятности, имѣла свои предѣлы. Мы не скажемъ, что она ограничивалась по общему правилу, но

¹⁾ Г. Н. Рожковъ въ приложеніи къ своему труду Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ напечаталъ раздѣльную грамоту складниковъ: „Связъ и т. д. подѣлили между собою землю... на четверо... А что у насъ лѣсъ... по Еловѣ въ верхъ... и то, что у насъ воцѣ у всѣхъ складниковъ,... а лѣсъ сѣчь... гдѣ кому любо“... и т. д. 494. Здѣсь, можетъ быть, складники не крестьяне, сидящіе на чужихъ земляхъ, а своеземцы, но это ничего не мѣняетъ. Монастыри—своеземцы, а тоже складники. Они дѣлятъ общее владѣніе.

Г-жа А. Ефименко (Крест. землевл. на крайн. сѣверѣ, 222) говоритъ, что у ней „есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникло даже въ семейный союзъ, порождая интересный образчикъ договорной, искусственной семьи. Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей деревни. При продажѣ онъ заключаетъ договоръ складства на 10 лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ 10 лѣтъ имъ составлять одну семью: „пить и ѣсть вмѣстѣ, и платье и обувь держать изъ воцѣго живота, и та намъ своя деревня пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино, и въ промысла ходить и посылать изъ воцѣго живота“. Документъ, дѣйствительно, любопытный, но очень жаль, что онъ не приведенъ цѣликомъ. То, что приведено, представляетъ собою договоръ общаго хозяйства. Весьма вѣроятно, что всѣ крестьяне, жившіе въ одномъ дворѣ, имѣли общее хозяйство. Но это еще не значитъ, что они составляли одну семью: жена и дѣти, вѣроятно, у каждаго были свои. Что они образуютъ одну семью, этого въ документѣ не сказано, это домысль г-жи Ефименко. Семья — это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей, а не то, что пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и вмѣстѣ на охоту ходятъ. У автора, кажется, на этотъ счетъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія. Также ничего не говорится въ документѣ о складствѣ, это опять домысль автора. Документъ въ томъ видѣ, какъ приведенъ, къ складству вовсе не относится. Въ виду несоотвѣтствія заключеній автора съ приводимымъ имъ мѣстомъ документа, мы и сожалѣемъ, что документъ напечатанъ не цѣликомъ.

скажемъ, что она могла ограничиваться возрастомъ и самостоятельнымъ характеромъ сыновей. Малолѣтніе — до возраста, а слабые духомъ и нерѣшительные и до смерти отца оставались подъ его властью и безпрекословно исполняли его приказанія; люди же рѣшительные могли оставить отца и завести свое самостоятельное хозяйство. Эта возможность потерять дѣятельнаго члена семьи должна была сдерживать родителей. А съ другой стороны и сами отцы могли находить цѣлесообразнымъ снизойти съ высоты отеческой власти и стать на равную ногу съ сыновьями, заявившими энергію, предприимчивость и хорошія хозяйственныя способности. Вотъ при какихъ условіяхъ сыновья, съ согласія, конечно, отца, принимали участіе въ его сдѣлкахъ, какъ бы его товарищи. Близкія родственныя связи, конечно, могли модифицировать до нѣкоторой степени эти товарищескія отношенія, тѣмъ не менѣе отецъ и сынъ принимали на себя обязательства за общую отвѣтственностью; по отношенію къ третьимъ лицамъ они являлись товарищами въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ заключеніе надо указать на то, что и женщины не были въ древности лишены права стоять во главѣ дворовъ и управлять хозяйствомъ. Писцовыя книги не разъ упоминаютъ во дворахъ вдовъ: „дворъ вдова Марья, дворъ Анна“, можетъ быть тоже вдова. А въ деревнѣ одного своеземца находимъ „дворъ Оедковой жены Грихнова Устинки“. Какъ она, при живомъ мужѣ, стала хозяйкой, не знаемъ; а, можетъ быть, она тоже вдова. Этотъ порядокъ вещей держится и въ XVI вѣкѣ. Въ волости Захожье, Тверскаго уѣзда, была черная деревня Новая Рослашь. Она вся состояла изъ одного двора и дворъ этотъ принадлежалъ вдовѣ. Въ дворцовой деревнѣ Бортниково-Теряево было два двора и одинъ изъ нихъ принадлежалъ вдовѣ, которой была дана льгота на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей ¹⁾).

Таковъ личный составъ нашихъ старинныхъ хозяйственныхъ дворовъ. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ семействомъ, въ главѣ котораго стоитъ отецъ; иногда это двѣ, много три семьи родныхъ братьевъ, иногда это семьи отца и его сыновей.

¹⁾ Новогор. писц. кн. III 7, 582; Писцов. кн. XVI вѣка, подъ ред. Калачова II 49, 291. Въ недавно вышедшихъ Текстахъ бѣлозерскихъ книгъ и выписей, подъ редакц. С. А. Шумакова, въ сотной съ писцовыхъ книгъ 1543—1544 года въ числѣ деревень А. И. Нащокина находимъ деревню Дряблово всего съ однимъ дворомъ, принадлежащимъ Ульянѣ Суворовской. Опять не вдова.

Два послѣднихъ случая представляютъ семейную общину, но весьма различную по числу членовъ и по организаціи отъ южно-славянской задруги. Большаго числа членовъ мы не можемъ допустить въ этихъ общинахъ потому, что все дѣло ограничивается соединеніемъ двухъ, много трехъ семей. Да и это случаи довольно рѣдкіе. У насъ преобладало стремленіе къ дѣлежамъ. Имѣемъ многочисленныя указанія, что изъ двухъ—трехъ братьевъ, оставшихся по смерти отца, каждый заводитъ себѣ особый дворъ, то-есть по смерти отца не образуется никакой семейной общины, а происходитъ дѣлежъ. Надо сказать даже болѣе. Сыновья, при жизни отцовъ, выдѣлялись изъ семьи и устраивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ. Этими дѣлежами, можетъ быть, и надо объяснять то, что въ крестьянскихъ семьяхъ у насъ не удерживались родовыя названія, а только отеческія. На ту же немногочисленность семей указываетъ и весьма распространенный обычай товарищества двухъ постороннихъ людей для найма деревни. Въ этомъ чувствуется потребность соединенія силъ для хозяйства, но родственныя силы идутъ врознь, въ восполненіе этого недостатка люди соединяются не съ родными, а съ посторонними, съ „пріятелями“. Давно замѣчаемое стремленіе крестьянскихъ семей къ раздѣламъ, не есть явленіе новаго времени. Весьма возможно, что въ періодъ господства крѣпостного права, оно сдерживалось волею помѣщиковъ, а съ освобожденіемъ стремленіе cadaго къ самостоятельности направилось по своему естественному руслу, по пословицѣ: шей горшокъ, да самъ большой ¹⁾.

Устройство нашихъ семейныхъ общинъ тоже мало похоже на южно-славянскія задруги. Тамъ одинъ большакъ, который веѣмъ и распоряжается, у насъ договоръ о наймѣ земли заключается не только отъ имени двухъ-трехъ братьевъ, но даже сыновей и отца. Младшіе

¹⁾ Проф. Лучицкій утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка большія семьи хотя и не давали главнаго тона жизни, но и не представляли исключенія. „Нерѣдки дворы, въ которыхъ мы насчитываемъ по 3, 4, 5, 6, 7 и болѣе семей, состоявшихъ не только изъ родныхъ братьевъ, но и братьевъ двоюродныхъ, братаничей, дядей, тетокъ, племянниковъ, зятьевъ, деверей и т. д. *Сѣверный Вѣстникъ* 1889, № 1, стр. 77. По нашимъ памятникамъ этого не видно.

братья и даже сыновья тоже хозяева. Наша семейная община—много-начальная, юго-славянская—единоначальная.

Говоря о деревнѣ и дворѣ, мы постоянно имѣли въ виду деревню и дворъ вообще, но приводили памятники, въ большинствѣ случаевъ, касавшіеся крестьянъ, сидѣвшихъ на чужихъ земляхъ. Въ дополненіе приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ, касающихся своеземцевъ.

У нихъ также деревня состоитъ изъ двора, дворища, земель и угодій. Въ купчей 1517 года читаемъ: „Се азъ Анфалъ, Никитинъ сынъ, купилъ еси у Максима у Андреева, у Попова у Смышляева, деревенку, что его владѣніе, орамыя земли и пожни и притеребы, и въ морьскихъ пожняхъ участокъ, и поѣздная ловля, и путики, и ловища, и неводная ловля, и со всѣми угоды, и дворъ и дворище, что изъ старины тянетъ къ той деревнѣ, гдѣ што пришло“.

Эти деревни тоже составляютъ цѣлое хозяйство; въ результатѣ дѣленія получаютъ части деревни. „Се купилъ Лука, Евсеевъ сынъ, Прощолюкинъ у Панфила, у Нефедьева сына, землю на Лодмѣ, Панфиловъ участокъ весь, въ Часовенской деревнѣ, Нефедьевской пятой участокъ весь: и въ дворѣ, и въ дворищѣ, и въ орамыхъ земляхъ, и въ пожняхъ, и въ поскотинѣ, и въ перевѣсищахъ, и въ притеребахъ, и въ путикахъ, и во всякихъ угодыахъ—пятой участокъ“¹⁾.

Въ предѣлахъ такихъ владѣльческихъ деревень и возникали, конечно, крестьянскія деревни. Если владѣльческая деревня значительная, и въ ней появлялось много крестьянскихъ деревень, она получала названіе волостки и даже волости. Крестьянская деревня и дворъ въ миниатюрѣ представляетъ владѣльческую деревню и дворъ. Владѣльческій дворъ именуется большимъ, боярскимъ, крестьянскій—просто дворъ.

Но между господской и крестьянской деревней есть и другая разница, кромѣ размѣровъ. Въ крестьянское хозяйство не входятъ угодыя. Крестьянамъ сдается только пашенное хозяйство съ тѣмъ, что къ нему принадлежитъ: съ лугами, лѣсами, выгонами. Рыбныя ловли, путики и другія угодыя состоятъ при господской деревнѣ. Они тоже могутъ быть сданы въ аренду, но это особая статья.

Есть отступныя крестьянскія грамоты, въ которыхъ крестьяне продаютъ не только земли, но рыбныя ловли и другія угодыя. Эти акты совершаютъ крестьяне великаго князя, сидящіе на его земляхъ.

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XIV № 5, 1517; № 9, 1523.

А мы уже знаемъ, что такіе крестьяне получили и угоды бывшихъ владѣльцевъ.

Мы только что привели случай продажи владѣльцемъ принадлежавшей ему пятой части деревни. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ описывается множество деревень, части которыхъ принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ. Эти деревни называются „вопчими“. Число такихъ общихъ владѣльцевъ въ одной деревнѣ весьма различно; мы встрѣчали и 3 и 4 и болѣе, до 9. Въ одной деревнѣ, въ Заверяжьи, за своеземцемъ состоялъ шестнадцатый жеребій деревни. Но это не значитъ, что всѣхъ владѣльцевъ было именно 16 человекъ. Одинъ могъ имѣть $\frac{1}{16}$, другой $\frac{4}{16}$ и пр. Тоже при 3-хъ, 4-хъ и т. д. владѣльцахъ. Владѣльцами общихъ деревень являются всевозможныя лица: владыка, бояре, большіе и маленькіе, крестьяне-своеземцы, попы, монастыри, церкви и пр. Съ момента конфискаціи такимъ совладѣльцемъ является и самъ великій князь московскій. У него общія деревни съ своеземцами, владыкой, монастырями и пр.

Возникаетъ вопросъ: эти общіе владѣльцы владѣли деревней сообща и имѣли нѣкоторый видъ общаго хозяйства, или земли деревни между ними были раздѣлены? Въ большинствѣ случаевъ, надо думать, каждый изъ нихъ велъ свое особое хозяйство, и земли были между ними раздѣлены. Мы заключаемъ это на томъ основаніи, что въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, при описи „вопчихъ“ деревень, обыкновенно, указываются дворы, принадлежавшіе отдѣльнымъ владѣльцамъ, дворы, находившіеся на ихъ жеребьяхъ. Въ этихъ случаяхъ, значитъ, каждый имѣлъ въ общей деревнѣ свой особый участокъ, который и сдавалъ отъ себя крестьянамъ. Это, конечно, не исключало возможности бытія какихъ либо общихъ угодій, которыя не были раздѣлены, а состояли во владѣніи по годно, или распредѣлялись какъ нибудь иначе.

Рядомъ съ такими указаніями на раздѣльное хозяйство общихъ владѣльцевъ, но рѣже, есть указанія и на то, что они владѣютъ своимъ участкомъ сообща. Субъектами такого нераздѣльнаго владѣнія, обыкновенно, являются братья. Не видимъ препятствія допустить такое же нераздѣльное владѣніе и между посторонними лицами. Оно могло возникнуть въ томъ случаѣ, если братъ-совладѣлецъ продавалъ свою долю до дѣлежа.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ для обозначенія такого владѣнія существуетъ только одинъ терминъ — „вопчье“, это вопчія деревни.

Въ другихъ памятникахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ сябры (шабры), и думаемъ, что онъ именно обозначаетъ такихъ общихъ владѣльцевъ ¹⁾).

Братья Чевакины, Иванъ и Василій, купили у братьевъ Сасиныхъ тону „половину половины“, то-есть половину ихъ жеребья, четверть тони. Продавцы въ купчей названы сябрами. Другая половина тони принадлежитъ Ивановымъ дѣтямъ. Родственники они Сасинымъ или нѣтъ, это неизвѣстно; также неизвѣстно, родственникъ имъ Иванъ Чевакинъ или нѣтъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ угодемъ, тоней, которая составляетъ собственность разныхъ лицъ и состоитъ въ общемъ ихъ владѣніи. Сасинымъ и Ивановымъ принадлежитъ по полъ тони. Ивановыхъ трое, Сасиныхъ еще больше. Тоня, конечно, не раздѣлена, всѣ Сасины и Ивановы владѣютъ сообща и дѣлятъ результатъ улова. Ловъ у нихъ можетъ быть общій, а можетъ быть и по годамъ. Сасины продаютъ половину своей половины. Съ этого момента прибавляется третья линія совладѣльцевъ—Ивана Чевакина и брата его Василя. Собственники распоряжаются своими долями по усмотрѣнію; согласія на продажу со стороны другихъ совладѣльцевъ не требуется. А. Ю. № 71. V. XIV—XV в.

Этотъ документъ даетъ прекрасную иллюстрацію къ тому, что выше было сказано о вопчихъ деревняхъ.

Имѣемъ и другой подобный документъ, но въ немъ рѣчь идетъ не о частной собственности, а „о великаго князя варницѣ“. Кто владѣетъ этою варницею, изъ документа не видно. Тамъ приведены имена владѣльцевъ, но не сказано, кто они, крестьяне, во владѣніи которыхъ осталась варница послѣ конфискаціи, или новые владѣльцы изъ своеземцевъ, которымъ крестьяне успѣли уже продать свои участки. Ясно только, что владѣльцы тянутъ государево тягло, и что это тягло такъ тяжело, что они, не будучи въ состояніи его тянуть, продаютъ свои доли. Такими владѣльцами могутъ быть и крестьяне, за которыми остались конфискованныя варницы, и позднѣйшіе покупщики; но это для насъ безразлично. Для характеристики вопчаго владѣнія важно то, что продавцы владѣютъ двѣнадцатою частью варницы и эту свою часть продаютъ. А въ концѣ отступной говорятъ: „А въ сябрѣхъ та варница съ Григорьевыми Кологринова, да съ Туваемъ и съ Орломъ, Ивановыми дѣтми, Дороеева и съ иными

¹⁾ Слово сябрь и теперь значитъ: соучастникъ, товарищъ, пайщикъ, односумъ. Даль.

сябры“. Что такое „а въ сябрѣхъ та варница“? Полагаемъ — это означаетъ „въ совладѣніи“ и ничего больше. Одну двѣнадцатую продаютъ семь человѣкъ; всѣ они происходятъ отъ Ивана Сухова, изъ нихъ двое его сыновья и пять внуковъ. Эти семь человѣкъ владѣютъ сообща одной двѣнадцатой долей варницы; одиннадцать двѣнадцатыхъ состоятъ въ такомъ же владѣніи другихъ лицъ. Этихъ лицъ такъ много, что они всѣ даже и не перечислены. Перечислены, по всей вѣроятности, крупнѣйшіе участники. Покупщикомъ у Суховыхъ является одинъ изъ Кологривовыхъ, Семень, которые состоятъ уже сябрами. Не перечисленные, — по всей вѣроятности, владѣютъ очень небольшими долями. Можно думать, что эти мелкіе владѣльцы суть крестьяне, преемники тѣхъ, за которыми варницы великаго князя остались во владѣніи послѣ ихъ конфискаціи.

Изъ приведеннаго документа видно, что сябры владѣютъ не равными участками. Иванъ Кологривовъ купилъ себѣ одну двѣнадцатую часть, которая до того была во владѣніи семи сябровъ. Но доля Семена этимъ не исчерпывается. Онъ состоялъ уже сябромъ въ долѣ со своими братьями. У него болѣе одной двѣнадцатой. Это доли идеальныя, также какъ и въ предшествующемъ случаѣ. Продаются онѣ по усмотрѣнію дольщика; согласія другихъ сябровъ не нужно. А. Ю. № 135, 1550.

Соляныя варницы — угодья поземельныхъ владѣній. Это принадлежность деревень. Разборъ приведеннаго акта также даетъ результаты совершенно согласныя съ тѣмъ, что сказано о деревняхъ выше.

Приведемъ и еще одинъ документъ. Въ 1483 году въ Псковѣ передъ княземъ, посадниками и соцкими происходилъ судъ. Истецъ, игуменъ Снѣтогорской обители, такъ говорилъ на судѣ: „Господинъ князь, и посадники, и соцкіе! Тому, господине, Юрью соцкому, старостѣ Егорьевскому, и Ортему, и Ильи, и всѣмъ ихъ сябромъ: игумену Лаврентію Кузмодемьянскому и всѣмъ старцомъ Кузмодемьянскимъ, пять частей въ Перервѣ рѣкѣ, а намъ, господине, шестая часть въ Перервѣ рѣкѣ, проѣзду дѣля. И нынѣ, господине, Юрьи, и Ортемъ, и Ильи, и всѣ сябры ихъ: игуменъ Лаврентій и старцы Кузмодемьянскіе, насъ шестой части въ Перервѣ рѣкѣ лишаютъ, проѣзду намъ не даютъ. А у насъ, господине, въ той Перервѣ рѣкѣ на шестую часть грамота купчая“. Судъ присудилъ истцу, чего онъ искалъ, одну шестую въ Перервѣ рѣкѣ, а чтобы впредь не было спора, велѣлъ выдѣлить ему на проѣздъ шестую часть рѣки. А. Ю. № 2-й. Здѣсь сябрами являются два монастыря и крестьяне. У

всѣхъ у нихъ идеальныя части. Эта Перерва рѣка, надо полагать,— есть угодье той деревни, въ которой они вопчіе владѣльцы. Они владѣютъ рѣкою безъ раздѣла. Въ результатѣ суда получается раздѣлъ. Снѣтогорскому монастырю выдѣляютъ въ натурѣ его шестую часть; а остальные сябры продолжаютъ владѣть рѣкою сообща.

Въ этомъ же смыслѣ общаго владѣнія слово сябрь употребляется и въ памятникахъ XVII вѣка. Беремъ у проф. И. Н. Миклашевскаго двѣ архивныхъ выписки, извлеченныя имъ изъ одного и того же документа. „А пашня Ивану Скобельникову пахать съ своими сябрами, съ Парфеномъ Чернышевымъ да съ Алексѣемъ Коневымъ, черезъ десятину“.—„А пашня ему, Василью, пахать и сѣно косить, и въ лѣса вѣзжать, и всякими угодья владѣть со старыми помѣщиками, своими сябрами (два имени), вопче по своимъ дачамъ“ ¹⁾.

Проф. И. Н. Миклашевскій въ своемъ трудѣ даетъ картину иныхъ поземельныхъ явленій, а не тѣхъ, которыми мы занимаемся. Онъ изслѣдуетъ помѣстное хозяйство на отведенныхъ отъ казны земляхъ. Но это все равно; насъ занимаютъ теперь не особенности помѣстнаго владѣнія, а значеніе слова сябрь; слово же сябрь и въ XVII вѣкѣ означаетъ то же, что и раньше. Это совладѣлецъ, у него вопчее владѣніе и ничего больше. Осуществляться это общее владѣніе могло очень различно. Въ древнее время, о которомъ мы говоримъ, у своеземцевъ оно осуществлялось согласно волѣ совладѣльцевъ; въ XVII вѣкѣ, на помѣстныхъ земляхъ, порядокъ совладѣнія предписывался правительствомъ. Ивану Скобельницину съ его сябрами предписано было пахать „черезъ десятину“. Г. Миклашевскій объясняетъ, какъ это дѣлалось, но для насъ это не имѣетъ значенія, и мы не воспроизводимъ его объясненія ²⁾.

Терминъ сябрь встрѣчается и въ старыхъ законодательныхъ памятникахъ—въ Псковской и въ Новгородской судной грамотѣ. Сохраненіе двухъ статей Псковской судной грамоты чисто процессуальное.

Слово сябрь употребляется въ нихъ, какъ общеизвѣстное. Въ дополненіе къ тому, что мы знаемъ уже о сябрахъ, эти статьи даютъ очень немного. Статья 92 говоритъ объ искахъ „сябренаго серебра“

¹⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Ч. I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. 1894. 190 и сл.

²⁾ Въ томъ же смыслѣ слово это употреблялось и на югѣ Россіи. У проф. Лучицкаго въ статьѣ о сябрахъ читаемъ: „Въ Малороссіи XVIII вѣка подъ словомъ сябрь разумѣли простого пайщика, члена участника въ общемъ владѣніи“. *Сѣв. Вѣсти.*, 1889 г., I стр. 75.

и предоставляет отвѣтчику право первому цѣловать крестъ (очистительная присяга). Сябренное серебро, по всей вѣроятности, есть общій капиталъ, составленный нѣсколькими лицами для какого-либо общаго предпріятія. Но статья исключаетъ купецкія и гостебныя дѣла. Что же остается? Если исключить торговыя дѣла, то останутся, кажется, только складчины для покупки недвижимостей. Въ приведенномъ выше случаѣ два брата Чевакины сообща купили четверть тони. Употребленный ими на покупку капиталъ и будетъ, по всей вѣроятности, „сябренное серебро“ ¹⁾.

Другая статья (106) той же грамоты опять говоритъ о сябрахъ, какъ общихъ владѣльцахъ. Изъ нея можно сдѣлать только одинъ выводъ. Она относитъ къ сябрамъ и владѣльцевъ въ натурѣ раздѣленныхъ участковъ.

Надо думать, что въ ней рѣчь идетъ о владѣльцахъ „вопчихъ“ деревень, которыхъ въ Новгородѣ, а вѣроятно и въ Псковѣ, было великое множество. Вначалѣ у нихъ могли быть и земли общія, по наслѣдству, по купчимъ и пр., а потомъ они раздѣлились и у cadaго свои дворы и свои земли. Они тоже сябры ²⁾.

¹⁾ Иначе объясняетъ этотъ терминъ проф. Энгельманъ. Онъ видитъ въ немъ „долю изъ общей прибыли, приходящуюся на cadaго изъ сябровъ въ отдѣльности“. Для такого ограничительнаго толкованія — нѣтъ основанія: здѣсь можетъ идти рѣчь и о капиталѣ и о прибыляхъ. Гражд. законы Псков. Суд. гр. 144.

²⁾ Статья 106-я представляетъ для пониманія едва ли преодолимыя трудности. Несмотря на это, нѣкоторыя ея выраженія, очень мало понятныя, служатъ, иногда, основаніемъ для выводовъ. Въ виду спорности возбуждаемыхъ статей вопросовъ, считаемъ не лишнимъ привести ее. Статья говоритъ: „А кто съ кимъ ростяжутся о земли или о борти, да положить грамоты старыя и купленную свою грамоту. И его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти. И сябры всѣ стануть на суду въ одномъ мѣстѣ, отвѣчаючи ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возмутъ. И тои отведутъ оу стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть. Ино ему правда дати на своей части, а цѣлованію быти одному, а поцѣлуеть во всѣхъ сабровъ. Ино ему судница дати на часть, на которой поцѣлуеть“.

Профессоръ Энгельманъ въ своемъ юношескомъ трудѣ, обладающемъ большими достоинствами, высказываетъ мнѣніе, что статья предполагаетъ одного истца и нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, а потому исправляетъ текстъ и предлагаетъ читать „положить“ вмѣсто „положать“, то-есть положить истецъ. Думаемъ, что составителямъ грамоты не было никакой надобности предполагать то или другое число тяжущихся. Сколько бы ихъ ни было, это ничего не мѣняетъ. Но изслѣдователю грамоты это предположеніе понадобилось для того, чтобы объяснить, кто же тѣ сябры, о которыхъ говорится ниже, которые тоже кладутъ грамоты. Въ этихъ сябрахъ онъ видитъ отвѣтчиковъ. Эти сябры „ста-

Упоминаетъ сябровъ и Новгородская судная грамота, но чрезвычайно коротко. Случай, по которому они упоминаются, совершенно тотъ же, что и въ статьѣ 106-й Псковской грамоты. Возникъ поземельный споръ и во время суда оказалась необходимость вызвать „шабъровъ“; статья опредѣляетъ время пріостановки суда для ихъ вызова. Вотъ и все. Вызовъ сябровъ, конечно, обусловливается тѣмъ же, чѣмъ и въ Псковской грамотѣ: межи зашли за межи владѣльцевъ общей деревни.

нута на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи“. „Отвѣчаютъ“,—значить отвѣтчики. „Но они, говоритъ г. Энгельманъ, отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, а не каждый въ отдѣльности за себя“. 129. Мѣсто очень трудное. Согласимся на минуту съ авторомъ, что истецъ одинъ, а ищетъ онъ съ нѣсколькихъ сябровъ, совладѣльцевъ. Совладѣльцами могутъ быть случайныя лица, на примѣръ, сонаслѣдники; или нѣсколько сонаслѣдниковъ и одинъ покупатель, купившій долю одного или многихъ сонаслѣдниковъ. Что значить, что они „отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ“? Это совершенно не понятно. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ сказать: одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ? Это тоже невозможно, ибо они случайные совладѣльцы, и одинъ можетъ найти для себя выгоднымъ продать остальныхъ. Общаго отвѣта не допускаетъ и текстъ. Въ грамотѣ написано: „отвѣчаючи ктожъ за свою землю или за бортъ“. У каждого сябра, значить, своя земля, а не общая, за нее онъ и отвѣчаетъ. На этомъ основаніи мы и дѣлаемъ выводъ, приведенный въ текстѣ. Въ концѣ встречаемъ не менѣе трудное мѣсто: „а цѣлованью быть одному, а поцѣлуеть во всѣхъ сябровъ“. Авторъ даетъ такое объясненіе: „такъ какъ отвѣтчики отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, то и истецъ присягаетъ только одинъ разъ противъ всѣхъ; его присяга опровергаетъ всѣхъ сябровъ вмѣстѣ“. По этому толкованію выходитъ: поцѣловать за всѣхъ это то же, что поцѣловать противъ всѣхъ. Это едва ли. Псковская судная грамота дошла до насъ въ одномъ спискѣ, да и тотъ пропалъ. Мы имѣемъ только копію, изданную съ этого списка. И списокъ могъ заключать въ себѣ описки, и копія могла ихъ еще увеличить. Положеніе толкователя при этихъ условіяхъ очень трудное. Хорошо еще, что онъ не отказался отвѣтить на предложенную задачу.

Нѣсколько иначе выходитъ изъ затрудненія проф. Владимірскій-Будановъ. Онъ полагаетъ, что отвѣтчикомъ является—товарищество; что статья предоставляет первую присягу истцу; что въ случаѣ его отказа отъ присяги, право присяги переходитъ къ отвѣтчику, а такъ какъ отвѣтчикъ—товарищество, то одинъ присягаетъ за всѣхъ. Это толкованіе тоже трудно принять. Что отвѣтчикомъ является товарищество, это ни откуда не слѣдуетъ. Предположеніе это понадобилось только для объясненія цѣлованія одного за всѣхъ. Что первый цѣлуеть истецъ, это не согласно съ правиломъ 92 статьи.

Намъ въ статьѣ понятно не все. Вотъ что намъ ясно. Она не опредѣляетъ ни числа истцовъ, ни числа отвѣтчиковъ: искать и отвѣчать могутъ и одинъ и много. Тяжущіеся кладутъ грамоты въ доказательство своихъ правъ. При разсмотрѣніи этихъ грамотъ на судѣ, выяснилось, что спорныя земли зашли за земли другихъ совладѣльцевъ. Для разьясненія вопроса оказалось

Закключаемъ: сябрами называются не только владѣльцы общихъ земельныхъ участковъ и угодій, но и всѣ владѣльцы „вопчихъ“ деревень, хотя бы они раздѣлили свои общіе участки. Въ этомъ надо видѣть новое свидѣтельство о томъ, что понятіе деревни, какъ одного цѣлаго, продолжаетъ жить.

Таковъ первоначальный характеръ деревни. Съ теченіемъ времени она перестала представлять одно цѣлое пашенное хозяйство и перешла въ совокупность дворовъ, изъ которыхъ каждый могъ имѣть свое особое хозяйство. Такъ возникли тѣ небольшія деревни въ нѣсколько дворовъ, которыя мы наблюдаемъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ и въ московскихъ XVI вѣка. Онѣ сохраняютъ еще нѣкоторыя черты своего исконнаго единства. Съ конца XVI вѣка начинается образованіе большихъ деревень, которыя не имѣютъ уже ничего общаго съ первоначальной деревней—дворомъ. Можно думать, что эта послѣдняя перемѣна стоитъ въ связи съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ господскаго хозяйства въ формѣ барщины. Господское хозяйство было и въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ, было, конечно, и раньше; но, сколько можно судить по писцовымъ книгамъ, оно не достигало большихъ размѣровъ. Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ оно развивается; это барщинное крѣпостное хозяйство должно было разложить и послѣдніе остатки исконнаго двора—деревни.

Переходимъ къ вопросу о томъ, что такое село. Древнее село тоже не похоже на новое. Мы привыкли съ понятіемъ о селѣ соединять представленіе о поселеніи, въ которомъ находится церковь. Нѣтъ церкви, это будетъ деревня, а не село. Въ новгородскихъ

нужнымъ спросить совладѣльцевъ. Это и суть тѣ сябры, о которыхъ рѣчь идетъ въ срединѣ статьи. Они не стороны, а свидѣтели. Статья не опредѣляетъ, въ какомъ порядкѣ цѣлуютъ крестъ; это уже опредѣлено въ ст. 92: первый цѣлуетъ отвѣтчикъ, а если не хочетъ, то передаетъ свое право истцу. Статья говоритъ только, что цѣлуетъ одинъ, а не многіе. Что бы это значило? Кто эти многіе, которые не должны цѣловать? Къ дѣлу привлечены многіе совладѣльцы. Можетъ быть на судѣ возникалъ вопросъ и о ихъ присягѣ? Такъ какъ они въ дѣлѣ не участвуютъ и изъ его рѣшенія не могутъ ни проиграть, ни выиграть, то имъ нѣтъ надобности присягать въ качествѣ участниковъ. Статья, можетъ быть, вотъ этотъ случай и разъясняетъ и говоритъ „цѣлуетъ одинъ во всѣхъ сябровъ“, то-есть, изъ всѣхъ одинъ. Кто же? Одинъ изъ тяжущихся, отвѣтчикъ или истецъ, кому придется по суду; ему и выдается судница на ту часть, на которой онъ поцѣлуетъ.—Выраженіе: „встать въ одномъ мѣстѣ“ намъ совершенно непонятно. „Отвѣчаючи“ не непременно указываетъ на отвѣтника. На судѣ отвѣчаетъ всякій, кого судья спрашиваетъ. Онъ спрашиваетъ и свидѣтелей, и они отвѣчаютъ.

писцовыхъ книгахъ встрѣчается масса сель и селець, въ которыхъ нѣтъ церкви. Заключаемъ это изъ того, что она не описывается; если бы была церковь, она непременно была бы указана, а причтъ переписанъ.

Въ 1546 году московское правительство освѣдомилось, что жители Верхняго Слободскаго города „садились на лѣсу послѣ большихъ писцовъ“. Согласно ихъ просьбѣ, великій князь разрѣшилъ имъ: „лѣсъ сѣчь, дворы ставить, пашню пахать, людей призывать“. Кто садится, тотъ сѣль, отсюда село, поселеніе. Но и деревня поселеніе. Совершенно вѣрно; поэтому село употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и деревня. Въ одной купчей читаемъ: „Се купи Василей Филимоновичъ... село земли, дворъ и дворище, орамыя земли, и съ притеребы, и пожни, и путики того села, и перевѣсица, и полѣшии лѣсы, и бобровыя ловища, и въ тони участокъ, со всѣми угоды“. Здѣсь слово „село“ занимаетъ то мѣсто, какое въ другихъ купчихъ принадлежитъ слову „деревня“. Удѣльный князь Иванъ Андреевичъ далъ Ферапонтову монастырю деревню Крохинскую, а его братъ, князь Михайлъ Андреевичъ, въ своихъ жалованныхъ грамотахъ называетъ этотъ даръ то деревней, то селомъ. Если село та же деревня, то села, какъ и деревни, дѣлятся на половины и на жеребьи. Въ спорномъ дѣлѣ 1532 г. одна и та же земля называется то полъ деревней, то полъ селомъ. Въ писцовыхъ книгахъ Коломенскаго уѣзда находимъ „жеребьи“ сель, какъ и въ новгородскихъ. Села также состоятъ изъ дворовъ, какъ и деревни¹⁾.

Несмотря на полное соотвѣтствіе словъ село и деревня, въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ они употребляются съ нѣкоторымъ различіемъ. Терминъ село употребляется очень рѣдко. На 100 столбцовъ не придется и 7 сель, тогда какъ деревня встрѣчается чуть не

¹⁾ А. Э. I № 210. А. Ю. № 5, 1490; № 71, X, № 19, 1532. М. А. Дьяконовъ, Акты, II, № 2, 1514. Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, I 82, 372, 379, 390. Новгородскія писцовыя книги I, ст. 808, 809.

Въ писцовыхъ книгахъ нерѣдко деревни называются селами, но село, въ данномъ случаѣ, играетъ роль собственнаго имени, на примѣръ: деревня Селцо, деревня Селище, деревня Кривое Селище. Характерны и такія названія: Селцо Дворище, деревня—Большой Дворъ, Старый Дворъ, село—Великій Дворъ. На единство села и деревни указано уже г-жей А. Ефименко, Крест. землевл. 204. Намъ непонятно только, почему она утверждаетъ, что въ Новгородѣ слово деревня водворяется лишь съ московскаго владычества, когда и вытѣсняетъ новгородское слово село. Слово деревня столь же новгородское, какъ и московское; а слово село вовсе не вытѣснено словомъ деревня.

въ каждой строкѣ. Село упоминается рѣдко, но почти всегда на первомъ мѣстѣ, а за нимъ идетъ перечисленіе деревень. Упоминаніе села среди деревень—встрѣчается рѣдко.—Въ I т. новгородскихъ писцовыхъ книгъ мы насчитали 54 села. При этомъ оказалось, что въ 52 селахъ имѣлись боярскіе дворы старыхъ владѣльцевъ, въ которыхъ теперь живутъ новые помѣщики; если же не жили старые, болѣе рѣдкій случай, то живутъ новые. Второй томъ мы просмотрѣли до 201 ст., и результатъ оказался тотъ же: на 201 столбцѣ—оказалось 11 селъ и въ каждомъ ихъ нихъ живетъ владѣлецъ или его ключникъ. Полагаемъ, что на основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что селомъ называлось поселеніе, въ которомъ жилъ самъ владѣлецъ или его представитель. Этимъ объясняется, почему для насъ понятіе села сливается съ представленіемъ о церкви. Теперь нѣтъ села безъ церкви, а въ старину не было села безъ владѣльца; но владѣльцы тамъ и строили церкви, гдѣ сами жили. Этимъ же объясняется и выраженіе тѣхъ же писцовыхъ книгъ: „деревни къ селу“. Деревни тянутъ къ селу въ смыслѣ управленія: онѣ управляются владѣльцемъ изъ села и въ село приносятъ владѣльцу доходъ. Въ этомъ же смыслѣ о монастырскихъ деревняхъ говорилось: „А къ монастырю деревни“¹⁾.

Но владѣльцы имѣли свои дворы и въ деревняхъ. Это, можетъ быть, были ихъ вторые дворы, а не дворы ихъ первоначальнаго поселенія. Число дворовъ въ селахъ достигало иногда значительныхъ размѣровъ. Есть села въ 20 и даже 30 дворовъ, но это рѣдкіе случаи²⁾.

Въ заключеніе мы должны остановиться на литературѣ нѣкоторыхъ затронутыхъ нами вопросовъ. Не намъ принадлежитъ первое слово о деревнѣ, дворѣ, сѣбрахъ, складникахъ. О нихъ уже давно писали и такіе почтенные ученые, какъ г-жа Ефименко, профессоръ Лучицкій, профессоръ Лаппо-Данилевскій³⁾. Мы не нашли возмож-

¹⁾ Писцовыя книги Рязанскаго края, подъ ред. В. Н. Сторожева, вып. II 421.

²⁾ Для примѣра, *Временникъ* Им. Моск. общ. ист. и древ. XI стр. 117, 118; Новог. писц. кн. III стр. 756 сл.

Указанное значеніе села можно наблюдать и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. Въ описи Полоцкаго повѣта 1570 г. читаемъ:

„За Иваномъ за Калитинымъ селцо Шерепинское..., а въ немъ дворъ помѣщиковъ, Ивановъ... Того же селца деревни“ и т. д. II 462.

³⁾ А. Ефименко, *Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ*, 1884,—въ *Изслѣдованіяхъ народной жизни* вып. I; И. Лучицкій, *Сябры и сябринное*

нымъ вполнѣ раздѣлить мнѣнія прежде насъ высказанныя. А научная истина — должна быть одна. Если она уже возвѣщена, надо было повторить ее; если мы этого не дѣлаемъ, мы, значить, считаемъ существующія мнѣнія въ какомъ либо отношеніи ошибочными и должны указать, въ чемъ заключается эта ошибка. Это тяжелый и неблагоприятный трудъ, но необходимый: безъ этого нѣтъ науки. Нельзя же нагромождать одно мнѣніе на другое, не объясняя, чѣмъ нехороши старыя. Мы не принимаемъ старыхъ, потому что усматриваемъ въ нихъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Читатель, наоборотъ, сравнивъ наше мнѣніе съ оспариваемыми, можетъ найти недоразумѣніе на нашей сторонѣ. Онъ нисколько не проиграетъ и въ этомъ случаѣ, а только выиграетъ. Изъ нижеслѣдующаго онъ ознакомится съ тремя мнѣніями названныхъ ученыхъ, изъ которыхъ и можетъ выбрать для себя любое. Мы изложимъ ихъ совершенно точно словами авторовъ.

Научное движеніе по затронутымъ вопросамъ открывается трудомъ госпожи А. Ефименко о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ.

Въ рукахъ автора оказался новый матеріалъ, благодаря которому онъ нашелъ возможнымъ „показать съ непреложной очевидностью, въ чемъ заключалась сущность поземельнаго древняго устройства: не будучи общиннымъ въ строгомъ смыслѣ слова, оно тѣмъ менѣе было подворно-участковымъ, представляя изъ себя своеобразную форму, изъ которой могла развиваться позднѣйшая община“ 211. Этотъ матеріалъ представляютъ тѣ веревныя книги, содержаніе которыхъ мы привели выше.

На основаніи выписокъ изъ веревныхъ книгъ, авторъ дѣлаетъ такое заключеніе. „Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что деревня была одно поземельное цѣлое. Пашня ея была разбита на смѣны, а смѣны на поля или коны, при чемъ каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны. Точно также каждый дворъ имѣлъ участокъ въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ, въ каждой закраинѣ. Даже разныя запольныя поля, росчисти, новины, обыкновенно, находились въ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ дворовъ деревни. Однимъ словомъ, этою стороною своей организаци

землевладѣніе въ Малороссіи, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* за 1889 г. № 1 и 2; А. Лаппо-Данилевскій, Критическія замѣтки по исторіи народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и его области за IX—XV вв. 1895.

деревня представляла ярко выраженный прототипъ современной общины съ общими смѣнами и обязательнымъ сѣвооборотомъ“¹⁾).

Этой деревенской организаціи авторъ даетъ наименованіе долевой и полагаетъ, что „она была общимъ типомъ старой русской поземельной организаціи, выросшей на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ—печищемъ. Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой“. 225 сл., 230.

Таково мнѣніе г-жи А. Ефименко о древнемъ деревенскомъ устройствѣ. Оно не подворное, а долевое. Изъ этого долевого развилось и общинное и подворное.

Что описываемая въ веревныхъ книгахъ деревенская организація представляетъ общій типъ древней русской организаціи, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но почему она не дворовая? Вотъ это надо было доказать автору, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Да едва ли это и можно доказать. Веревныя книги описываютъ деревни по дворамъ и указываютъ земли cadaго двора. Принадлежащія каждому двору участки очень дробны, но все же это дворовыя участки: они собственность владѣльцевъ отдѣльныхъ дворовъ. Эти участки возникли изъ дѣлежа первоначальнаго двора между наслѣдниками его обладателя. Это признаетъ и авторъ, хотя выражаетъ это немножко туманно, говоря о какихъ-то развалинахъ какой-то послѣдней стадіи родового быта. Дѣло гораздо проще. Отецъ умеръ, первоначальный дворъ-деревня раздѣлился между его сыновьями. Получились доли земли въ каждомъ участкѣ и возникли особые дворы. А такъ какъ каждый наслѣдникъ получилъ свой участокъ въ собственность, то онъ можетъ его отчуждать. Такимъ образомъ, владѣльцами долей могутъ быть и не родственники. Все это могло совершаться не только въ XV и въ XVI вѣкахъ, но и прежде и послѣ, и что-

¹⁾ Стр. 214. Спѣшимъ сдѣлать маленькую поправку. Веревныя книги не даютъ основанія говорить о поляхъ и коняхъ; этихъ словъ въ нихъ нѣтъ. Также точно автору не слѣдовало бы говорить „о совмѣстномъ владѣніи дворовъ“ и „обязательномъ сѣвооборотѣ“. Въ веревныхъ книгахъ показано не совмѣстное, а раздѣльное владѣніе cadaго двора. Но мы должны признать, что прибавка такихъ понятій, какъ конъ и совмѣстное владѣніе, облегчаетъ уподобленіе старой деревни—деревнѣ общинной.

бы это совершалось, вовсе не нужно, чтобы распались послѣднія стадіи родового быта. Авторъ самъ говоритъ: „пока деревня равна двору, чтобы ни представлялъ собою этотъ дворъ, все-таки не можетъ быть рѣчи ни о какой сложной поземельной организаціи. Такая возможность наступаетъ только съ момента раздробленія первоначальнаго двора, то-есть большой семьи, печища“ 219. И затѣмъ, въ видѣ примѣра, приводитъ раздѣльный актъ шести братьевъ: въ дѣлѣжѣ былъ одинъ дворъ-деревня, послѣ дѣлежа получилась деревня въ шесть дворовъ или въ шесть долей. Такъ какъ каждому брату были отведены отдѣльные участки, то и съ раздѣленіемъ не получилось никакой сложной организаціи, могущей служить прототипомъ общиннаго владѣнія; получился самый обыкновенный видъ общаго, а не общиннаго владѣнія. Каждый братъ владѣетъ своей долей на себя и можетъ ее продавать. Ихъ доли не имѣютъ ничего общаго съ долями участниковъ общиннаго владѣнія.

Авторъ находится въ очевидномъ недоразумѣніи. По веревнымъ книгамъ каждый владѣлецъ деревенской доли имѣетъ клочокъ въ каждой разновидности земли. Это похоже на извѣстное всѣмъ намъ распредѣленіе деревенскихъ земель между крестьянами-общинниками. Но сходство чисто внѣшнее, по существу же эти порядки совершенно различны. Доли веревныхъ книгъ не равны между собой, онѣ отчуждаются, наследуются и т. д., то-есть, состоятъ въ частной собственности своихъ владѣльцевъ, если они своеземцы; если же они сидятъ на государственныхъ земляхъ, то отношеніе ихъ къ этимъ землямъ нѣсколько иное, на что мы указали въ своемъ мѣстѣ, но все же и они распоряжаются. Это внѣшнее и поверхностное сходство авторъ принялъ за сходство по существу, а потому и усмотрѣлъ въ немъ прототипъ позднѣйшаго общиннаго владѣнія.

Усматривая въ долевымъ владѣніи прототипъ позднѣйшаго общиннаго, авторъ полагаетъ, что старинныя доли имѣютъ всѣ свойства долей сего послѣдняго, что онѣ равны (220) и передѣляются; право отчуждать эти доли, котораго онъ не можетъ не признать, существенно противорѣчитъ сближенію старыхъ долей съ долями общинниковъ, а потому онъ старается представить его въ нѣкоторомъ особомъ свѣтѣ.

Разберемъ каждое изъ этихъ положеній.

Доли участниковъ, говоритъ авторъ, равны. Онѣ могутъ быть равны только въ одномъ случаѣ: если отецъ умеръ безъ завѣщанія, тогда имѣніе его дѣлится поровну между сыновьями. Но если онъ оставилъ завѣщаніе, онъ могъ назначить дѣтямъ и не равныя участки.

Эти участки затѣмъ переходятъ къ дѣтямъ дѣтей. Если они сначала и были равны, при слѣдующемъ переходѣ они дѣлаются неравными, ибо трудно думать, чтобы у каждаго изъ сыновей было равное число наслѣдниковъ. Съ владѣніемъ крестьянъ-общинниковъ даже и въ томъ случаѣ, когда доли случайно равны, здѣсь ровно ничего нѣтъ общаго.

Общинныя земли передѣляются отъ времени до времени. Мы хорошо знаемъ, при какихъ условіяхъ это дѣлается. Авторъ утверждаетъ, что каждый участникъ въ веревной долѣ могъ требовать передѣла, если находилъ, что доставшаяся ему доля не соотвѣтствуетъ его правамъ. „Если, продолжаетъ онъ, въ родственную схему вложить посторонніе элементы, которые постоянно въ нее входили, то получается прототипъ нашего общиннаго передѣла“ 221.

„Посторонніе элементы, входящіе въ родственную схему“, это постороннія лица, дѣлающіяся чрезъ покупку долей, дареніе и пр. совладѣльцами деревни. Въ примѣръ такого поступленія „въ родственную схему посторонняго элемента“ авторъ и приводитъ тотъ „любопытный документъ“ начала XVII вѣка (1602), который мы уже разбирали на стр. 242.

Допустимъ, что наслѣдники, разъ подѣлившись, нашли раздѣлъ невыгоднымъ и требуютъ новаго. Кто читалъ комедію Тургенева „Завтракъ у предводителя“, тотъ хорошо знаетъ, какія трудности представляетъ раздѣлъ наслѣдниковъ, какъ легко они дѣлаются недовольными и какъ склонны они требовать вѣчныхъ передѣловъ. Тѣмъ скорѣе надо допустить, что постороннее лицо, приобрѣтая часть въ вопчѣй деревнѣ, будетъ еще менѣе сговорчиво, чѣмъ братья и другіе родственники; наконецъ, допустимъ, что на практикѣ возникаютъ безконечныя споры о передѣлахъ. Что же будетъ общаго въ этихъ передѣлахъ наслѣдниковъ, если они и будутъ допущены, съ передѣлами крестьянъ-общинниковъ? Ровно ничего, кромѣ слова передѣлъ. Это опять недоразумѣніе ¹⁾.

¹⁾ Раздѣлъ наслѣдниковъ—дѣло величайшей трудности; во всѣ времена онъ былъ источникомъ всякихъ недоразумѣній и вражды между родственниками. Это хорошо понималось и у насъ въ древности, а потому принимались мѣры къ тому, чтобы разъ произведенный раздѣлъ потомъ уже не передѣлывался. „Соучастники дѣлежа договаривались впередъ лишніи землями другъ друга не уравнивать, не передѣливаться и не переравниваться, новаго дѣлу другъ на другѣ не спрашивать ни имъ самимъ, ни дѣтямъ ихъ“. Беремъ это свидѣтельство у г-жи А. Ефименко. 221.

Вопросъ „о передѣлахъ для уравниенія владѣній“ чрезвычайно занимаетъ г-жу Ефименко, что очень понятно; это вопросъ для нея чрезвычайной важности. Она возвращается къ нему на 227 стр. Здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе читателя на выраженіе древнихъ памятниковъ: „уравниваться по купчимъ крѣпостямъ“, и для доказательства своей мысли о передѣлахъ приводитъ извлеченіе изъ дѣла конца XVII вѣка о такомъ уравниеніи. Двое крестьянъ деревни Настасьиной требовали отъ двухъ другихъ совладѣльцевъ той же деревни „равности ораемыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ“. Совладѣльцы ихъ отвѣчали: „по старымъ крѣпостямъ ровняться готовы“. Вслѣдствіе этого отправлены были на мѣсто старожилыцы съ письменными крѣпостями, купчими и дѣльными, и сравнили земли „въ правду по Евангельской заповѣди Господни“. Что это такое? Владѣльцы общей деревни владѣютъ своими участками по крѣпостямъ. Съ теченіемъ времени произошло нарушеніе границъ этого владѣнія. Двое совладѣльцевъ требуютъ ихъ уравниять. Не беремся рѣшать, что они понимаютъ подъ своей „равностью“. Мало ли чего могутъ домогаться истцы! Но судъ, согласно съ заявленіемъ отвѣтчиковъ, приказываетъ развести межи по купчимъ крѣпостямъ и раздѣльнымъ актамъ. Что здѣсь общаго съ уравниеніемъ участковъ общинныхъ владѣльцевъ и ихъ передѣлами? Ровно ничего.

Право дольщиковъ отчуждать свои доли не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Оно хорошо извѣстно г-жѣ Ефименко. Но это право не укладывается въ рамки позднѣйшаго общиннаго землевладѣнія. Какъ же быть? Это проявленіе права частной собственности г-жа Ефименко пытается ослабить такимъ соображеніемъ: „Но и при продажѣ выдѣленнаго деревенскаго участка все-таки продается не такая-то опредѣленная земля, находящаяся въ такихъ-то межахъ, а лишь идеальная доля или доли“ 224. Это утвержденіе ни на чемъ не основано и совершенно непонятно. Всякій продаетъ только то, что онъ имѣетъ; если онъ имѣетъ идеальную долю, онъ продаетъ идеальную долю; если произошелъ раздѣлъ, владѣлецъ продаетъ, что ему досталось по раздѣлу, и при купчей передаетъ покупщику и свою раздѣльную грамоту. Сама же г-жа Ефименко приводитъ извлеченіе изъ только что упомянутого нами дѣла конца XVII вѣка, въ которомъ старожилыцы ходятъ по межамъ не только съ купчими, но и съ „дѣльными“, то-есть съ раздѣльными актами, по которымъ спорщики владѣютъ своими участками. Да и что же это былъ бы за порядокъ, если бы съ каждымъ отчужденіемъ раздѣльные акты

уничтожались? При такомъ порядкѣ и жить было бы нельзя. Здѣсь опять довольно крупное недоразумѣніе.

Нарисовавъ картину древней деревни, прототипа позднѣйшей общинной деревни, съ равными долями, съ правомъ передѣла и т. д., г-жа Ефименко не могла обойти молчаніемъ складниковъ и сябровъ. Она говоритъ о тѣхъ и другихъ, но о складникахъ больше, чѣмъ о сябрахъ, которыхъ касается лишь мимоходомъ.

Мы уже знаемъ, что долевая организація старинной деревни развивается у г-жи А. Ефименко „на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ — печищемъ“. Въ этомъ утвержденіи г-жа Ефименко довольно близко подходитъ къ мнѣнію, давно уже высказанному о нашей современной общинѣ барономъ Гакстгаузеномъ.

Деревня, родоначальница общинной, представляется г-жѣ А. Ефименко „кровной, родовой клѣточкой“ 222. Вотъ въ этой-то кровной, родовой клѣточкѣ и возникаетъ складство, „всецѣло сохраняя старую кровную схему“. Оно трехъ видовъ. Первый видъ представляютъ явленія искусственной семьи, образчикъ которой даетъ „любопытный документъ начала XVII вѣка (1602)“, нами уже разобранный. Мы видѣли, что здѣсь договоръ объ общемъ хозяйствѣ, въ которомъ слово складничество даже и не упомянуто, былъ принятъ авторомъ за образование искусственной семьи. Тутъ нѣтъ искусственной семьи и никакой „кровной схемы“. Два человѣка живутъ въ одной деревнѣ и ведутъ общее хозяйство. Они, конечно, положены въ одну обжу, и въ этомъ смыслѣ складники.

„Складничество иного типа (второй видъ) представляютъ посторонніе элементы, вошедшіе не въ семью, а въ кровную родовую клѣточку деревни; оно было развито въ высшей степени“. Возникаетъ оно въ силу пріобрѣтенія покупкой и другими способами долей деревни посторонними людьми. „Въ этомъ случаѣ, говоритъ авторъ, союзъ родственниковъ замѣщался союзомъ складниковъ, сосѣдей, сябровъ, сохраняя подъ собою всецѣло старую кровную схему“ 221—225. Это совершенно вѣрно. Всякій, пріобрѣтавшій долю или жребій деревни и попадавшій, такимъ образомъ, въ ту же обжу или соху, становился складникомъ совладѣльцевъ; только кровная схема тутъ не при чемъ. Складничество обуславливалось здѣсь не родствомъ, котораго и не было, а положеніемъ въ одну обжу.

Сябрь въ приведенной цитатѣ поставленъ рядомъ со складникомъ, онъ отнесенъ къ союзу не родственниковъ, а постороннихъ лицъ. Это не-

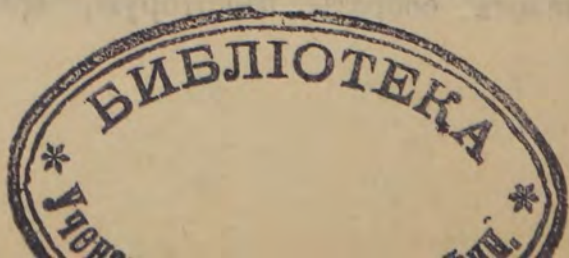
правильно и по отношенію къ сябрамъ и по отношенію къ складникамъ. Мы видѣли, что и сябрами и складниками могутъ быть и родственники и постороннія лица.

А вотъ третій видъ складничества. „Мы уже говорили выше, читаемъ у автора, что при раздѣленіи кровнаго союза родственники почти никогда не дѣлились нѣкоторыми видами угодій, а оставляли извѣстную часть ихъ въ нераздѣльномъ пользованіи“ 228. Владѣльцы этихъ нераздѣльныхъ угодій и суть складники. Это можно допустить, но и здѣсь складники не потому, что не раздѣлили угодій, а потому, что живутъ въ одной деревнѣ. Они были бы складники и въ томъ случаѣ, если бы раздѣлили угодья.

Въ доказательство своихъ взглядовъ на существованіе трехъ видовъ складничества, авторъ не привелъ ни одного документа, изъ котораго было бы видно, что складникомъ называется человѣкъ потому, во-первыхъ, что ведетъ съ другимъ общее хозяйство; во-вторыхъ, что купилъ часть чужой деревни; въ-третьихъ, что не раздѣлилъ общихъ луговъ. Полагаемъ, что и нельзя привести такого документа: во всѣхъ трехъ случаяхъ нѣтъ никакой складчины. Назвать который либо изъ этихъ случаевъ складчиной было бы противно смыслу слова. Складываются у нихъ только подати, а потому они всѣ одинаково и складники ¹⁾.

Въ только что приведенной цитатѣ есть выраженіе, которое нельзя пройти молчаніемъ; оно многое объясняетъ въ нашемъ спорѣ. „При раздѣленіи кровнаго союза, говоритъ авторъ, угодья не дѣлятся“. А когда же это дѣлится кровный союзъ, и каковы его части? Напримѣръ: союзъ родителей и дѣтей? Никогда! Не кровный союзъ дѣлится тамъ, гдѣ выше авторъ говоритъ о дѣлѣжѣ, а имущество (кровныхъ) родственниковъ. Мы указали нѣсколько недоразумѣній автора; теперь всѣ ихъ можно свести къ одной причинѣ, нѣкоторой неясности юридическихъ понятій, въ данномъ случаѣ очень понятной, и которую никто въ вину г-жѣ А. Ефименко не поставитъ. Несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія, она исполнила очень

¹⁾ „Нераздѣльное пользованіе угодьями, говоритъ г-жа А. Ефименко, называется на языкѣ сѣверныхъ актовъ складствомъ, соучастники его — складниками“... 229. Къ сожалѣнію, она не приводитъ и не указываетъ ни одного изъ этихъ любопытныхъ сѣверныхъ актовъ. Но что у складниковъ, какъ одnodеревенцевъ, могутъ быть общія угодья, это дѣло довольно обыкновенное, только тутъ нѣтъ никакой складчины.

почтенный трудъ, который пользуется совершенно заслуженной извѣстностью и имѣетъ не мало послѣдователей.

Хотя кровные союзы могутъ только уничтожаться, а не дѣлиться на части, но что же такого было въ нашей старой деревнѣ кровнаго, что постоянно заставляетъ г-жу А. Ефименко говорить о ея кровномъ характерѣ, хотя бы она была населена даже и не родственниками, а посторонними членами? Мнѣ кажется, предполагаемое происхожденіе долей и только. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ возникновенія долей деревни, этого первоначальнаго цѣлаго, которое потомъ дѣлится на половины, трети и т. д., является дѣлежъ деревни между дѣтьми ея устроителя. Вотъ и все кровное, что есть въ долевои организациі автора, то-есть, первоначально доли принадлежатъ родственникамъ; но эти родственники владѣютъ своими долями совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и постороннія лица, то-есть, общее владѣніе, возникающее изъ дѣлежа наслѣдства, нисколько не отличается отъ всякаго другого общаго владѣнія, какъ бы оно ни возникло. А съ другой стороны, раздѣлъ наслѣдства есть ли единственный способъ возникновенія первоначальныхъ долей? Конечно, нѣтъ. Деревня можетъ быть устроена не однимъ хозяиномъ, а двумя пріятелями, но не родственниками. При этомъ условіи съ самаго начала будутъ двѣ доли и не непременно равныхъ, такъ какъ участіе учредителей можетъ быть и не равное. Проф. Лучицкій приводитъ примѣръ устройства мельницы четырьмя сябрами, причемъ половина дохода шла одному, казаку Гарбузу, а трое остальныхъ, родные братья Яценки, получали каждый по $\frac{1}{3}$, а вмѣстѣ тоже половину. Итакъ, особенно настаивать на исключительно кровномъ характерѣ первоначальной деревни и ея долей едва ли есть достаточное основаніе. Она изстари могла возникать въ силу совокупной дѣятельности постороннихъ людей, не родственниковъ.

Переходимъ къ изслѣдованію проф. Лучицкаго.

Онъ ставитъ себѣ гораздо болѣе тѣсную задачу. Предметъ его изслѣдованія сябры и ихъ землевладѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи XVIII вѣка. Мы привели уже мнѣніе автора о томъ, что тогда разумѣли малороссы подъ словомъ сябрь, прим. на стр. 249. Но затѣмъ авторъ говоритъ, что слово сябрь имѣло и иной смыслъ и посвящаетъ свою статью разслѣдованію этого иного смысла. Съ точки зрѣнія этого иного смысла слово сябрь представляется далеко не такимъ простымъ: „лишь мало по малу и съ большимъ трудомъ автору удалось собрать нѣкоторую, сравнительно весьма незначительную

часть данныхъ, способныхъ пролить свѣтъ на организацію сябриннаго землевладѣнія, имѣющую большой интересъ и значеніе не для одной только исторіи Малороссіи, но еще быть можетъ гораздо большее для исторіи послѣдовательной смѣны формъ землевладѣнія вообще“ I 70. Итакъ, владѣніе сябровъ не есть просто весьма обыкновенный видъ общей собственности, а нѣкоторая особая форма землевладѣнія, занимающая свое опредѣленное мѣсто въ исторіи послѣдовательнаго развитія этихъ формъ.

„Сябринное землевладѣніе, говоритъ авторъ, основано на родственномъ кровномъ началѣ... Это начало кровной связи, лежащее въ основѣ сябриннаго землевладѣнія, выступаетъ во всѣхъ тѣхъ весьма многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчаемся... Всякій разъ, когда дѣло идетъ о сябринныхъ участкахъ, они носятъ въ актахъ совершенно ясное и опредѣленное названіе, прямо указывающее на родовой характеръ сябринства. Вездѣ встрѣчаемъ совершенно одинакія выраженія: отчина, вутчина, вутчицкія, сябринскія части. Это землевладѣніе обязано своимъ возникновеніемъ распаденію единой и цѣльной сложной семьи...“ I 85—87, II 49.

Вотъ въ чемъ заключается отличительный признакъ этой особой исторической формы землевладѣнія: сябры родственники. Теперь przypomнимъ, что авторъ говоритъ въ началѣ своего изслѣдованія. Онъ приводитъ тамъ иное значеніе слова сябрь, по которому сябрь—простой пайщикъ, участникъ въ общемъ владѣніи, а таковымъ можетъ быть и не родственникъ. Въ примѣръ авторъ привелъ извѣстныхъ уже намъ казака Гарбуза и братьевъ Яценковъ. Онъ полагаетъ, что этотъ примѣръ „особенно рельефно обрисовываетъ характеръ и смыслъ сябринства“ I 74. Итакъ, сябрами могутъ быть родственники и не родственники, и то и другое особенно характерно для сябринства. Сябринное землевладѣніе, слѣдовательно, не непременно основано на родственномъ, кровномъ началѣ. Для того, чтобы выяснитъ себѣ, что такое сябрь, надо взять черты, принадлежащія всѣмъ сябрамъ, а не сябрамъ только родственникамъ. Черты, всѣмъ принадлежащія, и будутъ характерны для сябра вообще. Можно быть сябромъ, не будучи родственникомъ; слѣдовательно, родственное, кровное начало не есть отличительный признакъ сябринства.

Затѣмъ авторъ приводитъ инныя черты, характеризующія сябринное землевладѣніе, какъ особую историческую форму. Такъ какъ такая форма, за слитіемъ сябровъ родственниковъ и неродственниковъ, исчезаетъ, то мы могли бы и не разсматривать характерныя черты

не существующей формы. Но мы на нихъ остановимся, потому что авторъ строить свое зданіе на новомъ архивномъ матеріалѣ, до сего времени не обнародованномъ и придаетъ ему особое значеніе.

Кровное сябринное землевладѣніе, какъ мы уже знаемъ, авторъ выводитъ изъ распаденія семьи, причемъ, конечно, происходилъ раздѣлъ имущества. „Но, говоритъ авторъ, въ то время, когда при раздѣлѣ обыкновеннаго имущества дѣло шло о раздѣлѣ безповоротномъ, о переходѣ паевъ въ полную собственность отдѣлившагося лица, при раздѣлѣ сябринномъ мы наталкиваемся на явленія совершенно иного характера. Сходный по формѣ, сябринный раздѣлъ рѣзко различался по существу отъ чисто родового раздѣла въ его позднѣйшей формѣ. И прежде всего раздѣлъ сябринный или подѣлъ не уничтожалъ общности имущества. Земля по прежнему оставалась и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи, считалась общею, носила именно это названіе“ II 38.

Вотъ новая особенность сябриннаго землевладѣнія: раздѣленные земли продолжаютъ оставаться въ общемъ владѣніи. Что же это за раздѣлъ? Сябринный раздѣлъ, утверждаетъ авторъ, рѣзко различается отъ родового раздѣла. Родовой раздѣлъ есть, конечно, раздѣлъ родового имущества. А какое имущество дѣлятъ сябры? Авторъ утверждаетъ, что сябры произошли изъ распаденія сложной семьи, стало быть они дѣлятъ имущество, доставшееся отъ предковъ, то-есть тоже родовое. Выходитъ, что родовое не есть родовое. Но авторъ прибавляетъ „родовой раздѣлъ въ позднѣйшей формѣ“. Это надо было бы пояснить. Безъ поясненія читатель долженъ оставаться въ совершенномъ недоумѣніи, что это за раздѣлы родового имущества въ древнѣйшей и позднѣйшей формѣ, и какимъ образомъ имѣнія сябровъ, полученные отъ родителей, не суть родовыя. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія ¹⁾?

Авторъ говоритъ совершенно опредѣленно, что сябринный раздѣлъ есть раздѣлъ, который ничего не дѣлитъ, а все остается по прежнему въ общемъ владѣніи. Это трудно понять, но авторъ утвер-

¹⁾ На стр. 37 т. II авторъ приводитъ случай „раздѣла родового имущества“. Это настоящій раздѣлъ, при которомъ „знаки крестовые на землѣ положены“. Раздѣлъ произвели два брата и три сестры, которые до того времени, по словамъ автора, жили совмѣстно и совокупно. Они, конечно, сябры. Они дѣлятъ „родовое имущество“, а потому у нихъ настоящій раздѣлъ съ особыми мѣжами. У сябровъ же, утверждаетъ авторъ, нѣтъ настоящаго раздѣла. Мы находимся въ какомъ то заколдованномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

ждаеть: „Безконечный рядъ актовъ, относящихся къ сябрамъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія... Вотъ что читаемъ, продолжаетъ онъ свои доказательства, въ одной купчей с. Неданчичъ, купчей, относящейся уже къ концу XVIII вѣка, къ 1782 году: „Продаемъ земли наслѣдніе, намъ спадшіе, которое наши части поименовать и смежности написать за неимѣніемъ съ сябрами правой раздѣлки невозможно“. „И это повторяется постоянно, продолжаетъ авторъ, въ описяхъ говорится, что всѣ сябры имѣютъ участіе въ нераздѣльныхъ сябринныхъ угодьяхъ“ 385.

Теперь все ясно. Тутъ чистое недоразумѣніе. Продавецъ 1782 г. не можетъ обозначить границъ, потому что „правнаго раздѣла еще не было произведено“, онъ продаетъ свою идеальную часть, а не раздѣленную. Авторъ не различаетъ идеальной части отъ части, отведенной въ натурѣ, а люди XVII вѣка это различали. Онъ говоритъ о раздѣлѣ, гдѣ раздѣла еще не было, а продолжалось общее владѣніе идеальными частями. Эти идеальные части могли, однако, продаваться, какъ и у насъ. Итакъ, архивные матеріалы не дали автору ничего новаго, они подтверждаютъ только то, что мы и раньше могли знать.

Еще особенность. Рѣшивъ, что раздѣлъ не есть раздѣлъ, авторъ говоритъ о ежегодныхъ передѣлахъ въ сябринныхъ нераздѣльныхъ земляхъ II 42 — 44. Это можно допустить, но это не представляетъ ни малѣйшей особенности, которая давала бы поводъ говорить о какой либо вновь открытой стадіи историческаго развитія въ области землевладѣнія. Въ чемъ тутъ дѣло? Наслѣдники не раздѣлили доставшейся имъ земли, пользуются ею сообща; какъ же имъ ею пользоваться? Это можно сдѣлать на множество разныхъ способовъ. Они могутъ сообща обрабатывать землю и дѣлить продуктъ, а могутъ временно взять участки въ разныхъ мѣстахъ и обрабатывать ихъ за свой счетъ; а такъ какъ качество участковъ можетъ быть неодинаково, то они могутъ мѣняться ими отъ времени до времени. По нашимъ памятникамъ общими лугами владѣльцы пользовались погодно. Такой же случай, въ доказательство своей мысли, приводитъ и почтенный авторъ. Одинъ изъ сябровъ закладываетъ свой пай сѣнокоса: „кои сѣнокосы каждый годъ ходя между сябрами порознь“. Совершенно, что у насъ. На этомъ основаніи авторъ и дѣлаетъ свое заключеніе о ежегодныхъ передѣлахъ „по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сябринныхъ ассоціаціяхъ“. Это, конечно, заключеніе ошибочное: луга могутъ переходить изъ рукъ въ руки ежегодно, а не пашенныя

земли при трехпольномъ хозяйствѣ. Итакъ, способы общаго пользования землями могутъ быть различны, но они имѣютъ мѣсто, пока земли не раздѣлены. Авторъ же совсѣмъ не допускаетъ раздѣла. Это недоразумѣніе. Его матеріалы говорятъ о несостоявшемся еще раздѣлѣ. Одно такое свидѣтельство мы уже привели, а вотъ другое, тамъ же. Кто то продаетъ доставшуюся ему четвертую часть въ полѣ пахатномъ, сѣнокосахъ, озерахъ, дубравахъ и т. д., „чего всего по яснымъ смежникамъ за нераздѣломъ показать не возможно“. Раздѣлъ не произведенъ, а потому и невозможно продавцу межъ показать. Но отсюда слѣдуетъ, что раздѣлъ общихъ земель возможенъ и въ Малороссіи. Въ случаѣ „правнаго“ раздѣла, конечно, никакого уже передѣла не бываетъ, потому что въ немъ нѣтъ болѣе надобности. Словомъ, вездѣ, какъ у насъ въ Новгородѣ, и нигдѣ нѣтъ невозможной формы землевладѣнія съ раздѣломъ, который ничего не дѣлитъ.

Авторъ и еще возбуждаетъ нѣкоторые вопросы для выясненія этой совершенно новой формы сябринаго землевладѣнія. Напримѣръ: „спрашивается теперь, говоритъ онъ, каковъ же былъ размѣръ той идеальной доли пользования, которая принадлежала каждому изъ членовъ сябровства?“ (II 45) и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, а мы будемъ утверждать, что такого вопроса и поставить-то нельзя. Сябры родственники получаютъ свои земли отъ распадѣнія сложной семьи. Допустимъ, какъ желаетъ авторъ, что они остаются при идеальныхъ доляхъ и производятъ только такой раздѣлъ, который ничего не дѣлитъ. Величина ихъ доли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ разная, ибо она опредѣляется слѣдующими двумя всегда разными условіями: количествомъ доставшагося имущества и числомъ наслѣдниковъ. Если осталось два наслѣдника, то у каждаго будетъ по $\frac{1}{2}$ наслѣдства, три — по $\frac{1}{3}$, четыре — по $\frac{1}{4}$ и т. д. Если одинъ изъ этихъ наслѣдниковъ умретъ, то у его наслѣдниковъ будутъ дроби отъ этихъ дробей. Во второмъ поколѣніи получится великое разнообразіе размѣра частей и совершенно случайное, которое никакъ нельзя опредѣлить впередъ по какимъ-либо общимъ основаніямъ.

Взглядъ проф. Лучицкаго на сябровъ не совершенно совпадаетъ со взглядомъ г-жи А. Ефименко. Оба согласны, что это совладѣльцы; но затѣмъ они далеко расходятся. У г-жи А. Ефименко сябры не родственники, а постороннія лица, пріобрѣтающія доли въ деревнѣ, „этой кровной ячейкѣ“. У проф. Лучицкаго это кровные родственники. Нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на это

коренное разнорѣчіе съ авторомъ, заслугамъ котораго отдаетъ должное признаніе (42).

И третій ученый, на которомъ намъ надо остановиться, видитъ въ сябрахъ совладѣльцевъ.

Г. Лаппо-Данилевскій не занимается спеціально изслѣдованіемъ о сябрахъ. Его перу принадлежатъ „Критическія замѣтки“ по поводу сочиненія покойнаго проф. Варшавскаго университета, А. И. Никитскаго: „Исторія экономическаго быта Великаго-Новгорода“. Въ этихъ замѣткахъ критику пришлось коснуться сябровъ и складниковъ. Онъ говоритъ о нихъ съ величайшею осторожностью. О спорныхъ вопросахъ онъ почти ничего не утверждаетъ, онъ касается ихъ, въ большинствѣ случаевъ, предположительно, а иногда ограничивается даже просто вопросомъ. Эта крайняя осторожность и нерѣшительность свидѣтельствуешь о томъ, на сколько дѣло неясно и, пожалуй, даже запутано.

Всѣ согласны, что сябры совладѣльцы. Но этимъ простымъ отвѣтомъ наши историки не довольствуются. Они ищутъ глубокихъ историческихъ корней этого явленія и думаютъ, что эти совладѣльцы владѣютъ не такъ, какъ совладѣльцы вообще, а съ какими-то особенностями. Не свободенъ отъ этого увлеченія и третій авторъ, къ разбору мнѣній котораго мы теперь и приступаемъ.

Въ складникахъ проф. Лаппо-Данилевскій усматриваетъ разнovidность сябровъ: „это ассоціаціи, говоритъ онъ, которыя имѣютъ между собой много общаго“ 27. Остановливаясь на вопросѣ объ условіяхъ возникновенія этихъ ассоціацій, онъ полагаетъ, что эти условія съ теченіемъ времени мѣнялись. „Съ извѣстною долею вѣроятія, говоритъ авторъ, можно предположить, что въ основѣ сябринства и складства лежали первоначально родственныя отношенія“. ...„Съ теченіемъ времени подобнаго рода товарищества стали слагаться и на другой почвѣ“ 24. На стр. 28, на которую авторъ здѣсь ссылается, читаемъ: „союзы сябровъ и складниковъ легко приравнять къ поземельной артели“. Таково другое основаніе, развивающееся съ теченіемъ времени.

Что касается перваго основанія „родственныхъ отношеній“, то для выясненія его историческихъ корней авторъ обращается къ римскимъ юридическимъ древностямъ. Указавъ на фактъ совокупной продажи общаго имущества братьями и другими родственниками, авторъ продолжаетъ такъ: „Но перечисленіе (въ купчихъ) такихъ лицъ (братьевъ и другихъ родственниковъ), которыя могли быть его (про-

давца) совладѣльцами въ моментъ совершенія договора, невольно вызываетъ вопросъ: не были ли они не только дѣеспособными, но и правоспособными контрагентами заключаемой сдѣлки? Не были ли они *sui heredes* въ древнѣйшемъ смыслѣ этого термина, не почитались ли „*etiam vivo patre quodammodo domini*“? 18. Вотъ въ какую глубь вѣковъ заводятъ автора наши купчія, совершаемыя отъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ, то-есть сябровъ. Но надо отдать ему справедливость; онъ здѣсь еще осторожнѣе, онъ и предположительно не рѣшаетъ вопроса, а говоритъ только, что вопросъ возникаетъ невольно.

Сколько мы знаемъ, почтенному автору до сихъ поръ еще никто не отвѣтилъ на этотъ невольный вопросъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать первую въ этомъ родѣ попытку. Но прежде необходимо исправить опечатку, вкравшуюся въ первый вопросъ. Дѣеспособность обусловливается правоспособностью, а не наоборотъ; правоспособнымъ человѣкъ дѣлается отъ рожденія (если онъ не рабъ и пр.), дѣеспособнымъ онъ становится съ теченіемъ времени, когда наступаютъ тѣ условія, послѣдствіемъ которыхъ является дѣеспособность. А потому, если уже авторъ непремѣнно хотѣлъ предложить свой невольный вопросъ, надо было сказать: не только правоспособными, но и дѣеспособными, а не такъ, какъ напечатано.

На этотъ первый вопросъ отвѣчаемъ такъ: изъ того, что человѣкъ совершаетъ какой либо актъ, нельзя еще дѣлать заключенія ни о его правоспособности, ни о его дѣеспособности. Актъ продажи и пр. можетъ быть совершенъ и лицомъ, неимѣющимъ ни того, ни другого. Въ данномъ же случаѣ вопросъ о правоспособности и дѣеспособности совершенно неразрѣшимъ. Мы имѣемъ много актовъ, гдѣ поименованы участники, но ни въ одномъ случаѣ мы не знаемъ, достигли они совершеннолѣтія или нѣтъ, были они въ здоровомъ умѣ или нѣтъ и т. д. Скажемъ болѣе, мы даже хорошо не знаемъ, чѣмъ обусловливалась въ то время дѣеспособность лицъ. Поставленный авторомъ вопросъ неразрѣшимъ. Даже мы затрудняемся понять, почему онъ нашелъ нужнымъ спросить, были ли право- и дѣеспособны никому неизвѣстныя лица, именъ которыхъ онъ и самъ не приводитъ. Не все ли это равно?

На второй вопросъ надо тоже отвѣчать отрицательно. Институтъ „своихъ наслѣдниковъ“ чисто римскій; у насъ ничего подобнаго не было. Если мы даже и допустимъ, что и у насъ были „необходимые“ наслѣдники въ римскомъ смыслѣ, то все же ничего не получится для уясненія возбужденнаго авторомъ вопроса. Римскіе *sui heredes* по

смерти наслѣдодателя могли раздѣлиться, какъ и наши. Ихъ общее владѣніе также легко прекращалось, какъ и нашихъ сонаслѣдниковъ.

На третій вопросъ, по отношенію къ древнему русскому праву, отвѣчаютъ различно. Есть изслѣдователи, которые думаютъ, что у насъ въ древности собственность принадлежала не отцу семейства, а семьѣ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и имѣли не разъ случай въ этомъ смыслѣ высказаться. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какая же тутъ связь съ сябрами? Мы не имѣемъ ни одного документа, гдѣ бы сыновья были названы сябрами отца. Сябрами называются, между прочимъ, и родственники, но родственники, оказавшіеся на лицо за распадомъ семьи, то-есть, по смерти отца (или отцовъ, родныхъ братьевъ, жившихъ не въ раздѣлѣ), а не при его жизни. Но автора занимаетъ не этотъ спорный вопросъ исторіи русскаго права, а изреченіе римскаго юриста. Римскіе юристы говорятъ, что дѣти, при жизни родителей, считались *quodammodo domini*, но тѣ же юристы хорошо знаютъ, что вполнѣ хозяевами дѣти становились только по смерти отца. А пока отецъ былъ живъ, то, по древнѣйшему праву, онъ имѣлъ неограниченную власть не только надъ имуществомъ, но и надъ дѣтьми, и имѣлъ право лишить ихъ наслѣдства. Нѣтъ возможности найти какую-либо связь между приводимой авторомъ цитатой и нашими совладѣльцами, которые совмѣстно продаютъ свою общую собственность ¹⁾.

¹⁾ Въ сноскѣ къ разбираемому мѣсту авторъ говоритъ: „Вопросъ этотъ (?), кажется, до сихъ поръ окончательно не выясненъ въ древне-германскомъ правѣ, хотя и рѣшается утвердительно въ англо-саксонскомъ; смотри O. W. Holmes, The Common law, pp: 342, 344, 346“. Намъ чрезвычайно заинтересовало это указаніе на разработку поставленнаго для русскихъ ученыхъ вопроса въ западной литературѣ, и мы послѣдовали совѣту автора и посмотрѣли въ Гомса. Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ у автора опять оказалась прискорбнѣйшая опечатка. На указанныхъ страницахъ Гомса мы нашли обѣ латинскія цитаты нашего автора и указаніе на споры нѣмецкихъ ученыхъ, только спорятъ они не о томъ, и цитаты и споры приводятся Гомсомъ совсѣмъ по другому поводу. Въ главѣ, изъ которой взяты приведенныя въ ссылкѣ нашего ученаго страницы, Гомсъ занимается вопросомъ о томъ, какъ объяснить переходъ долговыхъ обязательствъ отъ лицъ, ихъ заключившихъ, къ третьимъ, и полагаетъ, что этотъ переходъ въ римскомъ правѣ совершился чрезъ посредство универсальнаго наслѣдованія. Вотъ по какому поводу онъ приводитъ на стр. 342 тѣ цитаты римскаго права, которыя находимъ и у нашего автора. Затѣмъ, на стр. 346, Гомсъ говоритъ: „Англійскій наслѣдникъ (въ недвижимостяхъ) не есть универсальный сукцессоръ. Каждый клочокъ земли достается ему, какъ отдѣльная и специфическая вещь. Тѣмъ не менѣе, въ этой стѣсненной сферѣ онъ несомнѣнно представляетъ лицо своего предка. Разныя

Такимъ образомъ, предположеніе автора о первоначальной родственной основѣ сябрства и складства не получаетъ подъ его перомъ никакихъ новыхъ устоевъ. Его невольные вопросы суть невольныя недоразумѣнія, въ которыхъ ни Гомсъ, ни нѣмецкіе ученые, ни римское право нисколько не виноваты.

Родственные отношенія—это первоначальная основа. Съ теченіемъ времени, утверждаетъ авторъ, такія же товарищества начинаютъ слагаться на артельныхъ началахъ, то-есть, на началахъ договора. Что общее владѣніе сябровъ возникаетъ двояко: путемъ наслѣдованія и договора, это совершенно вѣрно; но что второй способъ появился лишь съ теченіемъ времени, это догадка, въ пользу которой нельзя привести никакихъ положительныхъ данныхъ. Можно думать, что захваты земель и ихъ воздѣлываніе двумя и болѣе пріятелями столь же древни, какъ и установленіе какого-либо опредѣленнаго порядка наслѣдованія, если еще не древнѣе.

Предполагаемая авторомъ послѣдовательность явленій сильно колеблется и имъ самимъ. На стр. 27 читаемъ: „Ассоціаціи сябровъ и складниковъ, можетъ быть, различались другъ отъ друга скорѣе способомъ приобрѣтенія земельного имущества, чѣмъ пользованія имъ. Сябры владѣли сообща унаслѣдованною землею. Въ основѣ складства лежитъ, напротивъ, повидимому, обоюдостороннее соглашеніе, направленное на приобрѣтеніе имущества общими средствами“...

Когда же это они такъ различались? Надо полагать, что здѣсь указано постоянное различіе сябрства и складства, а если такъ, то и въ древнѣйшее время общее владѣніе возникало не только изъ наслѣдства, но и изъ договора, что и будетъ вѣрно, но только не согласно съ указанной авторомъ послѣдовательностью явленій: утверждаемое авторомъ на 24 стр. трудно согласить съ тѣмъ, что онъ говоритъ на 27.

Мнѣніе автора о различіи сябрства и складничества грѣшитъ и въ другомъ отношеніи. Оно не согласно съ нашими памятниками. Онъ утверждаетъ, что сябры владѣютъ наслѣдованными отъ предковъ землями; а наши источники называютъ сябрами и не родственниковъ, которые могли наслѣдовать земли предковъ, а совершенно

мнѣнія были высказаны о томъ, замѣчается ли то же самое въ древне-германскомъ правѣ, или нѣтъ. Докторъ Лабандъ говоритъ—да, Зомъ высказываетъ противоположное мнѣніе“ и т. д. Нѣмецкіе ученые спорятъ, да совсѣмъ о другомъ. Такъ наше любопытство и не было удовлетворено!

постороннихъ людей, волостныхъ крестьянъ и монастыри; они сябры, но, конечно, не наслѣдовали свои земли отъ общихъ предковъ.

На стр. 24, тамъ же, гдѣ авторъ утверждаетъ, что въ основѣ складства первоначально лежали родственныя начала, читаемъ: „Извѣстны также весьма любопытные случаи перехода семейнаго союза въ складство“. Чрезвычайно оригинальная мысль: семейный союзъ переходитъ въ товарищество. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, что это за переходъ, какъ онъ происходитъ. Повидимому, онъ считаетъ это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а потому ограничивается указаніемъ своихъ источниковъ и только. Онъ дѣлаетъ ссылку: на г-жу Ефименко, у которой, будто бы, на стр. 222-й приведенъ любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство, на изслѣдованіе проф. Лучицкаго о сябрахъ, и на Рус. Ист. Библ., т. XIV, стр. 339 и 602.

У г-жи Ефименко на 222 стр. изложенъ тотъ „любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.)“, о которомъ мы уже не разъ говорили. Это договоръ о веденіи общаго хозяйства ¹⁾. У проф. Лучицкаго самое слово складство, кажется, ни разу не употребляется; онъ говоритъ только о сябрахъ, и ничего не знаетъ о переходѣ семьи въ складство. Въ Ист. Биб. на стр. 339 напечатана явка Васки Ярополова „на брата своего и на складника, Ѳедора Незговорова, въ томъ, что онъ вытравилъ за рѣкой его овесъ и причинилъ ему великіе убытки“. На стр. 602 напечатана другая явка Тимофѣйки Григорьева на складника своего на Коробицу да на его родныхъ племянниковъ въ томъ, что они сына его, Мишку, „почали бить полѣномъ по хребту и по ногамъ, и бивъ его, едва жива оставили, да животъ пограбили на полъ третья рубля денегъ, да съ головы шапку въ полъ-сема алтына“ и т. д. Тутъ тоже незамѣтно никакого перехода семейнаго союза въ товарищество. Можетъ быть, все это опе-

¹⁾ Авторъ „Критическихъ замѣчаній“ проявляетъ нѣсколько излишнюю беззаботность по отношенію къ мнѣніямъ своихъ предшественниковъ. Онъ утверждаетъ, что г-жа Ефименко на 222 стр. приводитъ „любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство“. А г-жа Ефименко, приводя этотъ любопытный случай, говоритъ совсѣмъ другое: это не переходъ семьи въ складство, а образованіе новой искусственной семьи. Эти два мнѣнія взаимно исключаютъ одно другое. Но авторъ не нашелъ нужнымъ высказаться по этому поводу. Если на основаніи одного и того же памятника можно говорить и да и нѣтъ, то что же такое будетъ наука? Не можетъ же авторъ думать, что его мнѣніе и мнѣніе г-жи Ефименко согласны.

чатки? Но допускаемый авторомъ въ текстѣ переходъ семейнаго союза въ товарищество, конечно, не опечатка. И вотъ по поводу этого утверждениа мы считаемъ нелишнимъ сказать, что это нѣчто совершенно новое и до сего времени въ наукѣ не слыханное. До сихъ поръ въ наукѣ шла рѣчь о юридической конструкціи семейнаго союза, о его возникновеніи и прекращеніи и только; о переходѣ семейнаго союза въ какія-либо товарищества, въ акціонерныя общества и т. д., никто никогда еще не говорилъ, и можно думать, что это нѣчто невозможное, а потому автору слѣдовало бы свою мысль обставить съ большимъ снисхожденіемъ къ весьма понятному недоумѣнію читателя.

Краткость есть великое достоинство ученаго, но у г. Лаппо-Данилевскаго она переходитъ въ прискорбную недосказанность, поражающую одни недоумѣнія. На стр. 25-й онъ даетъ такую характеристику сябровскаго землевладѣнія. „Сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной межѣ. На эту землю сябры имѣютъ, повидимому, одну «купную (общую) грамоту»; каждый сябрь пользуется, однако, своимъ участкомъ земли, но распоряжаться имъ, помимо всего товарищества, не можетъ. Поэтому на судѣ «всѣ сябры становятся въ одномъ мѣстѣ», хотя крестъ цѣловать долженъ одинъ «во всѣхъ сябровъ», то-есть, за все товарищество“.

Для автора это, надо думать, все ясно и не требуетъ доказательствъ, но для читателя тутъ, что ни утверждение, то большой вопросъ. Сябры, какъ уже знаетъ читатель, владѣютъ, по мнѣнію автора, унаслѣдованною землею; въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого „товарищества“, они случайные совладѣльцы; почему же автору всѣ сябры представляются товариществомъ? „Продавать, говоритъ авторъ, нельзя безъ согласія всѣхъ.“; а что намъ дѣлать съ тѣми купчими сябровъ, которыя совершаются безъ малѣйшаго указанія на согласіе всего товарищества? Но авторъ допускаетъ, что „продать можно съ согласія товарищества“. Прекрасно; сябрь продалъ свой участокъ и выдалъ покупщику купчую; у покупщика будетъ особая купчая, а авторъ утверждаетъ, у всѣхъ—одна? Если сябры случайные совладѣльцы, что допускаетъ и авторъ въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, то какъ можетъ такой случайный совладѣлецъ на судѣ цѣловать за всѣхъ? Онъ можетъ ихъ всѣхъ выдать противной стороной, такъ какъ интересы случайныхъ совладѣльцевъ далеко не всегда совпадаютъ? А авторъ это утверждаетъ, ссылаясь на Псковскую судную грамоту, выраженіе которой приводитъ въ кавычкахъ: „всѣ сябры становятся въ одномъ мѣстѣ“. Надо думать, что онъ понимаетъ, что это

значить „стать въ одномъ мѣстѣ“, а для читателя это можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Всѣ выиграли бы, и наука, и читатели, если бы авторъ не былъ такъ скупъ на объясненія.

Ученымъ дано понимать и недосказанное, они могутъ довольствоваться и намеками, но въ видахъ популяризаціи научныхъ истинъ желательно, чтобы они не очень углубляли кладезь своей учености: не слѣдуетъ дѣлать его недоступнымъ для средняго читателя.

В. Сергѣевичъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О НАДПИСИ МЕШИ.

I.

Найденный солдатами Наполеоновской экспедиціи въ Египтѣ, въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, знаменитый Розеттскій камень съ тремя тожественными по содержанію надписями—іероглифической, дѣмотической и греческой—положилъ начало *египтологіи*, а гениальное открытіе Гротефендомъ въ 1802 г. ключа къ чтенію клинообразныхъ надписей, при помощи разобранныхъ имъ именъ Дарія, Ксеркса и Гистаспа въ Бегистанской надписи, послужило исходнымъ моментомъ для развитія *ассириологіи*—и съ тѣхъ поръ эти двѣ дисциплины, благодаря находкамъ всякаго рода памятниковъ, достигли блестящихъ успѣховъ. Гораздо менѣе плодотворною, въ отношеніи достигнутыхъ результатовъ, оказалась наука о *финикійской древности*, для которой не существуетъ еще даже никакого спеціальнаго названія, не смотря на то, что ранѣе возникновенія египтологіи и ассириологіи, какъ самостоятельныхъ дисциплинъ, именно, еще около середины прошлаго вѣка, двое знаменитыхъ ученыхъ своего времени—французскій аббатъ Бартелеми (Barthélemy) и англичанинъ Свинтонъ (Swinton), идя совершенно самостоятельнымъ путемъ, открыли ключъ къ чтенію финикійскихъ надписей, при помощи разобранный ими двуязычной греко-финикійской надписи, найденной на о. Мальтѣ еще въ XVII столѣтіи и изданной въ 1735 г. магистромъ Мальтійскаго ордена. Безъ сомнѣнія, причину значительной отсталости науки о финикійской древности, сравнительно съ ея младшими по возрасту сестрами—египтологіей и ассириологіей, поставленными въ болѣе благоприятныя условія для своего развитія, слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельстве, что до сего времени почва Финикіи и ея

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями ¹⁾).

Новгородскія писцовыя книги конца XV вѣка представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріаль для изученія боярскаго и крестьянскаго хозяйства. Въ нихъ подробно описано и то и другое, указано, сколько въ каждой деревнѣ высѣвалось хлѣба, сколько косилось сѣна, что крестьяне платили владѣльцу за предоставленную въ ихъ пользованіе землю—деньгами, хлѣбомъ, мясомъ и пр. Встрѣчаются указанія и на количество прислуги свободной и несвободной. Въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени такія свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Уже въ новгородскихъ книгахъ 1539 года помѣщичій доходъ показанъ только въ итогахъ для цѣлыхъ имѣній, а не по отдѣльнымъ деревнямъ. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка помѣщичій доходъ вовсе не показывается, и даже пашня господская не отдѣляется отъ крестьянской. Есть описи, въ которыхъ не только дворы и ихъ населеніе не указано, но и деревни приведены только общимъ числомъ ²⁾).

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за октябрь 1900 г.

²⁾ И старыя новгородскія книги не вездѣ одинаково написаны. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ доходъ не указанъ, напримѣръ, въ I т. на ст. 93, 147, 150, 208, 451 доходъ не указанъ въ монастырскихъ деревняхъ, на ст. 612, 652, 684, 756, 781—у владыки, 152—у своеземцевъ. Причины такого различія намъ неясны; это, можетъ быть, описки. Въ примѣръ чрезвычайной краткости московскихъ описей можно указать на списокъ платежной книги Медынскаго уѣзда, I 832. Но московскія описи писались съ разными цѣлями, а потому очень различны по своему содержанію. Въ описяхъ дворцовыхъ и монастырскихъ деревень встрѣ-

Новгородскіе порядки не были хорошо извѣстны въ Москвѣ. Для переселенія въ Новгородъ московскихъ служилыхъ людей оказалось нужнымъ выяснитъ доходность новгородскихъ деревень. Этимъ и объясняется, можетъ быть, указанная особенность старой новгородской описи.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что новгородскія писцовыя книги описываютъ старое новгородское хозяйство, хотя въ моментъ описи въ новгородскихъ деревняхъ жили новые хозяева, москвичи. Что мы имѣемъ дѣло съ новгородскимъ хозяйствомъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Рядомъ съ деревнями новыхъ помѣщиковъ описываются деревни старыхъ своеземцевъ. Эти описи ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются, потому, конечно, что новые помѣщики хозяйничаютъ по старому, какъ хозяйничали своеземцы. Старый доходъ, который постоянно указывается въ описяхъ, есть доходъ сведенныхъ въ Москву своеземцевъ; новый—доходъ новыхъ владѣльцевъ, но онъ тотъ же, что и старый, и отличается отъ него лишь нѣкоторыми прибавками и то не всегда. Во множествѣ случаевъ новые владѣльцы живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили старые, пашутъ ту же землю и получаютъ тотъ же доходъ. Нѣкоторыя новости хозяйства московскихъ людей всегда легко различить; онѣ будутъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчены.

Остановимся прежде всего на размѣрѣ владѣній новгородскихъ своеземцевъ. Минимумъ ихъ опредѣляется легко: это одна деревня въ одинъ дворъ и въ двѣ коробки посѣва ржи, что составитъ, при вѣсѣ коробки въ 7 пудовъ ¹⁾, отъ одной до двухъ десятинъ въ полѣ ²⁾.

чаемъ даже указаніе на доходъ, но очень краткое, въ итогахъ только. Писцовыя книги Рязанскаго края, изданныя подъ редакціей В. Н. Сторожева, также очень кратки, доходы не указываются, помѣщичья земля не отдѣлена отъ крестьянской; есть описи, въ которыхъ дворы и люди не указаны.

¹⁾ Въ опредѣленіи вѣса новгородской коробки мы слѣдуемъ покойному проф. Никитскому: „Къ вопросу о мѣрахъ древней Руси“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 апрѣль. Къ другимъ заключеніямъ пришелъ по этому вопросу проф. Ключевскій, „Русскій рубль“, Чтенія 1889 I. Онъ различаетъ новгородскую и московскую четверть. Новгородская четверть XVII вѣка, по его мнѣнію, вѣсила 12 московскихъ пудовъ (14 нынѣшнихъ); старая же новгородская четверть была на половину меньше, она вѣсила, слѣдовательно, 6 пудовъ, а коробка—12. Никитскій подвергаетъ заключенія московскаго профессора тщательному разбору. Мы находимъ его возраженія достаточно убѣдительными. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ свидѣтельства памятниковъ о древнихъ мѣрахъ были совершенно разъяснены.

²⁾ Полагаемъ, что въ періодъ составленія новгородскихъ писцовыхъ книгъ

Максимальный же размѣръ владѣній не представляется никакой возможности опредѣлить. Богатые люди владѣли землями не только въ разныхъ погостахъ, но и въ разныхъ пятинахъ, а мы не имѣемъ описи и половины всѣхъ погостовъ и пятинъ. Ограничимся указаніемъ размѣровъ владѣній 2—3 богатыхъ владѣльцевъ, случайно попавшихъ намъ на глаза ¹⁾).

Квашнинъ Алексѣй владѣлъ сельцомъ и 43 деревнями въ одномъ погостѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; это была волость его имени. Ржи, господской и крестьянской, высѣвалось на его земляхъ 178 коробей, что составить на нашу мѣру отъ 103 до 155 десятинъ въ одномъ полѣ.

Купецъ Шалимовъ Степанъ владѣлъ въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Валдайскомъ и Крестецкомъ, селомъ и 48 деревнями съ посѣвомъ до 280 коробей, что составить отъ 163 до 245 десятинъ въ полѣ.

Овиновъ Захаръ владѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ, 49 деревнями съ посѣвомъ 288 коробей, что составитъ немного больше.

Есиповъ Василій въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Валдайскомъ, владѣлъ двумя селами и 59 деревнями съ такимъ же посѣвомъ 289 коробей.

Ив. Вас. Захарычъ-Ляцкъ въ трехъ погостахъ, въ Крестецкомъ уѣздѣ, владѣлъ двумя сельцами и 97 деревнями съ посѣвомъ 452 коробей, что составить около 300 десятинъ въ полѣ.

въ Новгородѣ примѣнялась уже трехпольная система хозяйства, хотя, можетъ быть, и не вездѣ. Вотъ наши основанія. Въ грамотѣ великаго князя Василя Ивановича отъ 1512 года на Бѣлоозеро говорится уже о трехъ поляхъ; а Бѣлоозеро еще въ XIII вѣкѣ было окружено новгородскими владѣніями. А. Э. I № 156. Въ самой старой писцовой книгѣ XVI вѣка, напечатанной Калачовымъ, I 1—8, три поля въ монастырскихъ волостяхъ Ярославскаго уѣзда общераспространенное явленіе. Итакъ, трехпольная система въ 1-й половинѣ XVI вѣка въ мѣстностяхъ Бѣлоозера и Ярославля—дѣло обыкновенное. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ выраженія „три поля“ мы не встрѣтили. Но въ новгородскихъ пятинахъ воздѣлываются озимые и яровые хлѣба. Мѣрою запашки служить указаніе на посѣвъ ржи. Въ описаніи каждой деревни говорится, сколько высѣвается ржи и сколько собирается сѣна. Этихъ двухъ данныхъ совершенно достаточно для опредѣленія платежной способности деревни. За указаніемъ посѣва ржи и числа копенъ сѣна всегда слѣдуетъ опредѣленіе количества обжахъ. О количествѣ посѣва ярового хлѣба нигдѣ не говорится. Думаемъ потому, что оно опредѣлялось посѣвомъ ржи и было извѣстно. Это два поля; при двухъ поляхъ, по всей вѣроятности, было и третье, паровое, съ начала XVI вѣка вездѣ упоминаемое.

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги до сихъ поръ не имѣютъ указателей. Они представляютъ, такимъ образомъ, очень недостаточно подготовленный для ученыхъ работъ матеріалъ.

Наконецъ самымъ богатымъ изъ встрѣтившихся намъ владѣльцевъ является Иванъ Овиновъ, сынъ вышеприведеннаго Захара. Владѣнія его находились въ двухъ пятинахъ, въ уѣздахъ Новгородскомъ, Вышневолоцкомъ, Крестецкомъ и Петербургскомъ, и состояли изъ села и 132 деревень съ высѣвомъ въ Петербургскомъ уѣздѣ—до 2.600 пудовъ, а въ остальныхъ—до 3.500, что составитъ для Петербургскаго уѣзда отъ 216 до 288 десятинъ въ полѣ, а въ остальныхъ отъ 291 до 388, а вмѣстѣ отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ обработанной земли ¹⁾.

Приведенное количество пахатной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новгородскихъ бояръ, ибо они могли имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, опись которыхъ до насъ не дошла.

Хозяйство во всѣхъ новгородскихъ имѣніяхъ велось по одному общему шаблону. Громадное большинство земель сдавалось въ наемъ крестьянамъ, а рядомъ съ этимъ владѣльцы имѣли и собственное хозяйство. Начнемъ съ послѣдняго.

Каждый владѣлецъ имѣлъ въ одной изъ деревень свой домъ, для жилья, а очень многіе изъ нихъ, если не всѣ, вели и свое особое сельское хозяйство въ этой деревнѣ. Это особое хозяйство было не велико. Въ большинствѣ случаевъ оно ограничивается хозяйствомъ одной деревни, въ которой жилъ самъ хозяинъ и земля которой пахалась на него. На земляхъ извѣстнаго уже намъ своеземца Ивана Куз. Орефина, во всѣхъ деревняхъ, пахалось подъ рожь отъ 50 до 65 дес. Онъ самъ жилъ въ сельцѣ Иванковѣ, гдѣ имѣлъ свой дворъ; кромѣ этого двора въ сельцѣ было еще три двора; въ нихъ жили его люди, которые на него и пахали. Рожью засѣвали они отъ 6 до 8 десятинъ, всего, слѣдовательно, господской запашки въ трехъ поляхъ было отъ 18 до 24 десятинъ. Сѣна косилось на господина 30 копенъ. Вотъ типическій образецъ всѣхъ новгородскихъ господскихъ хозяйствъ. Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа одnodеревенскаго или двороваго хозяйства. Въ каждой мѣстности у богатыхъ людей по

¹⁾ I 78, 100, 321, 333, 577, 604, 814; II 10, 15, 198, 211, 263, 273, 276, 279, 413, 452; III 375, 423, 445, 489, 622, 658, 877; *Временникъ*, XI 364, 394, 399.

одной деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ. Но встрѣчаются и такіе—среди мелкихъ своеземцевъ владѣльцы, которые не считаютъ нужнымъ оставлять за собой цѣлую деревню, а довольствуются ея частью. Въ Сеглинскомъ погостѣ Деревской пятины жили своеземцы братья Омины, Иванъ и Якушъ. Въ ихъ общемъ владѣніи состояло 7 деревень съ посѣвомъ отъ 18 до 23 десятинъ въ полѣ. Младшій братъ, Якушъ, велъ хозяйство въ цѣлой деревнѣ съ посѣвомъ отъ 5 до 7 десятинъ въ полѣ; а старшій довольствовался половиною деревни того же размѣра, другую же половину сдавалъ крестьянину, съ котораго получалъ доходъ. I 479.

Намъ встрѣтилась только одна деревня, въ которой жилъ старый владѣлецъ, но своей запашки не имѣлъ. Это Петруша Кипровъ. Онъ жилъ въ селѣ Дворищѣ, которое было населено не его людьми, а крестьянами, съ которыхъ онъ получалъ доходъ. I 285. Собственного хозяйства, значить, у него здѣсь не было. Но, конечно, могло быть въ другомъ мѣстѣ. Въ виду того, что плата зерномъ и другими сельскими продуктами за аренду земли была чрезвычайно распространена, слѣдуетъ, однако, допустить, что могли быть такіе владѣльцы, которые, хотя и жили въ деревнѣ, но своего сельскаго хозяйства не вели: они все необходимое могли получать отъ крестьянъ.

Московскіе помѣщики въѣхали въ новгородскія деревни и размѣстились въ домахъ прежнихъ владѣльцевъ. Писцы дошедшихъ до насъ книгъ описываютъ хозяйство этихъ новыхъ помѣщиковъ и только упоминаютъ о старыхъ и ихъ прежнемъ доходѣ. Но это старое хозяйство въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, не успѣло еще очень измѣниться. По размѣрамъ господскаго хозяйства и по его отношенію къ крестьянскому, — оно еще старое, новгородское.

Мы имѣли случай привести владѣнія купца Степана Шалимова. Великій князь взялъ на себя его волость въ Бологовскомъ погостѣ. Вотъ описаніе села, въ которомъ жилъ самъ Степанъ: „Село Медвѣдево: дворъ староста Ѳ. Васковъ, за тѣмъ 5 дворовъ крестьянъ, сѣютъ ржи 20 коробей, а сѣна косятъ 100 копенъ, 8 обожъ. Старога дохода не было: пахалъ ихъ Степанъ съ братомъ своими людьми на себя“.

Съ селомъ Медвѣдевымъ произошла громадная перемѣна. Прежде тутъ было господское хозяйство. Въ селѣ жили самъ Степанъ, его братъ и ихъ люди. Государь свелъ Степана съ братомъ, и они захватили съ собой своихъ людей. Село опустѣло. Великій князь не отдалъ его никому въ помѣстье, а оставилъ за собой, т. е. предоста-

вилъ въ пользованіе крестьянъ изъ платежа оброка. На готовыя мѣста немедленно нашлись жильцы: въ домѣ боярскомъ, по всей вѣроятности, помѣстился староста, въ людскихъ дворахъ крестьяне. А размѣръ хозяйства въ селѣ Медвѣдевѣ остался тотъ же: крестьяне пахутъ тѣ же 8 обожъ, которыя прежде пахалъ для себя Степанъ Шалимовъ съ братомъ.

То же надо сказать о селахъ и деревняхъ, перешедшихъ къ помѣщикамъ.

Деревни Артемія Яковлевича Плотцова перешли къ кн. Семену Дмитриевичу Приимкову. Въ описи читаемъ: „Село Ильинское, а въ немъ дворъ кн. Семеновъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его — 6 дворовъ, на князя сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 200. конень, 3 обжы. Старого дохода не было, жилъ въ немъ Артемій Плотцовъ“. Изъ далѣе приведеннаго въ описи итога узнаемъ, что Артемій Плотцовъ пахалъ на себѣ тѣ же три обжи. Размѣръ собственнаго хозяйства и здѣсь не измѣнился. I 358.

Иногда бываютъ и перемѣны, но это особенно въ описи оговаривается. Волость извѣстнаго уже намъ А. В. Квашнина отдана кн. Бор. Сем. Горбатову. Онъ водворился въ сельцѣ, гдѣ жилъ Квашнинъ, и въ его домѣ, а людей своихъ помѣстилъ въ дворахъ, гдѣ жили люди Квашнина. Но онъ не ограничился его запашкой, а пустилъ къ селу еще двѣ деревни. Тутъ произошло расширеніе хозяйства, слитіе трехъ деревень въ одну. Появленіе новыхъ людей, слѣдовательно, приводило, иногда, къ нѣкоторому увеличенію господской запашки. Это расширеніе выражалось двояко: во 1-хъ, присоединеніемъ къ господскому селу или деревнѣ одной или двухъ смежныхъ деревень, что носило наименованіе припуска; во 2-хъ, помѣщеніемъ своихъ людей на крестьянскихъ участкахъ въ деревняхъ, которыя до того сдавались крестьянамъ ¹⁾). Но это рѣдкіе случаи. Да и въ этихъ случаяхъ едва-ли можно видѣть московскую новостъ. Новгородскіе бояре, по всей вѣроятности, дѣлали то же. Если оказывалось нужно, они увеличивали свою запашку присоединеніемъ сосѣднихъ деревень; а если крестьянскія деревни пустѣли, они пахали ихъ наѣздомъ или сажали тамъ своихъ людей для пашни на себя. Итакъ, новые помѣщики ведутъ хозяйство по типу новгородскихъ своеземцевъ, къ которымъ и возвращаемся.

¹⁾ I 118, 252, 546, 575; II 25, 31, 57, 211, 248, 558; III 99. Здѣсь и случаи господской пашни наѣздомъ въ опустѣвшихъ деревняхъ.

Мы сказали, что собственное хозяйство своеземцевъ, бояръ и бояришекъ, вращается, за ничтожными исключеніями, въ предѣлахъ деревни. Они оставляютъ за собой одну, двѣ, много три деревни въ разныхъ мѣстахъ. У Степана Шалимова, при 163 — 245 десятинахъ запашки въ полѣ, за нимъ оставалось только одно село съ запашкой на него отъ 11 до 17 десятинъ въ полѣ. Василій Есиповъ оставилъ за собой два села и въ каждомъ изъ нихъ имѣлъ по двору, но собственное его хозяйство въ обоихъ селахъ не шло далѣе 15—22 десятинъ въ полѣ. У И. В. Захарыча-Ляцка, при общей запашкѣ, простиравшейся до 300 десятинъ въ полѣ, собственная запашка только вдвое превышала запашку Орефина. Наконецъ, у Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ, собственное хозяйство ограничивалось однимъ селомъ, гдѣ на него пахали отъ 7 до 10 десятинъ.

Нельзя, однако, сказать, что защищаемое нами положеніе, что большинство землевладѣльцевъ, если не всѣ, имѣли свое пахатное хозяйство, такъ и бросается въ глаза при чтеніи писцовыхъ книгъ. Тамъ можно встрѣтить множество волостей, при описаніи которыхъ вовсе не упоминается о собственномъ хозяйствѣ владѣльца. Это объясняется разсыпанностью владѣній отдѣльныхъ лицъ. Имѣнія Есипова описываются на 131, 321, 333 и 814 столбцахъ I т.; его же собственное хозяйство упоминается только въ двухъ мѣстахъ, на 321 и 814 ст.; имѣнія Плотцова Артемія—на 339 и 358, а его собственное хозяйство только на 358; имѣнія Доможирова Михаила описываются въ четырехъ мѣстахъ (550, 551, 606, 704), а собственное его хозяйство было только въ одномъ мѣстѣ (606). То же надо сказать и о другихъ владѣльцахъ; а такъ какъ у насъ есть не всѣ описи, то собственнаго хозяйства мы можемъ у многихъ изъ владѣльцевъ и вовсе не отыскать. Но если и можно допустить, что нѣкоторые владѣльцы не имѣли своего пашеннаго хозяйства,—они всѣ имѣли деревенскіе дворы, въ которыхъ и жили. Эти дворы были центромъ управленія и мѣстомъ, гдѣ хранилось зерно и другіе сельскіе продукты, доставляемые крестьянами за аренду земель. На это указываетъ и терминъ „сведеные“ бояре и бояришки. Откуда они сведены? Они сведены съ своихъ имѣній, гдѣ жили. Но это, конечно, не значитъ, что они жили тамъ безвыѣздно. Мы уже знаемъ, что нѣкоторые имѣли свои дворы не въ одномъ, а въ двухъ-трехъ мѣстахъ; другіе имѣли городскіе дворы въ Новгородѣ: на Варяжской улицѣ, Иваровой, Нутной, Разважжи, Кузмодемьянской и проч., и въ другихъ го-

родахъ и раздѣляли свое мѣстопробываніе между городомъ и деревней.

Новые владѣльцы, понаѣхавшіе изъ Москвы, повели хозяйство по новгородскому образцу. У cadaго изъ нихъ былъ свой дворъ въ деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ это были старые боярскіе дворы, но нѣкоторымъ пришлось обзавестись своими новыми. Это потому, что число новыхъ владѣльцевъ не совпадало съ числомъ старыхъ, и между новыми владѣльцами надо было произвести новое распредѣленіе земель, можетъ быть, болѣе уравнительное. Эти вновь заведенные дворы всегда легко узнать. При ихъ описаніи не упоминается о томъ, что прежде тамъ жилъ старый владѣлецъ, и что дохода съ деревни ему не шло, а на оборотъ, указывается доходъ, который онъ получалъ; деревня, слѣдовательно, прежде была отдаваема крестьянамъ въ наемъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какими средствами велось собственное хозяйство старинныхъ бояръ и бояришекъ. Въ писцовыхъ книгахъ есть совершенно ясныя указанія на то, что старое хозяйство велось руками холоповъ. Въ описяхъ нерѣдко говорится, что въ деревнѣ, гдѣ теперь живетъ помѣщикъ, прежде жилъ такой-то „со своими людьми“. „Свои люди“ это холопы. О купцѣ Шалимовѣ написано: „старого дохода не было: пахалъ 8 обожъ своими людьми на себя“. Старый доходъ идетъ съ крестьянъ, въ этомъ же селѣ крестьянъ не было, земля обрабатывалась на господина его людьми. То же сказано о деревнѣ Кузьмы Космынина, отданной Ивашкѣ Кудрину: „жилъ въ ней Куземка со своими людьми“. Также жилъ въ своей деревнѣ со своими людьми Ѳедоръ Селезневъ, Дмитрій Плотцовъ и другіе (I 241, 799, 867). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и болѣе краткія выраженія писцовъ: „старого дохода не было, былъ изъ старины дворъ боярскій“, или: „старого дохода не было, жилъ самъ такой-то“. Эти выраженія имѣютъ тотъ же смыслъ: земля въ наймы не отдавалась, крестьянъ въ деревнѣ не было, тамъ жилъ владѣлецъ со своими людьми, хотя, можетъ быть, своей запашки и не имѣлъ.

Спрашивается, работали ли крестьяне на господскихъ запашкахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не легко, потому что писцамъ не было

¹⁾ Но и между помѣщиками мы встрѣтили одного, который имѣлъ въ сельцѣ Болоболовѣ свой дворъ, но своего сельскаго хозяйства не велъ. I 346. Это тоже рѣдкій случай. Трудно понять, какъ вѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что „особеннаго хозяйства не было у помѣщиковъ“. См. объ этомъ П. А. Соколовскаго, Очеркъ исторіи сельск. общины, 33.

повода говорить объ этомъ. Но при описаніи хозяйства новыхъ помѣщиковъ, чѣмъ они, собственно, и заняты, имъ приходится указывать и на крестьянскія работы. Изъ описанія этого новаго хозяйства видно, что помѣщики обрабатываютъ свои запашки тоже холопами, какъ дѣлали новгородцы ¹⁾, но что встрѣчается и крестьянская барщина, хотя довольно рѣдко и въ небольшихъ размѣрахъ. Напримѣръ: „Селцо Гарусово, а въ немъ дворъ Андреевъ (помѣщикъ), а въ немъ живетъ самъ; а хрестьянъ 3 двора, сѣютъ ржи на Андрея съ сыномъ 8 кор.; сѣютъ ржи на себя 3 кор.; стараго дохода гривна..., а новаго дохода 5 денегъ...“ ²⁾. Здѣсь есть барщина на помѣщика. Но была ли барщина на сведенаго боярина? Надо думать, что нѣтъ. Онъ самъ въ этомъ сельцѣ не жилъ и получалъ съ него доходъ. Оно сдавалось, значить, крестьянамъ. Новый владѣлецъ поселился самъ и завелъ свое хозяйство, къ которому привлекъ 3 двора крестьянъ, такъ какъ своихъ людей у него не было. Но за это ему пришлось уменьшить денежный оброкъ съ гривны до 5 денегъ.

Итакъ, у новыхъ помѣщиковъ встрѣчается барщина. Къ ней обыкновенно привлекаются крестьяне той деревни или сельца, гдѣ живетъ владѣлецъ. Встрѣтили мы одинъ случай привлеченія къ барщинѣ и цѣлой волости. Вотъ этотъ случай. „Селцо Великой Дворъ на озерѣ на Коломнѣ. Дворъ самъ Ивашко Трубицынъ (помѣщикъ) съ братією, дворъ ихъ же человекъ Никонецъ, сѣютъ ржи 13 коробей..., а пашутъ на нихъ то село волостью; а дохода съ него не было: изъ старины былъ дворъ боярской“ I 78. Въ этомъ сельцѣ земля никогда не отдавалась въ аренду, тамъ всегда жилъ бояринъ, а потому дохода съ нея не было. Если была господская запашка, то она производилась холопскимъ трудомъ. А, можетъ быть, и прежній владѣлецъ привлекалъ цѣлую волость къ обработкѣ своей запашки? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать отрицательно. Это вещь возможная.

Но вотъ случай, въ которомъ барщина при сведеныхъ боярахъ выступаетъ совершенно ясно. „Въ деревнѣ въ Налцехъ, въ вопчей, на дву жеребьяхъ, на Гридинскомъ да на Матвѣевскомъ, Ивановыхъ дѣтей Налесскихъ (сведенные бояре): дворъ самъ Петрушка (помѣщикъ), а хрестьянъ—2 двора, сѣютъ ржи на Петрушку 9 коробей, на себя 8 коробей; стараго дохода не было, а жили сами Гридко да Матвѣйко; а дохода *нынѣ* съ хрестьянъ гривна денегъ...“ I 523.

¹⁾ I стол. 27, 56, 88, 107, 118, 131, 191, 252, 263, 265, 285 и пр.

²⁾ I 18, еще такія же свидѣтельства: 52, 138; IV 113, 120.

Доходъ на крестьянъ положенъ *нынѣ* только; эти крестьяне, значить, и прежде тутъ жили, но дохода не давали. Надо думать, что они несли одну барщину за арендуемую ими землю, а новый владѣлецъ обложилъ ихъ еще и доходомъ. Другой такой случай встрѣчаемъ въ „Оеклинской деревнѣ, Ивановской жены Маркова“; тамъ тоже, по всей вѣроятности, была барщина, такъ какъ при прежней владѣлицѣ въ ея деревнѣ жили крестьяне, а дохода ей не давали ¹⁾.

Итакъ, можно думать, что барщина на помѣщиковъ не есть новость. Была барщина и у новгородцевъ, но очень не большая. Большой и не могло быть въ виду незначительности господской запашки.

Новые люди, такимъ образомъ, чрезвычайно легко вошли въ новгородскіе порядки. Но можно ли утверждать, что эти порядки были для нихъ совершенно новые, что въ московскихъ земляхъ въ концѣ XV вѣка сельское хозяйство строилось совсѣмъ по другому образцу? Московскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка мы не имѣемъ. Книги же XVI вѣка чрезвычайно скудны хозяйственными свѣдѣніями. Но кой гдѣ и въ нихъ можно найти указанія, совершенно переносящія насъ въ новгородскій бытъ. Въ описи волости Захожья (въ Тверскомъ уѣздѣ) читаемъ: „За Андреемъ да за Иваномъ да за Михайломъ за Васильевыми дѣтми Ломакова село Лукьяновское, а въ немъ дворъ боярской пустъ, а людей Ломаковыхъ 5 дворовъ, пашни въ полѣ 52 чети... Къ тому же селу деревни: деревня Бортниково, во дворѣ самъ Андрей, во дворѣ люди его, пашни... Деревня Осиникъ, во дворѣ самъ Иванъ Ломаковъ, во дворѣ его люди, пашни“...

¹⁾ I 507—509. Въ III т. на стр. 31 встрѣчаемъ одно сомнительное свидѣтельство: „Деревня Горки вѣче (вел. князю) съ Вежытцкимъ монастыремъ, на великаго князя половинѣ: дворъ, въ болшомъ Давыдовскомъ, Митя Ильинъ (крестьянинъ)...; а стараго дохода не шло: пахали на Давыда; а новаго доходу давали оброкомъ“... Здѣсь дѣло идетъ объ общей деревнѣ Давыда Нерадова съ монастыремъ, отобранной на великаго князя. Стараго дохода не было, пахали на Давыда. Но кто пахалъ? Судя по описи, крестьянинъ Митя Ильинъ и др. Митя Ильинъ живетъ въ болшомъ дворѣ прежняго помѣщика. Это новый жилецъ. Прежде тамъ, конечно, жилъ самъ Давыдъ съ своими людьми, и на него пахали эти его люди, а потому и дохода не было. Писецъ очень сократилъ свою опись, а вслѣдствіе этого и вышла неясность. Но въ итогѣ онъ поправился. Тамъ сказано: „А съ 4 обежъ доходъ не шолъ, пахали на стараго боярина да и его люди“. Проф. И. Д. Бѣляевъ, издавшій вторую половину описи Вотской пятины, говоритъ: „почти во всей книгѣ нѣтъ образцовъ, чтобы крестьяне воздѣлывали землю на владѣльца“. *Временникъ*, XI 79. Свидѣтельствъ, дѣйствительно, немного, но воздѣлываніе надо допустить.

За тѣмъ идетъ 14 деревень, въ которыхъ живутъ крестьяне, а не люди, а за ними: „деревня Станищо, во дворѣ самъ Михайло, во дворѣ люди его, пашни“... Въ концѣ еще четыре деревни съ крестьянами. Это совершенно то же, что и въ Новгородѣ: господское хозяйство ограничивается отдѣльными деревнями. У cadaго владѣльца по деревнѣ, населенной его людьми (у Михайлы—двѣ), эти люди и пахутъ на своихъ господъ съ прибавкой, можетъ быть, крестьянскаго труда. Въ остальныхъ деревняхъ крестьяне. Доходъ съ нихъ не указанъ. Но весьма вѣроятно, что они пахутъ и на себя и даютъ Ломаковымъ доходъ, какъ и въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и помогаютъ ихъ людямъ въ работѣ. I 41—42. Новгородскіе порядки не составляли новости для московскихъ людей. Весьма вѣроятно, что это были общіе порядки для всей русской земли и удержались и послѣ паденія Новгорода.

Итакъ, древнѣйшее собственное сельское хозяйство богатыхъ людей, о которомъ мы только имѣемъ точныя свѣдѣнія, было незначительно и велось, главнымъ образомъ, невольнымъ трудомъ.

Переходимъ къ обзору хозяйства путемъ сдачи земель въ наймы. Здѣсь надо различать два случая: 1) сдачу крестьянамъ пашенныхъ участковъ и 2) сдачу отдѣльныхъ мѣстъ только подъ дворы безъ пашенныхъ земель.

Сдача въ наймы крестьянамъ деревень (или ихъ частей) составляла главный способъ эксплуатаціи новгородскихъ поземельныхъ владѣній. Для собственной обработки владѣльцы удерживали одну, много двѣ, три деревни, все остальное сдавалось крестьянамъ. Эта сдача происходила непосредственно отъ землевладѣльца въ руки крестьянъ-работниковъ. Не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на существованіе какихъ либо крупныхъ съемщиковъ, которые играли бы роль посредниковъ между собственниками и крестьянами. Каждый крестьянинъ бралъ у землевладѣльца столько земли, сколько ему было нужно, и заключалъ съ нимъ порядную. До насъ не дошло ни одной порядной времени древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Но порядныя XVI вѣка пишутся и на цѣлую деревню, и на ея части. Полагаемъ, то же было и ранѣе. Поэтому деревня не представляла непременно одно цѣлое крестьянское хозяйство. Но, конечно, были деревни, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, несмотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники или и постороннія лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли

крестьяне-родственники, можно думать, составляли большинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственниковъ весьма можно допустить, если и не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ, въ два, три двора, а такихъ большинство.

Но и крестьяне-родственники далеко не всегда вели общее хозяйство. Интересный примѣръ отдѣльнаго хозяйства одnodеревенцевъ крестьянъ-родственниковъ даетъ опись Вотской пятины. Въ погостѣ Климецкомъ-Тесовскомъ описана деревня Веряжино. Она принадлежала двумъ фамиліямъ, Кречетниковымъ и Веряжскимъ. Кречетниковы были представлены тремя семьями: родными братьями Гаврилкой да Минкой Кузмиными, да Матюхомъ Ивановымъ, вѣроятно, двоюроднымъ ихъ братомъ, тоже Кречетниковымъ. Фамилія Веряжскихъ была представлена шестью семьями: Андрейкой Ивашкинымъ, Алексѣйкой Прокоповымъ, Тимохой, Оедкой и Миней Матюшкиными да Дмитрохомъ Перфуровымъ, все Веряжскіе. Это рѣдкій случай, гдѣ кромѣ личныхъ именъ и отчества писецъ привелъ и фамилію. Всѣ трое Кречетниковыхъ, конечно, родственники; тоже и Веряжскіе, среди нихъ есть три родныхъ брата — Матюшкины, всѣ остальные, по всей вѣроятности, двоюродные. Деревня—Веряжино носить фамильное наименованіе Веряжскихъ. Ее устроилъ, надо думать, предокъ теперешнихъ владѣльцевъ, можетъ быть, ихъ дѣдъ, по его имени она и названа. Кречетниковъ, дѣдъ настоящихъ владѣльцевъ, по всей вѣроятности, былъ его товарищъ. Девять поименованныхъ владѣльцевъ—сидятъ на своей землѣ, они своеземцы, но они сами пахутъ, а потому они тѣ же крестьяне. Вотъ почему порядокъ ихъ владѣнія можетъ бросить свѣтъ и вообще на крестьянское деревенское владѣніе.

Какъ же владѣли эти родственники, сидя въ одной и той же деревнѣ? Каждый изъ нихъ имѣлъ свой дворъ, и потому въ деревнѣ было 9 дворовъ. Это большая деревня. Каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что каждый дворъ положенъ въ обжи отдѣльно отъ другихъ, кромѣ Оедки да Минки: у нихъ особые дворы, но оба положены вмѣстѣ въ одну обжу. Они, по всей вѣроятности, ведутъ общее хозяйство; всѣ другіе разное и различное по величинѣ: Матюкъ и Дмитрохъ сидятъ на одной обжѣ каждый, Андрейко и Алексѣйко на полуторѣ каждый, Тимоха, Гаврилка и Минка на двухъ каждый, III 78. Ясно, что и родственники, живя въ одной деревнѣ, могутъ вести разное хозяйство; тѣмъ скорѣе посторонніе люди. И

такъ, старая деревня не представляетъ непремѣнно общаго хозяйства, хотя таковое и можно допустить и, можетъ быть, во многихъ даже случаяхъ.

Эта новгородская старина живетъ и въ XVII вѣкѣ. На крайнемъ сѣверѣ конфискованныя у новгородцевъ земли не были розданы въ помѣстья, а остались за крестьянами. Изъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи писцовыхъ книгъ по Кеврольскому уѣзду видно, что крестьяне владѣютъ своими участками „по дѣловымъ актамъ“ съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особые „дѣловые“ записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство ¹⁾.

Для пополненія картины древняго землевладѣнія прибавимъ еще одну подробность. Минка Кречетниковъ, обработывавшій своими руками наслѣдственный участокъ въ двѣ обжи въ деревнѣ Веряжкино, имѣлъ въ томъ же погостѣ деревню Гривско въ одинъ дворъ съ по-сѣвомъ въ четыре коробы, которую и отдавалъ въ аренду крестьянину Тарасову. Ш 77. У Тимохи Веряжскаго, кромѣ наслѣдственной доли въ деревнѣ Веряжкино, была еще доля въ деревнѣ Куболѣ, которую онъ тоже сдавалъ въ аренду. Крестьяне, какъ и бояре, сдаютъ свои земли въ наймы; крестьянское землевладѣніе отличается отъ боярскаго только размѣрами. Крестьяне, какъ и бояре, могутъ имѣть по-земельную собственность; какъ и бояре, они завѣщаютъ ее, дѣлятъ, продаютъ и т. д. Это ихъ личная собственность.

Не смотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное

¹⁾ Беремъ эти свѣдѣнія изъ статьи г. Иванова „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ“, помѣщенной въ Трудахъ Археол. ком. Имп. моск. арх. общества. Т. I вып. III 414. Почтенный авторъ изъ приводимыхъ имъ свѣдѣній дѣлаетъ такой выводъ: „Субъектомъ, основаніемъ владѣнія котораго служили старина, писцовыя книги и крѣпости, былъ дворъ, подъ которымъ понимался не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семей и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“. Нельзя сказать, чтобы этотъ выводъ хорошо согласовался съ приводимыми авторомъ данными. Если братья могутъ дѣлиться и продавать свои участки постороннимъ лицамъ, то при чемъ же тутъ „рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“? Несмотря на совершенную неожиданность выводовъ, авторъ имѣетъ уже послѣдователей. См. объ этомъ „Обзоръ исторіи рус. права“ проф. Владимірскаго-Буданова, 556.

и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ показывается всегда для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждого отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непременно имѣла общую запашку.

Показаніе посѣва ржи и дохода особо для каждого двора чрезвычайно осложнило бы дѣло писца. По всей вѣроятности, крестьяне каждой деревни говорили ему уже въ готовыхъ итогахъ число дворовъ и людей, свой посѣвъ, доходъ помѣщика и число обещъ, онъ это и записывалъ. Для его цѣли бѣльшія подробности и не были нужны. Надо было указать доходъ стараго владѣльца, а это достаточно опредѣлялось итогомъ дохода съ деревни. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ и этого не писали. Вышеприведенный случай деревни Веряжино, гдѣ обжи показаны не для всей деревни, а для каждого двора, едва ли не единственный. Къ сожалѣнію, мы не замѣтили другихъ подобныхъ. Но посѣвъ ржи и для этой деревни показанъ въ общихъ итогахъ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ, а потому и положены въ разное число обещъ. Только въ общихъ деревняхъ, т. е. деревняхъ, принадлежавшихъ разнымъ собственникамъ, крестьянское хозяйство описывается по отдѣльнымъ дворамъ, а не въ итогахъ для цѣлой деревни. Крестьяне разныхъ владѣльцевъ, хотя бы жили и въ одной деревнѣ, никогда не ведутъ общаго хозяйства.

Иногда, но очень рѣдко, посѣвъ и доходъ указывается не для одной, а для двухъ и даже трехъ деревень. Думаемъ, что и это есть дѣло удобства писца, а не свидѣтельство объ общемъ хозяйствѣ двухъ или трехъ деревень. Когда нѣсколько деревень составляютъ одно хозяйство, тогда писцы говорятъ: такая-то деревня припущена въ поле къ такой-то. Такое соединеніе деревень встрѣчается, какъ мы видѣли, въ господскомъ хозяйствѣ, но могло быть и въ крестьянскомъ. Въ хозяйствѣ крестьянъ мы дѣйствительно замѣтили одинъ такой случай. I 509. Онъ произошелъ съ согласія помѣщика и является увеличеніемъ количества арендуемой крестьянами земли.

Итакъ, въ этомъ пунктѣ новгородскія писцовыя книги не вполне соответствуютъ дѣйствительности. Они показываютъ въ общемъ итогѣ посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли.

Съ этою оговоркою переходимъ къ описанію отношеній сѣмщи-

ковъ пахатныхъ участковъ къ землевладѣльцамъ. Оно будетъ сдѣлано не по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, а по цѣлымъ деревнямъ, которыя, однако, во многихъ случаяхъ представляютъ не разныя, а одно хозяйство ¹⁾).

По количеству снимаемой земли деревни представляютъ очень разныя величины даже въ одной и той же мѣстности и у одного и того же владѣльца. Рядомъ стоятъ деревни, высѣвающія 14 и 77 пудовъ ржи, 21 и 119; есть деревни съ посѣвомъ до 280 пудовъ. Даже деревни, имѣющія одно и то же число дворовъ, обрабатываютъ разное количество земли. Деревня съ однимъ дворомъ высѣваетъ то 7 пудовъ, то 14, 27, 56 и даже 84. Землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ.

И такая разница встрѣчается въ одной и той же волости, т. е. въ одномъ мѣстѣ и у одного владѣльца ²⁾). Въ виду вольнаго найма земель отдѣльными земледѣльцами эти различія совершенно понятны.

Какъ различна мѣра снимаемыхъ крестьянами участковъ, такъ различна и наемная за нихъ плата. Эта плата носитъ наименованіе „дохода“. Книги различаютъ старый доходъ и новый. Старый доходъ— есть доходъ прежнихъ владѣльцевъ, сведенныхъ боярѣ и бояришекъ. Что старый доходъ есть доходъ сведенныхъ боярѣ, это слѣдуетъ изъ приведеннаго выше выраженія: „а стараго дохода не было, пахали на Степана“; а иногда такъ прямо и говорится: „а стараго дохода шло Ивану Петрову три барана“ и т. д., а этотъ Иванъ Петровъ и есть сведенный бояришекъ, Чашниковъ ³⁾). Новый доходъ— есть доходъ въ моментъ описи.

¹⁾ Архимандритъ Сергій (Тихомировъ) въ чрезвычайно детальномъ изслѣдованіи Новгородскаго уѣзда въ предѣлахъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. дѣлаетъ подсчетъ дворовъ, приходящихся на одну деревню. Изъ 1073 селеній, оказавшихся въ этой части пятины, болѣе 280 селеній имѣли только по 1 двору, болѣе 300—по 2, болѣе 150—по 3. Итакъ, болѣе 630 деревень изъ 1073 состояли изъ 1, 2, много 3-хъ дворовъ. Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; во многихъ случаяхъ они ведутъ общее хозяйство; а слѣдовательно во многихъ случаяхъ опись писца совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изслѣдованіе арх. Сергія напечатано въ Чтеніяхъ за 1899 г.

²⁾ Такія разнообразныя данныя читатель легко можетъ найти въ новг. писц. книгахъ. Лишь для примѣра крайностей указываемъ: I 63 волость Щилова монастыря; III 39 волость, что была за владыкою, 113 волость Настасьи Григорьевой, 157 волость Якова Коробова, 329 волость Александра Самсонова.

³⁾ III 23. Въ I т. на ст. 322 старымъ доходомъ, кажется, названъ доходъ,

Надо различать два вида господскаго дохода: обыкновенный и чрезвычайный. Сперва о первомъ.

Начнемъ съ обозначенія тѣхъ предметовъ, которыми взимался доходъ обыкновенный. Онъ взимался: 1) деньгами, 2) хлѣбомъ и 3) разными другими предметами крестьянскаго хозяйства, которымъ усвоится наименованіе „мелкаго дохода“.

Денежный доходъ опредѣлялся въ новгородской валютѣ. Писцовыя книги знаютъ—денгу. Это серебряная монета вѣсомъ въ 18 долей. Четырнадцать такихъ денегъ составляютъ гривну; 210—рубль. Кромѣ денегъ, гривенъ и рублей, новгородскимъ писцовымъ книгамъ извѣстны еще: полъ денги и четверецы ¹⁾.

Въ доходъ хлѣбомъ шла часть урожая всѣхъ воздѣлываемыхъ въ мѣстности сортовъ хлѣба. Писцовыя книги говорятъ о доходѣ рожью, овсомъ, пшеницею, ячменемъ, горохомъ, коноплей. Мѣра этого дохода опредѣлялась различно. Во 1-хъ, нѣкоторымъ количествомъ зерна, опредѣляемымъ въ существовавшихъ тогда мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ. Въ Новгородѣ въ это время были въ ходу слѣдующія мѣры: коробья (полъ кади или окова), которую можно считать въ 7 пудовъ вѣса для ржи, полъ коробьи (четверть кади) и четвертка коробьи или четка (осмина кади). Такой хлѣбъ носить наименованіе „посопнаго“ хлѣба, а способъ его уплаты—„поспомъ“: „а хлѣба поспомъ 5 коробей ржи“.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ такія цѣны зерна: коробья ржи—10 денегъ, овса — 5, ячменя — 7, пшеницы и хмѣлю—1 гривна, III 84, 346. Эти цѣны указаны на случай замѣны деньгами дохода „поспомъ“, а потому ихъ можно считать нормальными. Коробья гороху и коробья конопли (вмѣстѣ) цѣнились въ 2 гривны 4 деньги. I 11.

Другой способъ дохода хлѣбомъ состоялъ въ предоставленіи землевладѣльцу извѣстной части урожая. Эта часть опредѣлялась различно, самую малую мѣру составляла пятина ($\frac{1}{5}$), затѣмъ шла: $\frac{1}{4}$ $\frac{1}{3}$ и, наконецъ, $\frac{1}{2}$, половье. При этомъ, надо думать, часть урожая уплачивалась не зерномъ, а снопами, которые отсчитывались на полѣ, до своза во дворъ. Въ крестьянскихъ порядныхъ XVII вѣка встрѣчаемъ

установленный помѣщикомъ, но не настоящимъ, а его предшественникомъ, переведеннымъ на другое мѣсто.

¹⁾ Писцы дѣлаютъ иногда ошибки въ итогахъ, какъ деревень, дворовъ и обожь, такъ и денегъ, а потому у нихъ не всегда приходится на рубль 210 денегъ.

особое условіе: „во всякомъ хлѣбѣ довати пятый снопъ, а къ выдѣлу и къ замолоту мнѣ его, помѣщика, звать, а до выдѣлу ни какова хлѣба не свозить“ ¹⁾. Это превосходная иллюстрація новгородскихъ порядковъ конца XV вѣка.

Мелкій доходъ слагался изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; сюда входило и ткачество, и рыболовство, и охота, и другіе промыслы. Среди предметовъ мелкаго дохода встрѣчаемъ: печеный хлѣбъ—ковригами, масло—ковшами, медъ, сыръ, мясо—говяжье—окороками и лопатками, бараны—цѣликомъ и частями, части свинины, куры—цѣликомъ и половинами, яйца—десятками, отъ одного до 12, пиво—бочками, овчины—цѣлыя и половины, пряжа, полотно, топоры, косы, сошники, сковороды, дрова и лучина — возами, сѣно, ленъ пятками, а пятокъ составлялся изъ пяти горстей, хмель — коробьями, солодъ, рыба, тетерева и зайцы. Нѣкоторые изъ предметовъ мелкаго дохода встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Тетеревовъ и зайцевъ мы видѣли только одинъ разъ, II 199. Доходъ топорами, косами, сошниками и другими издѣліями изъ желѣза взимался только тамъ, гдѣ была добыча желѣзной руды, и съ крестьянъ, занимавшихся ея разработкой и выдѣлкой. Въ писцовыхъ книгахъ они называются кузнецами. Разработкой желѣзной руды тогда занимались въ погостахъ Вотской пятины: по верховьямъ Невы, по рѣкѣ Назѣ, впадающей съ Юга въ Ладожское озеро, по Финскому заливу, въ предѣлахъ Ямбургскаго уѣзда, и по рѣкѣ Талдогѣ, впадающей въ рѣку Суму. Пряжа и полотно принадлежатъ также къ очень рѣдкимъ предметамъ дохода. Чаще всего встрѣчаются: сыръ, масло, бараны, овчины, куры, яйца, ленъ.

Для предметовъ мелкаго дохода мы нашли въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ такія цѣны: баранъ — 4 деньги, пятокъ льну — 5 денегъ, копна сѣна стоитъ 1½ деньги, бочка пива — 1 гривна, калачъ — 1 деньга, хлѣбъ — ½ деньги, лопатка баранья — ½ деньги, 100 яицъ — 3 деньги, полоть мяса 7 денегъ ²⁾.

¹⁾ Дьяконовъ, Акты I № 15, 29, 32; 1629—1644. Въ послѣднемъ документѣ крестьянинъ обязывается церковный пятинный хлѣбъ обмолотить прежде своего. Можетъ быть, и въ старину молотба лежала на крестьянахъ. Это весьма вѣроятно.

²⁾ I 11, II 736, III 167, 306, 346. Въ нов. II 736 встрѣчаемъ нѣкоторые различія: баранъ оцѣненъ въ 7 денегъ, возъ сѣна тоже въ 7 денегъ. Это, вѣроятно, описка, Сыръ по Онѣжской грам. 1536 года стоилъ — 1 деньгу.

Переходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣлялась наемная плата и какъ она была велика для отдѣльныхъ деревень. Плата отдѣльныхъ деревень имѣетъ крайне индивидуалистическій характеръ. Она бываетъ различна при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Число дворовъ въ деревнѣ на размѣръ платы, кажется, не имѣло никакого вліянія. Но можно замѣтить связь между размѣромъ платы и размѣромъ деревенскаго хозяйства, которое было тѣмъ зажиточнѣе, чѣмъ было больше количество высѣваемаго хлѣба. Плата, обыкновенно, возрастаетъ съ возрастаніемъ количества высѣваемаго хлѣба. Это очень понятно. Но и здѣсь встрѣчаются уклоненія, которыя мы объяснимъ ниже. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Мы выше перечислили виды крестьянскихъ повинностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются то всѣ виды, то только нѣкоторые изъ нихъ. Есть деревни, которыя платятъ и деньги, и посопный хлѣбъ, и часть урожая, и мелкій доходъ. Въ другихъ—отпадаетъ то часть урожая, то посопный хлѣбъ, то деньги, то мелкій доходъ. Есть деревни, которыя платятъ только долю урожая и мелкій доходъ. Иногда весь доходъ господина ограничивается одной долей урожая, это встрѣчается при половьи; но и это не общее правило, ибо и половники, иногда, платятъ и деньги и мелкій доходъ, а иногда и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ. Наконецъ, нѣкоторыя деревни обложены только деньгами ¹⁾).

Размѣръ платы при одномъ и томъ же числѣ обожъ, дворовъ и количествѣ высѣваемыхъ коробей ржи—нерѣдко былъ неодинаковъ, и не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ одной и той же мѣстности и даже въ одной и той же волости, т. е. у того же владѣльца. Для примѣра возьмемъ деревни въ 1 обжу, въ 1 дворъ и въ 3 коробьи посѣва и ограничимся тремя погостами Вышневолоцкаго уѣзда.

У Никиты Бабкина крестьянинъ съ такой деревни платилъ 4 деньги, четку ржи и четку овса; переведа все на деньги, получимъ—8 денегъ. Никифоръ Хмелевъ за то же получалъ: 7 денегъ, изъ хлѣба пятину, четку ржи, четку овса, солодъ, $\frac{1}{2}$ барана, лопатку баранью, курицу, сыръ, $\frac{1}{2}$ овчины, $3\frac{1}{2}$ горсти льну. Денегъ будетъ 17 да кромѣ того $\frac{1}{5}$ урожая, курица и $\frac{1}{2}$ овчины, для перевода которыхъ

¹⁾ Доказательства можно найти чуть не на каждомъ столбцѣ писцовыхъ книгъ. Приведемъ только болѣе рѣдкіе случаи. Доля урожая и посѣвъ съ другими видами I 62, II 74, 357. Одни деньги—I 13, II 68, III 313, 329. Половники только половье—I 508, II 34, 37, III 83, 156, 166; половники—деньги и мелкій доходъ III, 10; они же посопный хлѣбъ и мелкій доходъ III 183, 213.

на деньги данныхъ не имѣемъ. Разница болѣе чѣмъ вдвое. Извѣстный намъ Овиновъ, сынъ, получалъ еще больше. За деревню тѣхъ же размѣровъ ему платили: 7 денегъ, коробью ржи и овса и полчетки пшеницы, что составить 24 деньги; со вдовы Ѳедорки онъ получалъ то же, но при меньшемъ посѣвѣ (въ $2\frac{1}{2}$ коробки). А Зинововъ получалъ еще больше. При тѣхъ же деньгахъ и поспѣ онъ бралъ еще сыръ да три горсти льну, что составить 27 денегъ съ $\frac{1}{2}$. Разница крайнихъ случаевъ доходитъ почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры ¹⁾).

Не одинакова плата и у одного и того же владѣльца; разница достигаетъ здѣсь, иногда, также весьма значительныхъ размѣровъ. Въ Настасьинской волости, жены Ивана Григорьева, двѣ деревни платили только деньги и поровну, по 2 гривны съ $\frac{1}{2}$, а между тѣмъ одна имѣла посѣвъ въ 4 коробки при одномъ дворѣ и была положена въ одну обжу, а другая высѣвала 8 коробей при 3-хъ дворахъ и была положена въ двѣ обжи. Хозяйства очень различны, государственныя повинности—тоже, а наемная плата одинакова. Рядомъ съ этими деревнями была деревня съ 15 коробьями посѣва при 4 дворахъ и 5 обжахъ; она платила: 2 грив., хлѣба поспомъ 6 кор. ржи, $\frac{1}{2}$ кор. пшеницы, 3 четки ячменя, 2 барана, на деньги всего 9 грив. 8 ден. Между двумя крайними платежами и среднимъ нѣтъ ни малѣйшаго соотвѣтствія: деревня въ 8 коробей посѣва обложена несоразмѣрно легко. Въ другихъ случаяхъ разница бываетъ ничтожная: при всѣхъ равныхъ одна деревня даетъ курицу, другая половину и т. д. ²⁾).

¹⁾ Т. I 11—12, 58, 80, 90.

²⁾ Т. I 72; III 113.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ деревенскихъ платежей, расположивъ ихъ по мѣрѣ возрастанія количества высѣваемыхъ коробей ржи. Волость Степ. Шалимова въ Бологовскомъ пог. Деревской пятины I 100.

Коробьи. Дворы. Обжи.

Д О Х О Д Ъ.

2	1	1	4 деньги съ $\frac{1}{4}$, изъ хлѣба пятина, сыръ, баранья лопатка, $\frac{1}{2}$ овчины, $3\frac{1}{2}$ горсти льну.
4	1	2	$8\frac{1}{2}$ денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 сыра, 2 б. л., 1 овч., 1 пятокъ льну.
5	2	2	9 денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 с., 2 б. л., 2 ов., 1 п. л.
—	—	—	то же, но 1 овчина.
5	3	2	$8\frac{1}{2}$ денегъ, то же, но 2 овчины.
$5\frac{1}{2}$	3	2	9 ден., изъ хл. пятина, 2 с., 2 б. л., $1\frac{1}{2}$ овч., 1 п. л.
—	2	• —	то же, но 1 овч.

Откуда все эти различія? Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время, нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отсюда и различія. Хотя право свободного перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать, на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ къ насиженному мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились легко съ

6 ¹ / ₂	2	3	12 ³ / ₄ ден., изъ хл. пят., 4 с., 4 лоп. бар., 2 овч., 1 ¹ / ₂ п. л.
6 ¹ / ₂	3	3	13 ден. и то же.
7	—	—	то же.
—	—	—	то же, но 1 ¹ / ₂ овч.
—	4	—	то же.
9	3	4	1 грив. 4 ден., хлѣбъ, ср. и бар. л.
—	—	—	то же, но 2 овч. и 2 пят. льну.
10	—	—	то же.
—	5	—	то же.
10 ¹ / ₂	3	—	то же.
—	—	—	13 ¹ / ₂ ден., хлѣба поспомъ 8 коробей ржи, 8 кор. овса, 2 ¹ / ₂ кор. пшеницы, 2 ¹ / ₂ кор. ячменя, 4 овч., 10 сыр., 3 п. съ гор. льна.
11	4	4	то же.

Волость Щилова монастыря въ Посонскомъ пог. Деревской пят. I 63.

Коробыи. Дворы. Обжи.

Д О Х О Д Ъ.

3	1	1	3 денги, 1 ¹ / ₂ кор. ржи и 1 ¹ / ₂ кор. овса.
—	2	—	то же.
5	1	2	5 ден., 3 четки ржи и 3 ¹ / ₄ овса.
—	2	—	5 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	3	—	6 ден. 3 четки ржи и овса.
—	2	—	3 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	—	—	7 ден., 3 четки ржи, 1 кор. овса.
6	3	3	7 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	—	—	6 ден., 3 четки ржи и овса.
—	—	—	6 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	4	—	7 ден., то же.
—	1	—	то же.
8	4	—	то же.
9	—	5	10 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
13	—	6	то же.
15	7	7	1 гривн., 2 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	8	—	7 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
17	9	—	1 грив., 2 кор. ржи и овса.

указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупные случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садились, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: „старого дохода не было: сѣли ново“. Можно думать, эти новоселы не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они старого дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старые крестьяне, при посѣвѣ въ $2\frac{1}{2}$ коробки, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ, II 34. Весьма вѣроятно, что и сведенные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали.

Общее правило найма земель, по всей вѣроятности, было такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложенію, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно.

Рядомъ со свѣтскими своеземцами, о хозяйствѣ которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, владѣютъ землями духовныя учрежденія: владыка, монастыри, церкви. Хозяйство ихъ представляетъ нѣкоторыя незначительныя особенности.

Несмотря на богатство владыки и нѣкоторыхъ монастырей и на то, что къ описанію ихъ владѣній, находившихся въ разныхъ погостахъ и разныхъ пятинахъ, писцамъ приходилось обращаться по многу

Деревни Гр. Секерина въ Ручьевскомъ пог. Деревской пят. II 356.

Коробьи. Дворы. Обжи.

Д О Х О Д Ъ.

1 $\frac{1}{2}$	1	1	изъ хлѣба четверть, четка ячменя, четка овса, $\frac{1}{2}$ барана, 1 сыръ, 2 гор. льна, 10 яицъ.
2	—	—	то же.
2 $\frac{1}{2}$	—	—	то же, но 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
3	—	—	то же, но $\frac{1}{2}$ бар., 1 сыр., 2 гор. л., 10 яицъ.
—	2	—	то же, но 20 яицъ.
4	2	2	изъ хлѣба четверть, $\frac{1}{2}$ короб. ячменя, $\frac{1}{2}$ кор. овса, 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
4 $\frac{1}{2}$	—	—	то же.
5	—	—	то же.
9	6	4	изъ хлѣба четверть, 1 кор. ржи, 1 кор. овса, 2 бар., 4 сыр., 8 гор. л., 40 яицъ.

разъ, мы не встрѣтили ни одного указанія на существованіе собственнаго сельскаго хозяйства у духовныхъ учрежденій, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ церквей, владѣнія которыхъ не выходили за предѣлы одной деревни. У монастырей были по деревнямъ свои дворы, въ которыхъ жили ихъ ключники, но они не вели пашеннаго хозяйства за счетъ монастыря. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не занимались пашней, другіе пахали, но на себя, а не на монастырь. Такіе дворы встрѣчаются въ деревняхъ Хутынскаго монастыря, Колевскаго, Валаамскаго, Николая Чудотворца и друг.; ихъ дворы—всѣ безъ пашни; пашенные же всѣ у крестьянъ. Въ деревняхъ владыки встрѣчаются также дворы его посельскихъ, но собственной запашки мы не видали и у него ¹⁾).

Только самыя бѣдныя церкви имѣли собственное сельское хозяйство. Мы разумѣемъ деревенскія церкви на погостахъ и въ монастырскихъ и владычныхъ волостяхъ. Къ этимъ церквямъ приписывалось небольшое количество земли, гдѣ клиръ и хозяйничалъ. Но хозяйство это не походило на господское. Попъ, дьяконъ, пономарь, сторожъ, просвирня—сѣяли и пахали собственными руками ²⁾. Но не мало было и такихъ церквей, клиръ которыхъ не имѣлъ надобности пахать.

У владыки и монастырей было, однако, значительное скотоводство. Писцовыя книги упоминаютъ о ихъ конюшенныхъ дворахъ, о дворахъ ихъ коровниковъ и объ особыхъ пожняхъ, которыя косятъ для нихъ крестьяне барщиной ³⁾).

Изъ молчанія писцовыхъ книгъ о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учрежденій слѣдуетъ ли заключать, что такого хозяйства у нихъ и вовсе не было? Это—едва ли.

Памятники XIV вѣка говорятъ уже о собственномъ хозяйствѣ монастырей и даже о крестьянской барщинѣ на ихъ земляхъ. Изъ грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю видно, что у монастыря было свое пахатное хозяйство и что монастырскіе крестьяне не только воздѣлывали „игуменовъ жеребій земли“, но строили монастырскія хоромы, ставили стѣну вокругъ монастыря, оплетали его сады, забивали ѣзъ, ходили съ неводами и пр. А. Э. I № 11, 1391 годъ.

Если мы не находимъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ свѣ-

¹⁾ *Временникъ* XI 193, 251; XII 64, 69; Новог. п. кн. I 17, 708; III 28, 65.

²⁾ Нов. пис. кн. I 321, 346, 612; III 82, 471; *Временникъ* XII 179.

³⁾ III 8, 28, 453, 454.

дѣній о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учреждений, то, можетъ быть, только потому, что до насъ дошли не всѣ книги. Во всякомъ случаѣ, если такое хозяйство и было, оно не могло быть велико, какъ и хозяйство частныхъ лицъ. Оно также должно было имѣть одно-деревенскій типъ и, по всей вѣроятности, ограничивалось одной—двумя деревнями, ближайшими къ учрежденію.

Именно такой характеръ имѣетъ собственное хозяйство духовныхъ учреждений по московскимъ писцовымъ книгамъ начала XVI вѣка. Въ древнѣйшей изъ напечатанныхъ описей земель Троице-Сергіева монастыря (1545 г.), въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ монастырской волости Черемхѣ и Закоторскомъ станѣ монастырю принадлежало 49 деревень и починковъ да 3 займища живущихъ—(пустошей не считаемъ)—съ запашкой въ 989 четвертей земли. Собственное же хозяйство монастыря велось только въ одномъ селѣ Коприно, на Волгѣ, и всего на 20 четьяхъ.

Чудовъ монастырь по описи 1573 г., въ Васильцовѣ станѣ Московскаго уѣзда, въ трехъ мѣстахъ имѣлъ 4 сельца и 10 деревень, крестьянской пашни съ перелогомъ тамъ было 2.221 четверть, свое же хозяйство монастырь имѣлъ только въ двухъ селахъ, въ одномъ пахалъ 118 четей, въ другомъ 25, а всего 143 чети на 2.221 четь крестьянской запашки.

Могло быть такое же одnodеревенское хозяйство и у духовныхъ учреждений Новгорода.

При слабомъ развитіи собственнаго сельскаго хозяйства, духовныя учрежденія извлекали доходъ изъ своихъ земель сдачею ихъ въ наймы. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали тому же порядку, какой наблюдался у частныхъ лицъ. Писцовыя книги даютъ богатѣйшій матеріалъ для изученія мѣры обложенія крестьянъ свѣтскими лицами и духовными учрежденіями и степени зажиточности тѣхъ и другихъ крестьянъ. Онъ давно напечатанъ и ждетъ разработки.

По особенностямъ жизни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, многіе предметы мелкаго дохода, которые мы перечислили, совсѣмъ не были нужны для лицъ духовнаго званія, а потому ихъ мелкій доходъ долженъ отличаться отъ дохода свѣтскихъ лицъ. Такъ, кажется, было и въ дѣйствительности. Мы встрѣтили массу деревень духовныхъ учреждений, которыя вовсе не платили мелкаго дохода; другія платили, но далеко не всѣ его виды были въ употребленіи. Нерѣдко въ доходъ поступали: ленъ, сыръ, сѣно; чаще и по значительному числу—яйца; встрѣчаются бараньи лопатки и пиво.

Доходъ съ владычныхъ земель шелъ владыкѣ, съ монастырскихъ — монастырю, а съ церковныхъ не церкви, а попу. Такова была точка зрѣнія и плательщиковъ и писцовъ и такъ и писалось въ книгахъ. Особенно великъ былъ доходъ архангельскихъ поповъ на Городищѣ. Въ Деревской пятинѣ въ двухъ погостахъ имъ принадлежало двѣ волости одного и того же имени Смерда; въ этихъ волостяхъ числилось 288 деревень. Въ доходъ архангельскимъ попамъ шло: 2 р. 5 гр. и 4 деньги, 256 коробей ржи, 94 коробыи овса, 250 хлѣбовъ, 250 бараньихъ лопатокъ и 30 пятковъ льну. Эта городищенская церковь представляетъ, однако, исключеніе. Владѣнія другихъ церквей далеко не достигали такихъ размѣровъ. Иванъ Васильевичъ взялъ обѣ волости на себя и отмѣнилъ доходъ архангельскихъ поповъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ дохода, встрѣчаются еще нѣкоторые, которые мы, по рѣдкости ихъ, называемъ чрезвычайными. Они немногочисленны. Сюда относятся: поклонъ и даръ.

Подъ „поклономъ“ надо разумѣть приношеніе, дѣлаемое съ особымъ почтеніемъ, съ поклономъ. Въ какихъ случаяхъ оно дѣлается, это не всегда ясно. Но вотъ случай, допускающій удовлетворительное объясненіе. Въ писцовой книгѣ Вотской пятины читаемъ: „А стараго доходу шло: двѣ денги, поклону за сыръ полъ денги, пятокъ льну“ и т. д. Сыръ стоитъ деньгу, здѣсь же онъ замѣненъ — половиной денги, за это, по всей вѣроятности, и дѣлается поклонъ.

„Даромъ“ называлась нѣкоторая приплата къ обыкновенному доходу. Перечисливъ старый доходъ, писецъ продолжалъ: „дару: четка гороху, четка конопель, 6 копенъ сѣна“, I 9. Въ какомъ случаѣ прибавлялся этотъ даръ, неясно. Но несомнѣнно, что онъ еще болѣе увеличивалъ разнообразіе повинностей, на которое мы указывали. Однѣ деревни давали даръ, другія нѣтъ. Даръ брали и монастыри: „а опричь того (обыкновеннаго дохода) давали игумену со всею волости дару полтину новгородскую, а слугамъ шло дару двѣ гривны новгородскія“ ¹⁾.

¹⁾ I 11, 40; II 805; III 213.

Въ концѣ второй половины писцовой книги Деревской пятины находимъ нѣсколько волостей, описаніе которыхъ представляетъ особенности. Въ нихъ не указано прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ, а деревни раздѣлены тамъ на десятки. Такимъ особымъ способомъ описаны волости Морева и Веледа и погостъ Холмскій. Эти волости и погостъ составляли вотчину литовскаго выходца, кн. Ѳед. Ив. Бѣльскаго. Онъ прибѣжалъ въ Москву въ 1482 году (Воскр.) и тогда же, по словамъ лѣтописца, получилъ въ вотчину городъ Дѣманъ да

Описавъ пашенное хозяйство и свѣтскихъ и духовныхъ собственниковъ, мы можемъ теперь спросить, какъ владѣли крестьяне предоставляемой въ ихъ пользованіе земель, было у нихъ общинное землевладѣніе, или нѣтъ? Общинное землевладѣніе, сомнительными благами котораго наши крестьяне пользуются еще и теперь, предполагаетъ наличность общины, члены которой имѣютъ равное право на пользованіе общинной землей. Въ описываемое нами время, какъ мы видѣли, крестьянской общины не существовало. Были только отдѣльные крестьяне, которые, по особому договору, и занимали господскія земли. Это вѣтъ всякаго сомнѣнія. А если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ пользованіи землями.

Но крестьяне не непременно въ одиночку снимали господскія земли, они могли соединяться для этого въ товарищества, человѣка по 2, по 3, а можетъ быть, и болѣе. Такіе товарищи могли вести общее хозяйство. Общее хозяйство могло возникать и другимъ путемъ. Крестьянинъ могъ одинъ снять деревню. Такихъ деревень множество. Но по смерти его, у него могло остаться 2—3 и болѣе сыновей. Сыновья могли продолжать жить въ старой деревнѣ, раздѣлиться и вести каждый особое хозяйство, а могли вести и общее.

Мореву и со многими волостями. Городъ Дѣманъ въ писцовыхъ книгахъ не описанъ, а потому и нельзя сказать, въ чемъ выразилось здѣсь господство литовскаго князя; но волости описаны и слѣдъ его пребыванія виденъ. Въ моментъ описанія данныя князю Ѳ. И. Бѣльскому деревни ему уже не принадлежали, онѣ были отобраны на вел. князя; часть ихъ онъ удержалъ за собой, а другую роздалъ въ помѣстья. О старомъ доходѣ говорится, что онъ шелъ кн. Ѳ. Бѣльскому. Въ волости Велелѣ на погостѣ остался еще его дворъ, въ который и вѣхалъ новый помѣщикъ. Дальнѣйшій слѣдъ хозяйства кн. Бѣльскаго сохранился въ указанномъ дѣленіи деревень на десятки. Какое они имѣли при немъ значеніе, этого не видно, но въ моментъ описи они уже распались. Одни деревни Погостскаго и Жабенскаго десятка князь удержалъ за собой, а другія роздалъ въ помѣстья (703, 721 и 737); деревни другихъ десятковъ розданы разнымъ лицамъ въ помѣстья. Сохранилось только наименованіе деревень по десяткамъ. Деревень съ хозяйствомъ кн. Бѣльскаго не видно; всѣ деревни были въ арендѣ у крестьянъ, которые платили ему обыкновенный доходъ. Въ одномъ только итогѣ упоминается неизвѣстный намъ видъ дохода „коневщина“ (735). Раздѣленіе деревень на десятки, по всей вѣроятности, и было причиной, почему при ихъ описаніи не упоминаются старые новгородскіе владѣльцы. Данныя кн. Бѣльскому волости, конечно, принадлежали разнымъ и очень многимъ владѣльцамъ. Приводя деревни въ десятки, онъ нарушилъ ихъ старое распредѣленіе по владѣльцамъ, а потому десятки и замѣнили прежнихъ владѣльцевъ въ дошедшей до насъ описи. Это единственный примѣръ описи, гдѣ не упомянуты имена старыхъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и бояришекъ.

Итакъ, однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣетъ равное право на пользованіе землей; при общемъ — не непременно равное. Умеръ отецъ, у сыновей равное право наслѣдства, если отецъ не распорядился иначе; онъ могъ, вѣдь, оставить дѣтямъ и не поровну. Но если дѣти получили и поровну, во второмъ поколѣніи непременно возникнетъ неравенство, ибо нельзя рассчитывать на то, что у каждаго сына будетъ одинакое число наслѣдниковъ. Но если бы это и случилось, это будетъ равенство случайное, въ общинѣ же оно необходимое. То же надо сказать и о доляхъ товарищей. Въ началѣ онѣ могли быть равныя, но не непременно; при дѣтяхъ же равенство это легко нарушалось. Общинное владѣніе обязательно, общее — дѣло свободы. Итакъ, въ старыхъ деревняхъ могло быть частное и общее хозяйство, но никогда не общинное. Этотъ выводъ предполагается всѣми описанными порядками.

Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно такъ же, какъ ведется и теперь. Если наслѣдники и товарищи были пріатели, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя сѣно въ копнахъ или пользуясь ими погодно, примѣры чему мы уже видѣли. Въ старое время жили либо въ любви, либо въ ненависти, какъ мы дѣлаемъ это и теперь. Любовь во всѣ времена порождаетъ и поддерживаетъ согласную жизнь вмѣстѣ и общее владѣніе; ненависть всегда ведетъ къ раздѣленію. Общинное владѣніе одною цѣпью сковываетъ и любовь и ненависть.

Мы уже знаемъ, что сельское хозяйство, которое вели новгородскіе бояре, не составляло новости для новыхъ людей, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ. Источники ничего не говорятъ о томъ, какъ пользовались москвичи у себя, на низу, тѣми землями, которыя оставались у нихъ за собственной обработкой; но судя по тому, какъ и въ этомъ отношеніи они легко вошли въ новгородскіе порядки, надо думать, что и эта статья новгородскаго хозяйства

не была для нихъ новостью. Весьма многіе изъ нихъ удержали новгородскіе порядки безъ всякихъ измѣненій и получали тотъ же доходъ, какой шелъ ихъ предшественникамъ. Писцы очень часто, перечисливъ старый доходъ, говорятъ: „А новый доходъ по тому жъ“. Нѣкоторые увеличили размѣръ стараго дохода. Это увеличеніе дѣлалось въ мѣрѣ чрезвычайно различной. Иногда оно достигало очень большихъ размѣровъ. Приведемъ два примѣра. Старая собственница, Настасья, жена Ивана Григорьева, брала съ деревни въ 4 двора и въ 15 коробей посѣва—10 гривенъ, а съ другой деревни въ 3 двора и въ 20 коробей посѣва—9 гривенъ съ полу деньгой; новый помѣщикъ, Григ. Вас. Картамазовъ, сталъ получать съ первой деревни—17 грив. и 3 ден., а со второй — 19 грив. и 2¹/₂ деньги, III 113. Громадное увеличеніе, достигающее 100⁰/₀; несмотря на это, крестьяне остались на своихъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что 3 и 4 двора, составлявшіе эти деревни, были населены родственниками и людьми зажиточными, которые вели общее хозяйство. Чтобы не ломать хорошо обставленнаго хозяйства, они и согласились на прибавку. Свободой перехода пользовались далеко не такъ легко, какъ это можетъ показаться людямъ, стоящимъ далеко отъ крестьянскаго дѣла. И теперь есть поговорка: три раза переѣхать съ квартиры все равно, что разъ погорѣть. А переѣхать съ крестьянскаго хозяйства во много разъ труднѣе. Чѣмъ крестьянское хозяйство богаче, тѣмъ переходъ труднѣе. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка и не замѣтно сколько-нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ. Весьма распространенное мнѣніе о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ ихъ — далеко не соответствуетъ дѣйствительности. Для точнаго отвѣта на вопросъ о передвиженіи крестьянъ вообще и по случаю перемѣщенія владѣльцевъ, новгородскія писцовыя книги даютъ богатый матеріалъ, который тоже ждетъ еще разработки.

Для полноты картины замѣтимъ, что 2—3 помѣщика ввели новые виды чрезвычайныхъ доходовъ. Васюкъ Григ. Чеховъ ввелъ какой-то новый сборъ за повозъ. Объ немъ писецъ говоритъ: „А Васка взялъ впервые лѣта 7004 съ 20 обержъ за повозъ, съ обжи по 4 денги“. I 55. Ивашка Широносковъ и Ивашка Корсаковъ брали съ своихъ крестьянъ доходъ за какое-то „постоаніе“, II 312, 313. Вотъ и всѣ новости московскихъ людей. Трудно думать, что новгородское хозяйство не было ихъ собственнымъ хозяйствомъ.

Но великій князь Иванъ Васильевичъ не все раздавалъ помѣщикамъ, значительную часть конфискованныхъ имѣній онъ оставилъ за

собой. Въ хозяйствѣ этихъ деревень произошли большія перемѣны, имѣвшія важныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ, оставленныхъ за великимъ княземъ, новый доходъ опредѣляется не по деревнямъ, а для всей волости сведенаго боярина. Этотъ новый доходъ называется „оброкомъ“ и почти всегда переводится на деньги. Великій князь получаетъ только деньги; къ нему не идетъ ни поспѣ, ни доля урожая, ни мелкій доходъ. Изъ этого порядка встрѣчаются исключенія, но очень рѣдко. Крестьяне платятъ „оброкомъ“, отсюда и волости стали называться оброчными. Къ этому оброку иногда причитаются обожныя деньги, иногда нѣтъ. При сличеніи оброка со старымъ доходомъ, цифры иногда почти сходятся, иногда оброкъ меньше стараго дохода, иногда больше ¹⁾. Но не величина оброка важна въ данномъ случаѣ, а иной способъ его исчисленія: оброкъ назначается огульно на цѣлое имѣніе. Этимъ создается у насъ впервые крестьянская волостная община. Какъ бы ни былъ оброкъ по суммѣ близокъ къ старому доходу, онъ всегда другой или потому, что въ имѣніи измѣнилось число дворовъ, или потому, что къ оброку прибавлена обожная плата, которая прежде вовсе не входила въ доходъ. Угодья старыхъ владѣльцевъ записываются теперь за ихъ крестьянами и облагаются особымъ оброкомъ тоже огульно, на всю волость. Во всѣхъ этихъ новостяхъ надо разобраться. Прибавки надо какъ-нибудь распредѣлить по дворамъ, угодья тоже, пустые дворы тоже. Это все новые вопросы, которые должны быть теперь разрѣшены всѣми крестьянами волости сообща. Прежде не было такихъ общекрестьянскихъ вопросовъ. Теперь они появляются. Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину. Она появляется здѣсь впервые въ самомъ концѣ XV вѣка.

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько старыхъ доходовъ, переведенныхъ въ оброкъ. Имѣніе въ 8 деревень приносило стараго дохода 13 гривень, оброкъ 14½ грив. и со включеніемъ обожной дани. Имѣніе въ 3 деревни, считая доли въ общихъ деревняхъ, старый доходъ 8 грив., оброкъ и съ обожной данью—6½ грив. Имѣніе въ 2 деревни, старый доходъ 3 грив. 2 д., оброкъ и съ обожной данью 2½ грив. Имѣніе въ 37 деревень, старый доходъ—9½ руб., 1 грив. и 2 д., оброкъ 5 руб. 2 грив. 1 д., но безъ обожной дани. Имѣніе въ 181 деревню, старый доходъ 10½ руб., 11 грив., 10½ денегъ, оброкъ 18 руб., 2½ грив., 1½ д., безъ обожной дани. Имѣніе въ 50 деревень, старый доходъ 4 руб. 2½ грив., оброкъ—9½ руб. и 6 д. со включеніемъ обожной дани, такъ платили по первой описи, а по настоящей назначено 11 руб. съ причисленіемъ сюда и платы за рыбную ловлю. Имѣніе въ 74 деревни, старый доходъ—12 руб. 4½ грив.; оброкъ—11½ руб. 1½ грив. и 5 д. безъ обожной дани. I. 40, 130, 157, 177, 216, 394.

Что же это за общины, какъ онѣ велики? Каждое конфискованное имѣніе или, какъ тогда говорили, каждая волость и волостка составили особую общину. Были большія общины въ 50, 70, 100 и болѣе деревень, и маленькія въ 2—3 деревни. Иногда нѣсколько боярскихъ волостей соединялись въ одну волость великаго князя. На первыхъ порахъ онѣ, конечно, еще не завели того общиннаго хозяйства, которое составляетъ такую гордость нашихъ общинниковъ; это хозяйство явилось послѣдствіемъ нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ мѣръ, о которыхъ рѣчь будетъ на своемъ мѣстѣ. Но въ моментъ составленія вторыхъ описей, которыя находятся у насъ въ рукахъ, уже появились и земли и воды, которыми пришлось распоряжаться крестьянскимъ общинникамъ, и появилась необходимость распредѣлять между собою платежи съ этихъ земель и водъ ¹⁾).

¹⁾ Вотъ примѣръ новаго порядка крестьянскихъ платежей. Въ Вотской пятинѣ, въ погостѣ Никольскомъ-Будковскомъ, нѣсколько боярщинъ соединено вмѣстѣ въ одну волость. По описаніи отдѣльныхъ деревень съ обозначеніемъ стараго дохода, читаемъ: „И всего оброку положено на ту волость денгами и за хлѣбъ и за намѣстничъ кормъ 19 рублей съ полтиною и 4 гривны и полъ четверти денга, то и съ поземщикомъ, опричь обожныя дани“. А далѣе: „А пустошей и селищъ и луговъ въ той волости разныхъ же бояръ: (слѣдуетъ перечисленіе), а даны тое же волости крестьяномъ въ тотъ же оброкъ“. Наконецъ: „А великаго князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ, денги и хлѣбъ, разметывати межъ собѣ по пашнѣ“. III 278—291.

Здѣсь мы наблюдаемъ случай: 1) созданія великимъ княземъ новой волости изъ разныхъ боярщинъ, 2) надѣленіе крестьянъ этой волости землями и угодьями прежнихъ бояръ, 3) обложеніе этихъ крестьянъ, которые прежде ничего не имѣли общаго,—оброкомъ въ общей суммѣ, который они должны сами раскладывать между собой по количеству воздѣлываемой каждымъ земли.—О равенствѣ воздѣлываемыхъ участковъ пока еще нѣтъ рѣчи. Но и это современемъ придетъ.—До введенія этихъ новыхъ порядковъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ. Единственное общее дѣло, какое создавали себѣ волости въ старое время, состояло въ наймѣ пустыхъ деревень. Но и это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Мы замѣтили два случая и то въ монастырскихъ и церковныхъ волостяхъ. I 176, 210. Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обожной дани. Обожная дань клалась на цѣлую деревню, а въ деревнѣ могли быть дворы, которые вели особое хозяйство, могли быть поземщики, которые хотя пашни не имѣли, но пользовались выгономъ, землей подъ огороды и дворы, а потому могли быть тоже привлекаемы къ платежу. Раскладка обожной дани составляла общее дѣло всей деревни. За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Необходимо отличать вопросы общаго управленія и землевладѣнія. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь

Кромѣ оброчныхъ великаго князя крестьянъ, въ новгородскихъ пятинахъ появились въ то же время дворцовые крестьяне. Они называются такъ потому, что приписаны ко дворцу великаго князя и состояли въ особомъ управленіи. Ихъ вѣдалъ дворецкій, которому и сообщались переписныя книги этихъ крестьянъ. Вотъ почему дворцовыя земли и не описывались вмѣстѣ съ оброчными, съ отданными въ помѣстья и съ своеземцевыми землями.

Нѣкоторые изъ крестьянъ, приписанныхъ ко дворцу, существенно отличались отъ оброчныхъ. Это тѣ, которые работали на великаго князя, пахали на него особую пашню. До конфискаціи — барщина явленіе довольно рѣдкое. Съ конфискаціей барщина распространяется. Но она не освобождала крестьянъ и отъ оброка; они продолжали платить за хлѣбъ, т.-е. за прежній доходъ. У дворцовыхъ барщинныхъ крестьянъ возникло, такимъ образомъ, еще свое особое общее для всей крестьянской общины дѣло: распредѣленіе общихъ работъ. Но пашню пахали нѣкоторые только дворцовые крестьяне, другіе оставались на одномъ оброкѣ. А потому и дворцовые крестьяне называются „оброчными“. Какъ оброчныя, такъ и приписанныя ко дворцу населенныя крестьянами земли раздаются въ помѣстья ¹⁾.

Таковы нововведенія для крестьянъ, оставленныхъ великимъ княземъ за собой. Эти нововведенія были новостью для новгородскихъ крестьянъ, но не для крестьянъ великаго князя. Къ конфискованнымъ имѣніямъ эти нововведенія, конечно, давно уже примѣнялись въ Москвѣ. Они не были выдуманы для Новгорода. Управление княжескими деревнями тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ въ господскихъ имѣніяхъ, было очень неудобно: оно отличалось крайней сложностью

общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ либо цѣловальниковъ и т. д. Но все это возможно и безъ поземельной общины.

¹⁾ Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописной книги дворцовыхъ волостей, содержаніе которой мы привели въ первой статьѣ.

4. А пахутъ тѣ крестьяне (дворцовые) на великаго князя 24 десятины. А оброку на нихъ за обежную дань и за хлѣбъ 3¹/₂ руб. новгородскихъ.

36 об. Царя и великаго князя села и деревни дворцовыя, которыя царя и великаго князя пашню пахутъ и которыя не пахутъ.

45 об. Въ Корыстынской волости села и деревни великаго князя дворцовыя оброчныя.

251. Книги дворцовыхъ волостей Шелонской пятины письма Матв. Ив. Валуева, лѣта 7007, которыя приписаны ко дворцу ново.

248. Обжи, приписанныя ко дворцу, пожалованы въ 7048 г. Якову и Андрею Квашнинымъ къ ихъ старому помѣстью.

и очень затрудняло контроль. Правительству легче было имѣть дѣло съ общинами, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами, и оно, конечно, замѣняло старый порядокъ новымъ, какъ только въ рукахъ его стали сосредоточиваться значительныя владѣнія. Поэтому первые зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку.

Новгородскія дворцовыя села и деревни были очень удалены отъ Москвы. Это удаленіе должно было отразиться и на сборахъ съ нихъ; сборы эти были здѣсь очень упрощены. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ, ближе расположенныхъ къ Москвѣ, они гораздо болѣе приближались къ обыкновенному господскому доходу. Вотъ для примѣра доходъ съ дворцоваго имѣнія Тверского уѣзда: „А оброку крестьянамъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовый приказъ, 6 руб. и 7 алт. съ денгою, да посопнаго хлѣба 55 четъи ржи, 23 четъи овса; да мелкаго доходу платити во дворецъ: съ выти по барану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куровъ, по 40 яицъ, по сожени дровъ, по копнѣ сѣна“ и т. д. II 293. Знакомая намъ картина. Московскій государь получаетъ со своихъ крестьянъ совершенно такой же доходъ, какой получали и новгородскіе своеземцы. Тутъ и деньги и поспъ и мелкій доходъ, только исчисляется онъ иначе, онъ идетъ не съ деревень, а съ вытей. Но о вытяхъ рѣчь будетъ послѣ. Здѣсь же насъ интересуеетъ только то, что и въ Москвѣ княжеское хозяйство конца XVI вѣка имѣетъ всѣ свойства новгородскаго боярскаго XV-го. Могло ли быть построено на иныхъ началахъ хозяйство московскихъ вотчинниковъ, тверскихъ и иныхъ удѣловъ? Это очень сомнительно. Домосковская старина вездѣ одна и та же. Она далеко заходитъ и въ московское время.

Крестьянскія деревни могли пустѣть и въ силу права свободы крестьянскаго перехода и по другимъ причинамъ. Спрашивается, что дѣлали владѣльцы съ такими временно опустѣвшими деревнями? Пользованіе такими пустыми деревнями было очень различно. Иногда владѣльцы пахали ихъ на себя — наѣздомъ, т.-е. не заселяя ихъ, а посылая на эти земли въ рабочее время своихъ людей. Такія извѣстія имѣемъ о помѣщикахъ, но то же, по всей вѣроятности, дѣлали и новгородскіе бояре ¹⁾. Случалось, что владѣльцы отдавали такіа де-

¹⁾ I 546—547, II 385, 797, 866.

ревни желающимъ крестьянамъ, которые тоже пахали ихъ наѣздомъ ¹⁾).

¹⁾ I 546 и сл., II 488, 738.

Въ описи Деревской пятины находимъ такое извѣстіе: „Деревня Трофимово, дворъ Родивоникъ Прокошевъ, пашетъ половину той деревни...; а другую половину той деревни пашетъ Якимко Лахновъ наѣздомъ“ I 536. Якимко Лахновъ снимаетъ въ этой же волости цѣлую деревню Оедосьино, гдѣ у него дворъ, въ которомъ онъ живетъ, и 3 коробки посѣва ржи. Но ему этого мало, и онъ снимаетъ еще полъ сосѣдней деревни. Новое доказательство того, что даже въ небольшихъ деревняхъ крестьяне ведутъ не общее, а разное хозяйство. И этого Лахнову мало. При описаніи слѣдующей деревни читаемъ: „Селище Жатово а пашутъ его тѣ же крестьяне на разѣмъ“... Тѣ же крестьяне, Прокшевъ и Лахновъ, пашутъ деревню на разѣмъ. Это значитъ, деревня пуста и воздѣлывается жителями сосѣднихъ деревень „на разѣмъ“, т. е. кто себѣ что взялъ. Это тоже пашня наѣздомъ, ибо Лахновъ живетъ въ дер. Оедосьино, а Прокошевъ въ Трофимовѣ, гдѣ у нихъ свои дворы. Лахновъ и Прокошевъ и въ дер. Трофимово и въ селищѣ Жатово ведутъ разное хозяйство, а не общее, и каждый изъ нихъ платитъ особо за наемъ земли, а между тѣмъ эта плата показана для обоихъ въ общемъ итогѣ. Ясное указаніе на то, что писцы складываютъ вмѣстѣ разные хозяйства.

Г. Рожковъ въ своемъ трудѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси высказываетъ такое мнѣніе о пашнѣ наѣздомъ. „Пахать землю наѣздомъ значило эксплуатировать ее не расчетливо, хищнически, безъ правильнаго сѣвооборота, истощая почву. Что такое пониманіе этого выраженія правильно, это всего лучше доказывается отношеніемъ правительства къ наѣзжей пашнѣ: она вся причисляется въ писцовыхъ книгахъ къ пашнѣ, лежащей въ пустѣ, не подлежащей обложенію налогами... Кромѣ того, нерѣдки и прямые указанія источниковъ на пахоту наѣздомъ, какъ явленіе регрессивное съ хозяйственной точки зрѣнія. Ограничимся однимъ примѣромъ: по акту 1501 г. одинъ монастырь владѣлъ въ Переяславскомъ уѣздѣ 13 деревнями; эти деревни „запустѣли небреженіемъ прежнихъ игуменовъ, потому что прежніе игумены тѣ монастырскія земли пораздвали въ оброкъ приказнымъ людямъ, сокольникамъ и конюхамъ; и тѣ приказные люди тѣ деревни пахали наѣздомъ и отъ того тѣ ихъ села и деревни позапустѣли“. 64.

Все это разсужденіе, хотя оно пошло уже въ научный оборотъ и приводится въ назиданіе читателя почтенными критиками г. Рожкова, есть плодъ недоразумѣнія, проистекающаго отъ неправильнаго пониманія источниковъ. „Пашня наѣздомъ“ вовсе не обозначала нѣкотораго регрессивнаго способа обработки земли. Крестьянинъ Лахновъ, конечно, совершенно такъ же обрабатывалъ землю въ дер. Трофимово и Жатово, какъ и въ дер. Оедосьино. Разница въ томъ, что дер. Оедосьино онъ нанималъ цѣликомъ и тамъ жилъ, а въ двухъ другихъ деревняхъ онъ бралъ только участки земли и тамъ никто не жилъ, онѣ были пустыя, а потому и могли быть разобраны по частямъ и воздѣлываемы наѣздомъ. Деревни запустѣли не потому, что тамъ было регрессивное хозяйство, а потому что крестьяне ушли. Регрессивное же хозяйство могло быть и не въ пустыхъ деревняхъ, а при наличности крестьянъ, если они плохо воздѣлывали землю. Къ пашнѣ, лежащей въ пустѣ, писцы причисляютъ не плохо воздѣланную, а не населенную:

Духовныя учрежденія также отдавали пустыя деревни крестьянамъ ¹⁾.

Это все, надо полагать, новгородская старина. Новость, можетъ быть, представляетъ слѣдующій случай. Кн. Юр. Конст. Оболенскій между разными волостками получилъ и волостку Кузьмы Перебатаго; въ одной изъ деревень этой волостки прежде жилъ самъ Кузьма. Она не понадобилась князю Оболенскому для житья, и онъ велѣлъ пахать ее на себя „згономъ крестьянъ“ I 356. Половину другой деревни пахалъ на себя наѣздомъ крестьянинъ той же волостки. Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ мы встрѣтили „сгонъ“ крестьянъ. Не надо ли подъ сгономъ понимать крестьянскую „помочь“ и теперь хорошо извѣстную?

Второй способъ извлеченія дохода землевладѣльцами заключался въ сдачѣ небольшихъ участковъ земли подъ дворы лицамъ, не занимавшимся хлѣбопашествомъ. Такими съемщиками были люди очень разныхъ профессій и очень различнаго соціального положенія. Мы встрѣчаемъ здѣсь торговыхъ людей и разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ: рыболововъ, епанечниковъ, кузнецовъ, кровопуска, солеваровъ, сапожниковъ, а рядомъ съ ними и людей, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго занятія, напримѣръ, казаковъ ²⁾. Такъ какъ эти люди занимались своими промыслами и ремеслами, а не хлѣбопашествомъ, то въ писцовыхъ книгахъ они, обыкновенно, обозначаются подъ именемъ „непашенныхъ людей“, при чемъ не всегда,

она могла быть и хорошо воздѣлываема, да теперь брошена и не населена. „Приказные люди пахали монастырскія деревни наѣздомъ и отъ того они запустѣли“. Совершенно вѣрно, но только это значить не то, что думаетъ авторъ. Приказные люди взяли на оброкъ уже пустыя деревни и не переѣхали въ нихъ жить, такъ какъ они имѣли уже опредѣленное мѣсто жительства; они наѣзжали только для обработки земли. Вотъ что значить деревни „поzapустѣли“. Этого бы не случилось, если бы они поселили тамъ крестьянъ, хотя бы эти крестьяне работали и хуже приказныхъ людей, пахавшихъ наѣздомъ.—Почтенный авторъ очень далеко отъ пониманія тѣхъ отношеній, изученіе которыхъ избралъ своей спеціальностью.

¹⁾ Архангельскіе поны, которымъ принадлежали двѣ волости Смерда, въ одной изъ нихъ сдавали пустую деревню крестьянину сосѣдней деревни, Исаку Ескину; тутъ же обозначенъ и доходъ, который они получили съ него; а въ другой волости сдавали 8 пустыхъ деревень—всей волости. I 504, 176. Воскресенскій монастырь сдавалъ въ небольшой волости въ 7 деревень — одну пустую деревню тоже всей волости. I 210. Вязитскій-Никольскій монастырь сдавалъ свою пустошь не всей волости, а двумъ деревнямъ III 56.

²⁾ I 457, 816; II 686, 751; IV 125, 536; *Временникъ* XI 33—42, 130, 341.

однако, говорится, чѣмъ же собственно они занимаются; даже чаще не говорится. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они непашенные люди. Занятіе же какимъ либо ремесломъ или промысломъ не составляло существеннаго ихъ признака. Тѣми же промыслами и ремеслами занимаются и пашенные крестьяне. Среди нихъ мы даже замѣтили бѣльшее разнообразіе ремеслъ; между крестьянами мы встрѣтили: кузнецовъ, бочечниковъ, швецовъ, ведерниковъ, гончаровъ, овчинниковъ, деготниковъ, лучниковъ, сѣдельниковъ, ямщиковъ и домниковъ (отъ домница—печь). Полагаемъ, что это различіе случайное. Писцамъ не было надобности обозначать, чѣмъ именно занимается пашенный или непашенный человѣкъ. Непашенный человѣкъ болѣе чѣмъ пашенный нуждался въ какомъ-нибудь промыслѣ, ибо онъ долженъ былъ и прокормить себя и заплатить за наемъ земли, а между тѣмъ писцы весьма рѣдко обозначаютъ этотъ промыселъ.

Включая въ себя съ одной стороны торговцевъ, рыболововъ, соледобытчиковъ и подобныхъ имъ, а съ другой — казаковъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и существовавшихъ, можетъ быть, сельскими работами на сосѣднихъ господскихъ и крестьянскихъ земляхъ, безпашенные люди представляли очень пестрый классъ; между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные. Въ писцовой книгѣ Шелонской пятины читаемъ: „Да за Митею же (помѣщикъ, Татищевъ) живутъ худые люди безъ пашни, на поземѣ: дворъ Якушъ Степановъ, сапожникъ, дворъ Ивашка Минихъ, казакъ, дворъ Лукерка проскурница“. Въ обществѣ, гдѣ всѣ ходятъ въ лаптяхъ или на босу ногу, сапожникъ, конечно, не могъ очень разбогатѣть.

Но худые или нѣтъ были безпашенные люди, они всѣ платили владѣльцу за наемъ земли; эта плата носила наименованіе позема, дворы ихъ — назывались поземными, а сами они поземщиками (III 279, 290). Плата, обыкновенно, опредѣлялась деньгами и съ каждаго двора особо, но приводилась въ итогахъ для всѣхъ дворовъ. Худые поземщики помѣщика Татищева платили ему за 3 двора 7 денегъ. А были и хуже ихъ: Ѳеклѣ Марковой поземщики платили по 1 деньгѣ съ двора (1508). Помѣщику Ст. Порховскому четырнадцать дворовъ платили позему 4 гривны 6 денегъ, съ двора по 4¹/₂ деньги; это уже значительная плата. Надо думать, что у этихъ поземщиковъ былъ же какой-нибудь промыселъ, а писцы вовсе не нашли нужнымъ сказать, чѣмъ они занимались, III 424. Фил. Логиновъ, торговый человѣкъ, сѣлъ на церковной землѣ безъ пашни; за свой дворъ онъ платилъ

попу позему двѣ гривенки темьяну; да еще съ рядовичами, что на рѣкѣ на Ижорѣ, давалъ въ ихъ оброкѣ двѣ деньги. Врем. XI 341. У Θεодоры, жены Вас. Глазоемцева, въ одной деревнѣ, кромѣ крестьянъ, было 4 безпашенныхъ двора, въ которыхъ жили кузнецы. Они платили за дворы 5 грив. 10 денегъ, съ двора по 1 грив. 6 денегъ. Крестьяне той же деревни, съ посѣвомъ въ 5 коробей на дворъ, платили съ двора только на 9—10 денегъ больше этихъ безпашенныхъ людей (III 503). Кузнецы, жившіе въ деревнѣ г-жи Глазоемцевой, были очень зажиточные люди, богаче многихъ крестьянъ.—Поземщики занимались иногда и пашней. Въ Деревской пятинѣ, на погостѣ у св. Егорія, на землѣ, конфискованной великимъ княземъ у Ивана Маркова, было 8 дворовъ поземщиковъ, за эти дворы они платили великому князю поземъ. Но кромѣ того, они пахали сосѣднее селище на разѣмъ, т.-е. сколько кому было нужно. I 412.

Для полноты картины замѣтимъ, что поземщики въ обжи не клались; это потому, что въ обжи кладется пахатная земля, а они люди не пашенные. Но это не значитъ, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ — рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя „за обежную дань“ ¹⁾.

Изъ того, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежныя деньги платила деревня, и деревенскіе дворы, конечно, сами распределяли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумѣется, имѣли ого-

¹⁾ *Временникъ* XI 33, 42; XII 74.

На стр. 344 *Временникъ* XI читаемъ: „Великаго князя рядокъ у Клетей, на рѣкѣ на Ижорѣ, отъ Невы 7 верстъ, а живутъ въ немъ торговые люди, пашни у нихъ нѣтъ (идетъ перечисленіе 8 дворовъ), а оброку давали по старому писму 12 грив. А новаго оброку положено на нихъ за обежную дань и за намѣстничъ кормъ полтина“.

На 181 стр. *Временника* XII непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи.

Въ Шелонской пятинѣ въ погостѣ Опоцкомъ на конфискованной великимъ княземъ у Ростокіна монастыря землѣ сидѣло 12 дворовъ не пахотныхъ людей. Они промышляли торгомъ и извозомъ. Еще до конфискаціи за дворы они платили въ монастырь поземъ, а за промыслъ давали великому князю 2 гривны. IV 162.

роды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ. Почему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались однопашенцами къ участию въ платежѣ обожной дани? Такъ какъ безпашенные рыболовы съ своихъ промысловъ платили даже особый оброкъ вмѣсто обожной дани, то мы не видимъ причины, почему бы пашенное населеніе деревни должно было освобождать достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ отъ участія въ уплатѣ обожной дани. Между непашенными были и очень бѣдные; если эти „худые люди“ и не привлекались къ платежу обожной дани, что возможно, это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе.

Московскіе писцы половины XVI вѣка, переписывая тѣ же новгородскія земли, начинаютъ наряду съ „непашенными людьми“ и „поземщиками“ употреблять новое слово „бобыли“. Что бобылями они называютъ тѣхъ же непашенныхъ людей, это видно изъ того, что ихъ бобыли, какъ и поземщики, даютъ господамъ „поземь“ (IV 288, 293). Но такъ какъ въ этихъ позднѣйшихъ книгахъ доходъ по деревнямъ не указывается, а только въ итогахъ, то и о бобыляхъ въ большинствѣ случаевъ говорится коротко: а бобылей дворовъ столько то, безъ пашни. Итакъ, бобыль это новое московское наименованіе для тѣхъ же безпашенныхъ людей, которые напашаютъ землю подъ дворы. Среди этихъ бобылей мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ кузнецовъ, рыболововъ и пр. (IV 416, 478, 509).

Эти позднѣйшія книги даютъ возможность нѣсколько пополнить наши свѣдѣнія о непашенныхъ людяхъ. Между ними и теперь есть люди достаточные. Опоцкому монастырю бобыли платятъ по 1 грив. съ двора. Эти монастырскіе бобыли люди не пашенные, но они берутъ у монастыря землю изъ оброку и пашутъ ее наѣздомъ ¹⁾. Это значитъ, что они живутъ не на нанятой землѣ, а въ монастырской деревнѣ; а на взятую въ оброкъ землю только наѣзжаютъ для сельскихъ работъ. То же дѣлаютъ и крестьяне, принимая землю въ чужихъ деревняхъ; по занятіямъ бобыли, иногда, тѣ же крестьяне. Чѣмъ занимаются монастырскіе бобыли въ деревнѣ, гдѣ живутъ, этого, къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ.

Изъ только что приведеннаго свидѣтельства видно, что бобыли

¹⁾ Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ, Прилож. стр. 116.

занимаются пашней; а съ другой стороны, конечно, и крестьяне могут нанимать дворовыя мѣста, оставаясь крестьянами ¹⁾).

Въ писцовыхъ книгахъ московскихъ уѣздовъ XVI вѣка встрѣчаемъ оба термина, и непашенныхъ людей и бобылей. Подъ этими названіями появляются тѣ же ремесленные и промышленные люди, что и въ Новгородѣ: швецы, сапожники, кузнецы, пастухи, калачники. земскіе дьячки и даже кабатчики, а между ними и бѣдныя вдовы.

Въ описяхъ дворцовыхъ крестьянъ XVI вѣка встрѣчаемъ указанія и на обложеніе непашенныхъ людей повинностями. Напримѣръ: „С. Борки... дворъ непашенный, а живетъ въ немъ сапожникъ, а оброку съ него въ годъ гривна, пошлинь денга“ II 313. При описаніи села Лотошина Микулинскаго уѣзда находимъ и любопытное разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей: „и писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятся, а прежде сего были въ оброкѣ жъ, а платили оброку на годъ по 46 алтынъ по 4 денги, а нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовой Приказъ, за ямскія и за приметныя денги, и за мелкій доходъ, и за иныя за всякія подати на годъ по 2 руб. и по 13 алт. и по 5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлинь дворецкаго и дьячихъ 4 алт. съ полуденгой, съ рубля по 10 ден.; а съ волостными имъ людми, съ пашенными крестьяны, съ селчаны и съ деревенщики, не тянути... а разводить имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по животомъ и по промысловъ и по дворомъ“. II 335. На бобыляхъ лежатъ и ямскія и приметныя деньги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, ибо у нихъ нѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ, то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обожною данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По Сотной

¹⁾ Любопытное указаніе на такое соединеніе крестьянства и бобыльства въ одномъ лицѣ находимъ въ напечатанной В. Н. Сторожевымъ Сотной грамотѣ дворцоваго села Вологодскаго уѣзда 1592 года. Тамъ описаны сперва пашенные крестьянскіе дворы; въ числѣ владѣльцевъ одного такого двора показанъ Олешка Терентьевъ. А затѣмъ идетъ описаніе дворовъ, мѣстъ дворовыхъ и огородовъ, но безъ пашни. Одно такое мѣсто дворовое и одно мѣсто огородное показаны за тѣмъ же Олешкой Терентьевымъ. Онъ въ одно и то же время и крестьянинъ и бобыль. Волог. Губ. Вѣд. за 1898 г. № 23. Въ этой Сотной рѣчь идетъ о непашенныхъ дворахъ, съ нихъ берутъ поземъ, терминъ бобыль не употребляется, все это—какъ въ Новог. писц. книгахъ конца XV вѣка. Я никогда не видалъ Волог. Губ. Вѣд. и, конечно, ничего бы этого не зналъ, если бы почтенный В. Н. Сторожевъ любезно не сообщилъ мнѣ оттиска напечатанной имъ грамоты.

1627 года крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться „по пашнѣ и по угодью“, а бобылямъ „по промыслу и по животу“. Неволинъ, Прилож. 131.

Но почему писцы XVI вѣка стали замѣнять старые термины, непашенные люди и поземщики, совершенно опредѣленные и ясные, новымъ—бобыли, и что значить бобыль? Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это — одинокій, бѣдный человѣкъ. Примѣненіе такого термина для обозначенія непашенныхъ людей вообще — свидѣтельствуешь о нѣкоторой неточности писцовъ XVI вѣка. Непашенные люди не были же непременно одиночками; они, конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ. Какъ же пришли писцы къ такому не совсѣмъ правильному обобщенію? Писцы были московскіе люди, а потому возникаетъ вопросъ, не имѣло ли какого особаго значенія въ Москвѣ слово бобыль? На этотъ вопросъ проливаютъ довольно яркій свѣтъ документы, напечатанные г. Дьяконовымъ въ I выпускѣ Актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Эти документы составлены въ XVII вѣкѣ, но порядокъ, о которомъ они свидѣлствуютъ, не новый, а старый; они говорятъ намеками объ отношеніяхъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ и, конечно, давно установившихся. Мы имѣемъ въ виду порядныя въ бобыли. Это удивительнѣйшіе документы.

Въ Москвѣ человѣкъ могъ сдѣлаться по договору бобылемъ, въ бобыли тамъ поступаютъ, и для этого даютъ на себя „бобыльскую оброчную запись“, по которой обязываются „жить въ оброчныхъ бобыляхъ“, вести себя тихо, смирно, корчмы не держать и т. д., бобыльской оброкъ платить и государевы всякія подати, по раскладу, тоже платить, и „всякое сдѣлье бобыльское съ бобыли дѣлать вмѣстѣ“ № 35, 1644 годъ.

Ясно, московскій бобыль совсѣмъ не то, что новгородскій поземщикъ. Тотъ нанимаетъ подъ дворъ землю, на которой и живетъ, вотъ и все; онъ съемщикъ участка земли подъ дворовое строеніе. Московскій бобыль обязывается всякое сдѣлье дѣлать и оброкъ еще платить. Это не наемъ участка земли, а поступленіе въ услуженіе да еще съ обязанностью платить оброкъ. До сихъ поръ все ясно. Но тутъ же начинается и неясность. За что бобыль обязывается и служить и платить? Объ этомъ ни слова ни въ одной порядной! Сколько онъ долженъ платить оброку? — тоже не говорится. Какое онъ долженъ дѣлать сдѣлье? Въ приведенной порядной и объ этомъ

ничего не сказано. „Съ бобыли дѣлать вмѣстѣ“, вотъ какое сдѣлье. Намъ это непонятно; а тогда это было всеѣмъ понятно и потому, конечно, что дѣло шло объ отношеніяхъ давно сложившихся, которыя и надобности не было опредѣлять ближе.

Удивительныя отношенія: все обязанности на сторонѣ бобыля, а на сторонѣ господина только права. Положеніе хуже кабальнаго. Тотъ получаетъ деньги, а за $\frac{0}{100}$ съ нихъ обязывается только служить; бобыль ничего не получаетъ, за то обязывается и служить и оброкъ платить и безсрочно; но господинъ не обязывается его держать, стало быть можетъ прогнать, когда захочетъ.

Другія порядныя прибавляютъ къ указаннымъ новыя черты. Изъ № 37 узнаемъ, что бобыль живетъ у господина во дворѣ. Это много разъясняетъ. Бобылю, значитъ, даютъ пристанище, его кормятъ, одѣваютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще далѣе отходить отъ новгородскаго поземщика. Жить во дворѣ господина, значитъ жить на чужихъ хлѣбахъ; новгородскіе же поземщики, хотя живутъ на чужой землѣ, но своимъ хозяйствомъ. Для помѣщенія московскихъ бобылей у господъ при ихъ дворахъ были особые бобыльскіе дворы, въ которыхъ бобыли и жили (№ 23). Отсюда, вмѣсто того, чтобы сказать „бью челомъ въ бобыли“, можно было сказать: „бью челомъ во дворъ“. Такъ и говоритъ Оедька Ивановъ, сынъ крестьянскій, что онъ „билъ челомъ во дворъ ко князю Ивану Елецкому“, а изъ послѣдующаго видно, что онъ порядился къ нему въ бобыли. № 51. Изъ того же № узнаемъ, что бобыли дѣлаютъ „пашенное и всякое господское дѣло“. Итакъ, московскій бобыль слуга въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ и пашетъ, и коситъ, и лошадей стережетъ, и во дворѣ служить и т. д., онъ дѣлаетъ всякое господское дѣло, а дѣлу этому конца нѣтъ. Какъ же онъ еще оброкъ платитъ? Откуда взять денегъ на оброкъ, если все время отдано господину, а самъ бобыль ничего не имѣетъ: живетъ въ господскомъ дворѣ и ѣстъ господскій хлѣбъ? Въ № 51 находимъ выраженіе, которымъ можно воспользоваться для отвѣта и на этотъ—практически чрезвычайно трудный вопросъ.

№ 51 очень сложенъ по содержанію. Оедька Ивановъ, поступившій уже въ бобыли къ князю Ив. Елецкому, бьетъ ему челомъ во крестьяне, на крестьянскій участокъ, и по этому поводу говорить: „А пока мѣста я, Оетка, за нимъ, за князь Иваномъ, живу въ бобыляхъ... и пойду отъ него, князя Ивана, изъ двора, и мнѣ, Оеткѣ, давать

на всякъ годъ зъ бобылства по полтинѣ денегъ оброку за пашенное и за всякое ево дѣло“. Это все объясняетъ.

Оброкъ является здѣсь только въ видѣ неустойки на тотъ случай, когда бобыль уйдетъ со двора господина и перестанетъ на него работать. Теперь понятно. Итакъ, условіе объ оброкѣ, который бобыль обязывается платить, въ дѣйствительности есть только предоставленіе господину права, въ случаѣ ухода бобыля, требовать съ него ежегодной платы! Это неустойка, но въ формѣ чрезвычайно невыгодной для бобыля. Она даетъ господину право сдѣлать изъ бобыля все, что угодно: онъ можетъ заставить его работать, а можетъ и на оброкъ посадить, а можетъ требовать и того и другого.

Надо думать, что на такихъ условіяхъ въ бобыли поступали очень бѣдные люди.

Но въ бобыли поряжаются и мастеровые. Въ 1649 году къ Бог. Ив. Самарину порядился въ бобыли Ив. Ивановъ, портной мастеръ. Его порядная интересна въ томъ отношеніи, что въ ней приняты нѣкоторыя мѣры къ огражденію правъ бобыля. Онъ обязывается „за оброкъ“ шить четыре недѣли въ году, съ Покрова Богородицы, на Самарина и его сына. Оброкъ здѣсь замѣненъ работой и совершенно опредѣленной не только по роду и времени, но даже и по лицамъ, въ пользу которыхъ работа совершается: онъ шьетъ только на Самаринныхъ, отца и сына. Затѣмъ бобыль выговариваетъ себѣ свободу промыслять, гдѣ желаетъ „рукодѣліемъ портнаго мастерства“. № 45. И здѣсь не сказано, за что онъ будетъ четыре недѣли работать на Самарина. Но ясно, что и онъ работаетъ вмѣсто оброка, т. е.—если не будетъ работать, то долженъ будетъ платить оброкъ. Оброкъ—опять неустойка.

Порядная другого портного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плотника, написана безъ всякихъ оговорокъ какихъ-либо его правъ: онъ обязывается и оброкъ платить и всякое сдѣлье съ бобылями дѣлать. № 36.

Вотъ что такое московскіе бобыли. Это слуги, находящіеся въ худшемъ положеніи, чѣмъ кабальные люди. Но есть и черта сходства между ними. Кабальные, въ силу указовъ конца XVI вѣка, остаются въ зависимости только по смерти господина. Тоже и бобыли. Они даютъ „бобыльскую оброчную запись“ извѣстному лицу и, конечно, со смертью его освобождаются отъ принятыхъ обязательствъ. Тутъ нѣтъ займа, а потому нѣтъ и основанія оставаться въ зависимости отъ наслѣдниковъ.

Надо теперь выяснитъ, что же заставляетъ московскихъ бобылей

ставить себя въ такія тяжелыя условія? Причины этому разныя, по различію людей, поступающихъ въ бобыли. Въ бобыли поступаютъ бѣдные люди, которымъ пить, ѣсть нечего;—и не бѣдные, напри- мѣръ, ремесленники, которые могутъ себя прокормить. Бѣдные люди, по безвыходности своего положенія, поступаютъ на полную волю госпо- дина. Но они сами выбираютъ господина; они знаютъ, къ кому по- ступаютъ; они, стало быть, имѣютъ увѣренность, что за избраннымъ господиномъ имъ будетъ все же лучше, чѣмъ на свободѣ. Вотъ по- чему они и отдаются на всю его волю.

Въ другомъ положеніи ремесленные и мастеровые люди. За что они продаютъ свою свободу? Какъ люди ремесленные, а не пашенные крестьяне, они принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ какому-нибудь рядку, посаду, городу и должны нести всѣ повинности наряду съ посадскими, денежныя и натуральныя; эти послѣднія повинности, со- стоявшія въ службахъ по кабацкимъ таможеннымъ дѣламъ и пр., были очень обременительны. Поступая на службу частнаго господина, бо- были не освобождаются отъ платы государевыхъ податей и, какъ мы видѣли, въ своихъ записяхъ берутъ на себя обязанность пла- тить ихъ по раскладкѣ, но они уходятъ отъ службъ. Вотъ за что, надо думать, портной Иванъ Ивановъ принимаетъ на себя обязан- ность работать на гг. Самариныхъ четыре недѣли въ году. Осталь- ное время у него все свободно; его не пошлютъ ни въ рогаточные сторожа, ни въ кабацкіе цѣловальники, ни въ таможни, ни въ про- водники съ подводами и т. д. потому, что онъ живетъ въ бобыляхъ въ господскомъ дворѣ.

Мы имѣемъ еще одинъ удивительнѣйшій документъ. „Три посад- скихъ человѣка города Ярославля поручились въ томъ, что бобыль стряпчаго Лар. Андр. Адищева, Ѳома Матвѣевъ, будетъ, за ихъ по- рукою, жить въ Ярославлѣ, никуда не съѣдетъ, ни за кого не зало- жится, а господину своему (Адищеву) будетъ платить по шести рублей оброку въ годъ“ № 65. Онъ будетъ платить за то, что будетъ жить въ Ярославлѣ! Чистѣйшій обходъ закона и ничего больше. Бобыль Ѳома Матвѣевъ будетъ жить въ Ярославлѣ, дѣлать все, что ему угодно, но какое онъ будетъ тянуть тягло и по какой раскладкѣ будетъ пла- тить государевы подати, это не будетъ зависѣть отъ ярославцевъ, потому что онъ бобыль Адищева. Вотъ за что онъ будетъ платить стряпчему Адищеву шесть рублей ежегодно. Надо полагать, въ этомъ бобыльствѣ скрывается запрещенный институтъ закладничества.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ барщины, которая

въ XVII вѣкѣ должна была сдѣлать большіе успѣхи, было положено начало къ совершенному смѣшенію крестьянъ съ бобылями: бобыль пашеть на господина и крестьянинъ дѣлаетъ то же. Послѣдствіемъ этого явились порядныя въ бобыли и въ крестьяне безразлично. Въ 1645 году архіепископскій стряпчій „положилъ передъ владыкой порядную запись и поставилъ за записью жонку, вдову съ дѣтьми, и сказалъ: та вдова съ дѣтьми порядилась жить въ Троицкой вотчинѣ въ бобыляхъ или во крестьянѣхъ, гдѣ ей великій господинъ преосвященный псковскій и изборскій укажетъ“ № 34, 1645. А вотъ еще документъ. Старинный крестьянинъ рядится на старую свою деревню въ бобыли и обязывается пашню пахать, пожни косить, подати государевы платить и т. д., все, какъ крестьянинъ. А въ концѣ говоритъ: „и впредь я въ бобыльствѣ и во крестьянствѣ крѣпокъ“ № 18, 1630. Въ силу развитія господской власти уже въ половинѣ XVII вѣка теряется различіе между крестьяниномъ и бобылемъ: господинъ можетъ сдѣлать изъ бобыля крестьянина, а изъ крестьянина бобыля. А такъ какъ непашенные люди подати платятъ не съ сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переписи выгодно показывать крестьянъ бобылями. Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 года предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертную пашню „кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити“. Неволинъ, Приложение 375.

Московское бобыльство оказывается явленіемъ весьма сложнымъ. Почему же новгородскіе писцы XVI вѣка стали такъ называть поземщиковъ? Надо думать, что въ жизни между тѣми и другими были черты сходства. Юридически это два совершенно разныхъ состоянія: поземщики нанимаютъ небольшіе клочки земли, московскіе бобыли суть слуги, они обязываются ко всякимъ услугамъ и къ платежу оброка. Бѣдные новгородскіе поземщики, жившіе въ господскихъ деревняхъ, по всей вѣроятности, нанимались въ работы сельскія и всякія другія къ владѣльцамъ земли. Эти работы дѣлались по особому договору, а не въ силу того, что поземщики снимали небольшіе участки земли, но тѣмъ не менѣе они работали на господина. Вотъ фактъ, сближающій поземщиковъ съ московскими бобылями. Въ виду такого чисто внѣшняго сходства, московскіе писцы и примѣняли къ непашеннымъ людямъ терминъ бобылей.

Наконецъ, укажемъ и на то, что въ XVII вѣкѣ слово бобыль

употреблялось и въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ бѣдняка, которому ѣсть нечего. О такомъ бобылѣ говорятъ дозорныя книги Деревской пятины 1620 г., онъ „кормился въ мірѣ“¹⁾.

Выяснивъ положеніе бобылей въ XVII вѣкѣ, остановимся ближе на двухъ-трехъ записяхъ писцовыхъ книгъ XVI-го. Изъ нихъ можно видѣть, что бобыли XVII вѣка существовали въ Новгородѣ и въ Москвѣ уже въ XVI. Въ описаніи сельца Гористова, гдѣ жили сами помѣщики, братья Шишкины, читаемъ: „А бобылей: дворъ человѣкъ ихъ, дьякъ Семенка, дворъ Ивашко поваръ, безъ пашни“. Что это за бобыли? Это несомнѣнно прислуга Шишкиныхъ, ихъ дьякъ и поваръ; но они не рабы, а свободные люди, бобыли; полагать надо, они поступили въ бобыли, дали на себя оброчную бобыльскую запись. У помѣщика Пустошкина также въ деревнѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, были 2 двора „людей его: дворъ человѣкъ его Васюкъ, дворъ Власка бобыль“. Люди—это холопы, человѣкъ Васюкъ—холопъ; Власка же отмѣченъ эпитетомъ бобыль, онъ, слѣдовательно, не холопъ, а служить по бобыльской записи; но такъ какъ онъ „слуга“, то писцы и его отнесли къ разряду „людей“ помѣщика.

Въ описи села великаго князя Семена Бекбулатовича Тверского, гдѣ онъ самъ жилъ, читаемъ: „за ручьемъ пять дворовъ: сокольника, мельника, тонкопрядицы, конюха, разсылщика, а живутъ въ крестьянскихъ дворѣхъ, а пашня тѣхъ дворовъ была припущена въ великаго князя пашню“. Это тоже непашенные люди; они бобылями не названы, но они тоже слуги великаго князя, хотя и не были его холопами.

¹⁾ У Неволіна, 369.

Непашенные дворы бобылей упоминаются еще и въ описяхъ XVII вѣка. И. Н. Миклашевскій дѣлаетъ извлеченіе изъ описи Успенскаго монастыря (1652), въ которой упоминаются „58 дворовъ непашенныхъ бобылей“ и въ ихъ числѣ дворы: иконника, чеботарей, гончаровъ, кожевниковъ, бондарей, овчинника и даже мясника, 135. Трудно сказать, кто это, непашенные люди въ смыслѣ поземщиковъ, или московскіе бобыли-слуги. Скорѣе послѣднее. Но въ описяхъ даже конца XVII вѣка можно встрѣтить бобылей совершенно въ смыслѣ новгородскихъ поземщиковъ конца XV. Въ переписной книгѣ Толвуйскаго погоста 1671 года читаемъ: „Деревня Николщина, а въ ней живутъ бобыли непашенные (2 двора), пашни нѣтъ, кормятся работою“. Явленія новгородскаго быта конца XV вѣка безъ всякихъ измѣненій доживаютъ до конца XVII. Московскіе писцы называютъ ихъ только своимъ словомъ, это бобыли, а въ старину писали непашенные люди. А. до Ю. Б. № 139, стр. 242. Приведенное свидѣніе беремъ изъ описи земель Никольскаго Вязицкаго монастыря, которыя въ 1671 г. были конфискованы на великаго государя. Конфискація новгородскихъ земель продолжается и въ концѣ XVII вѣка.

На какомъ же основаніи они служатъ? Можно думать, тоже по бобыльской записи ¹⁾. Въ описи Шелонской пятины конца XVI вѣка (1581) находимъ свидѣтельство о томъ, что на монастырской землѣ было дворцовъ безпашенныхъ 24 двора, что они даютъ оброку съ дворца по гривнѣ, а дѣлаютъ въ монастырь пять дней въ году. Здѣсь и оброкъ и дѣло, какъ въ XVII вѣкѣ, но дѣло очень небольшое. Эти бобыли гораздо ближе къ поземщикамъ XV вѣка, чѣмъ къ московскимъ бобылямъ XVII. Неволинъ, Приложение 116.

Для пополненія этой небольшой картины стариннаго сельскаго хозяйства, необходимо остановиться нѣсколько ближе на его дѣятеляхъ. Мы уже знаемъ, что собственное хозяйство новгородцевъ и, въ значительной мѣрѣ, новыхъ владѣльцевъ—велось, главнымъ образомъ, руками холоповъ. Что такое холопы и каково ихъ положеніе, объ этомъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь насъ интересуетъ вопросъ о числѣ холоповъ и ихъ деревенской дѣятельности. Новгородскіе сведенные бояре и бояришки увели съ собою въ Москву своихъ людей, а потому писцовыя книги не сохранили свѣдѣній ни о числѣ ихъ, ни о дѣятельности. Описывая старое, они говорятъ коротко: „жилъ такой-то съ своими людьми“, или „на такого-то пахали его люди“, да, при перечисленіи стараго дохода, приводятъ доходъ ключниковъ, вотъ и все. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ они о людяхъ новыхъ владѣльцевъ. Мы имъ и воспользуемся; существенныхъ различій тутъ быть не можетъ.

Наша древность отличается чрезвычайно незначительнымъ развитіемъ рабства. Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на это явленіе. Московскіе князья, умирая, обыкновенно, отпускаютъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ. Фактъ невозможный, если бы богатство князей обуславливалось рабскимъ трудомъ. Не отличается большимъ развитіемъ и рабство у частныхъ владѣльцевъ. Весьма нерѣдко весь холопскій составъ хозяйства новгородскихъ помѣщиковъ ограничивается однимъ—двумя дворами. Если считать на дворъ по 4 человѣка, получимъ на хозяйство отъ 4 до 8 холоповъ, считая стариковъ и дѣтей. Иногда число людскихъ дворовъ возрастаетъ до 5, 6, 8. У князя Семена Пріимкова было 6 дворовъ, у князя Ивана Пужбальскаго—8, у князя Дмитрія Пріимкова тоже 6, но это въ двухъ мѣстахъ, да у сыновей его, Баламута да Воина, по одному

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, IV 316, 407; ср. еще 257, 408, 430; Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, II 360.

двору. Такъ не великъ составъ холоповъ даже у лицъ княжескихъ фамилій.

Право имѣть холопа принадлежало всякому свободному, и мы встрѣчаемъ холоповъ не только у помѣщиковъ, но у посадскихъ и даже у крестьянъ. Въ Шелонской пятинѣ у помѣщиковъ Самариныхъ Квашниныхъ, Григорія и Степана Ивановичей, была деревня Песцово, въ два двора, въ одномъ дворѣ жилъ крестьянинъ Ивашко Якимовъ, а въ другомъ *его человекъ*, Митка. Но если у самихъ помѣщиковъ людей было немного, то у крестьянъ это случай чрезвычайно рѣдкій. Онъ встрѣчается, однако, и на Московской территоріи въ XVI вѣкѣ. Въ черной волости Тверскаго уѣзда была деревня Якимцово въ 4 двора, въ одномъ жилъ крестьянинъ Бориско, а въ другомъ „*Борисковы люди*“.

Это небольшое число слугъ было призвано къ самой разнообразной дѣятельности. Они служили въ домѣ господина, вели его переписку, управляли его деревнями, они же пахали, сѣяли, косили. У помѣщика Сома Линева въ числѣ слугъ были: дьякъ, поваръ, садовникъ. Къ сожалѣнію, такія отмѣтки писцовъ очень рѣдки. Можетъ быть, они скупы на нихъ потому, что въ описываемое время не было специализаціи должностей. Дьякъ, поваръ, садовникъ не только дѣлали свое дѣло, писали, разводили сады, стряпали, но въ рабочую пору пахали и косили. О перечисленныхъ трехъ именно сказано: „сѣютъ ржи на Сома 14 коробей“. Въ числѣ холоповъ были, конечно, и люди годные только для сельскихъ работъ; они отмѣчаются словомъ „страдникъ“, но и это не часто ¹⁾.

Самое высокое положеніе среди слугъ занимали ключники, они же поселскіе, а иногда называются и тивунами. Ключники и тивуны извѣстны уже Русской Правдѣ. По общему правилу это несвободные люди. Они назначаются для сбора доходовъ съ крестьянъ, храненія сельскихъ продуктовъ и другихъ хозяйственныхъ дѣйствій. Живутъ они въ особыхъ дворахъ, нерѣдко пашенныхъ, и занимаются сельскимъ хозяйствомъ, но на себя, а не на господина. Они не облагаются никакимъ сборомъ въ пользу господина, а за свой трудъ по управленію получаютъ съ крестьянскихъ дворовъ особый доходъ. Нѣкоторые владѣльцы имѣли только одного управляющаго, ключника

¹⁾ I 27, 56, 88, 107, 118, 131, 194, 252, 263, 285, 353, 358, 470, 546, 574; II 19, 30, 43, 198; III 725; IV 437; Времен. XII 13. Дьяконовъ, Акты II № 70, 1642. Холопы называются страдниками и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ. Калачовъ II 126.

или посельскаго, другіе и ключника и посельскаго. Ключникъ, надо думать, стоялъ въ этихъ случаяхъ выше, у него—ключи; посельскій, можетъ быть, былъ нуженъ для разъѣздовъ по деревнямъ—и сбора повинностей на мѣстахъ. Доходъ этихъ управителей былъ очень различенъ. У новгородца Григ. Секерина ключникъ получалъ съ двора съ большимъ посѣвомъ 2 бараньихъ лопатки и 2 овчины, съ меньшимъ по одной; у купцовъ Шалимовыхъ ключникъ и посельскій получали съ большихъ посѣвовъ — по 1 и $\frac{3}{4}$ коробыи ржи и овса, по 4 сыра, по 2 бараньихъ лопатки, по 4 горсти льну.—Въ описяхъ встрѣчается немало деревень, въ которыхъ этотъ доходъ вовсе не показанъ. Вѣроятно, тамъ не было ни ключниковъ, ни посельскихъ; а, можетъ быть, крестьяне исключали въ своихъ рядныхъ этотъ расходъ. Иногда прямо пишется „поселья нѣтъ“.

Ключники и посельскіе, гдѣ они были, не непременно назначались въ каждую волость, ихъ назначали и одного на нѣсколько волостей. Въ такихъ случаяхъ для нихъ устраивались особые дворы для пріѣзда ¹⁾.

Малое развитіе рабства дѣлало необходимой ту фермерскую систему хозяйства, которая была у насъ въ древности преобладающей. За небольшимъ исключеніемъ 2—3 деревень, всѣ земли сдавались въ наемъ крестьянамъ. Наряду съ свободными людьми, которые вели полное крестьянское хозяйство, были и такіе, которые довольствовались наймомъ небольшихъ участковъ земли подъ дворы и огороды и кормили себя торговлей, ремеслами и промыслами. Живя въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ, гдѣ жили и землевладѣльцы, они своимъ трудомъ и услугами пополняли недостаточно развитой рабскій трудъ. Это поземщики и бобыли. Поземщики работали въ качествѣ наймитовъ. Наймиты извѣстны уже Русской Правдѣ. Она называетъ ихъ закупнами.

Крестьяне, которые снимали чужія земли, также нуждались иногда въ помощникахъ. Они тоже могли обращаться къ рабскому труду, но это очень рѣдкіе случаи. Гораздо чаще находимъ указанія на обращеніе ихъ къ труду свободныхъ людей, которые сами не были въ состояніи вести своего самостоятельнаго хозяйства. Эти свободные люди, работавшіе въ чужомъ хозяйствѣ, встрѣчаются въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ подъ именемъ захребетниковъ.

¹⁾ I 26, 641, 708, 484, 851; III 28; Времен. XI 132.

Терминъ „захребетника“ чрезвычайно выразителенъ. Онъ указываетъ на человѣка не самостоятельнаго, а живущаго за чужимъ хребтомъ. Но что такое этотъ чужой хребетъ? Это символъ человѣка, который живетъ своимъ хребтомъ, т. е. гнетъ спину на работѣ, живетъ трудами рукъ своихъ. Это крестьянинъ или поземщикъ, но не своеземецъ, который живетъ доходомъ съ земли, не прикладывая къ ней рукъ. Согласно съ этимъ мы встрѣчали захребетниковъ только у крестьянъ да поземщиковъ, а не у помѣщиковъ. Смотря по достатку крестьянина, захребетникъ его живетъ или въ одномъ съ нимъ дворѣ или въ особомъ. Но не всегда крестьянинъ, нуждавшійся въ подспорномъ трудѣ, былъ въ состояніи имѣть своего отдѣльнаго захребетника. Не рѣдки случаи, когда нѣсколько дворовъ имѣютъ одного общаго захребетника. Въ такихъ общихъ захребетникахъ надо видѣть несомнѣнное указаніе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. Эти общіе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ ¹⁾).

Захребетники, конечно, жили у крестьянъ по поряднымъ; они тоже наймиты. Но ни одна изъ такихъ порядныхъ не дошла до насъ, а потому условія ихъ найма остаются неизвѣстными.

Кромѣ захребетниковъ встрѣчаемъ еще подворниковъ. Это что-то очень пестрое. Они были и у крестьянъ, и у своеземцевъ, и у помѣщиковъ.

Подворники крестьянъ, надо думать, то же, что захребетники, только иначе названы. Они живутъ и въ однихъ дворахъ съ крестьянами и въ особыхъ, и состоятъ при одномъ хозяинѣ и при многихъ. Въ монастырской волосткѣ была деревня Захаровъ Дворъ. Въ этой деревнѣ было два двора, Васки Якушова да Ѳедки Захарова, и у нихъ пять подворниковъ, которые жили съ ними въ однихъ дворахъ. Ѳедоръ Захаровъ, конечно, устроитель деревни, которая по его имени и названа; Василій Якушовъ—его товарищъ. Они ведутъ общее хозяйство и довольно большое, у нихъ 98 пудовъ посѣва ржи, это составитъ для Деревской пятины отъ 8 до 12 десятинъ въ полѣ. Ихъ подворники, конечно, у нихъ работаютъ по найму, это тѣ же захребетники.

¹⁾ I 2, 10, 18, 42, 52, 53, 56, 64; II 707, 725, 728, 771; IV 162. Обыкновенно, писцы, назвавъ дворъ крестьянскій или нѣсколько дворовъ, продолжаютъ такъ: „а захребетникъ его“ или „а захребетникъ ихъ“. Но иногда захребетникъ называется безъ обозначенія чей онъ. Это, конечно, недописка. Захребетникъ всегда у кого-либо за хребтомъ.

Съ такимъ же характеромъ являются подворники и у нѣкоторыхъ своеземцевъ, напримѣръ, въ деревнѣ Исаково живутъ своеземцы Аверкіевы, 4 брата, въ одномъ дворѣ, а другой дворъ занимаетъ ихъ подворникъ, Палка, сѣютъ они ржи 11 коробей. Ихъ подворникъ, конечно, сѣетъ на нихъ. Но есть своеземцы, у которыхъ подворники пашутъ на себя и даютъ своеземцамъ доходъ, какъ и крестьяне. Есть монастырскіе дворы, въ которыхъ живутъ подворники и сѣютъ на себя; другіе подворники живутъ въ помѣщичьихъ дворахъ и своеземцевыхъ и платятъ имъ поземъ ¹⁾).

Связать всѣ эти факты въ одно цѣлое довольно трудно. Но кое-что ясно. У крестьянъ подворникъ только другое названіе для захребетника. Почему захребетнику можно дать это другое названіе? Захребетникъ, хотя бы онъ жилъ и въ особомъ дворѣ, работаетъ на своихъ хозяевъ не только въ полѣ, но и въ ихъ дворѣ, работаетъ у нихъ по двору, отсюда онъ подворникъ.

Подворники своеземцевъ и помѣщиковъ, которые сѣютъ, пашутъ и даютъ доходъ и поземъ, могутъ быть поряжаемы и къ работамъ по двору, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ и поземщиковъ въ собственномъ смыслѣ слова; по этому признаку они и могутъ называться подворниками ²⁾).

Рядныя подворниковъ до насъ тоже не дошли.

¹⁾ I 13, 37, 215, 345, 681, 808, 810 и сл.; II 600.

²⁾ Отъ подворниковъ надо различать дворниковъ. Эти послѣдніе встрѣчаются въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи городовъ, но не селъ и деревень. Для уясненія ихъ роли характерно описаніе города Орѣшка. Тамъ есть дворы своеземцевъ на посадѣ, въ которыхъ живутъ сами своеземцы. Въ этихъ дворахъ дворниковъ нѣтъ. А есть тамъ же 19 дворовъ своеземцевыхъ же, но своеземцы въ нихъ не живутъ, они, по всей вѣроятности, живутъ въ деревняхъ; въ этихъ дворахъ живутъ дворники. Итакъ, эти дворники XV вѣка совсѣмъ не то, что петербургскіе XIX-го. Они не для работъ по двору, а живутъ во дворѣ и охраняютъ этотъ дворъ въ отсутствіе хозяина. Кто они? Они могутъ быть и холопы и свободные. При маломъ развитіи рабства, они въ большинствѣ случаевъ свободные люди. А житіе свободныхъ промышленныхъ людей въ чужихъ городскихъ дворахъ можетъ подрывать промыслы тѣхъ кто живетъ въ своемъ домѣ. Они могутъ выдавать себя за зависимыхъ людей, за работъ, и не отбывать городского тягла. Вотъ почему объ этихъ дворникахъ въ писцовыхъ книгахъ говорится: „а дворники съ горожаны тянутъ“. Времен. XI 113. Новог. пис. кн. I ст. 153 упоминаетъ дворника въ волости великаго князя въ старомъ боярскомъ дворѣ. Это мѣсто не ясно. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминаются дворники въ монастырскихъ дворахъ въ деревняхъ. Калачовъ II 328. Это то же, что Орѣховскіе дворники.

Можно сомнѣваться, чтобы въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ были обозначены всѣ захребетники и подворники, которые были въ дѣйствительности. Точному обозначенію количества населенія деревни писцами, кажется, не придавалось значенія. Въ опись деревни входитъ описаніе дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ, количества посѣва, обожъ, дохода владѣльца, а не населенія деревни, которое коротко представляется наименованіемъ однихъ домохозяевъ. При такомъ характерѣ описи, не было особой надобности вводить въ нее захребетниковъ и подворниковъ, особенно тѣхъ, которые жили въ однихъ дворахъ съ хозяевами. Въ дѣйствительности и захребетниковъ и подворниковъ, надо думать, было больше, чѣмъ въ книгахъ указано.

Обращеніе крестьянъ къ вольнонаемному труду можно наблюдать и въ XVII вѣкѣ. Изъ одной псковской порядной въ бобыли, составленной въ 1628 году, узнаемъ, что „мужикъ“, порядившійся въ бобыли, жилъ передъ тѣмъ нѣкоторое время у крестьянина. Какъ же онъ у него жилъ? Конечно, какъ захребетникъ или подворникъ¹⁾.

Теперь хорошо было бы выяснить доходность новгородскихъ имѣній и тягость или относительную легкость крестьянскихъ платежей. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи этого сдѣлать. Мы указывали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV-го вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ не достаточно убѣдительными²⁾.

Крестьянскія повинности были чрезвычайно неравномѣрны. Даже у одного и того же владѣльца и въ одной и той же мѣстности одни крестьяне платили много, другіе, при томъ же количествѣ земли, мало: однимъ было тяжело, другимъ легко. Эта разрозненность крестьянскихъ интересовъ, можетъ быть, и была причиной, что до насъ не

¹⁾ Дьяконовъ, Акты I № 7.

²⁾ См. объ этомъ статью проф. Ключевского, Русский рубль XVI — XVIII вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему. Чтенія за 1884 г. кн. 1.

дошло отъ того времени никакихъ жалобъ на тягость крестьянскихъ повинностей. По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту я не могу припомнить никакихъ данныхъ въ этомъ смыслѣ.

Недовольство же землевладѣльцевъ своимъ положеніемъ оставило свой слѣдъ въ лѣтописныхъ запискахъ конца XV вѣка, т. е. какъ разъ того времени, когда составлялись новгородскія писцовыя книги. Но оно было высказано не новгородцами, а ихъ ближайшими сосѣдами, псковичами.

Въ 1485 году въ Псковѣ произошло острое столкновение между крестьянами (смердами) и землевладѣльцами. Изъ разсказа лѣтописца объ этомъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, можно, однако, вывести, что причиной столкновения было желаніе землевладѣльцевъ установить урочныя работы, т. е. барщину. Надо думать, что имѣлось въ виду опредѣлить эти работы общимъ постановленіемъ и дать крестьянамъ „урокъ“, т. е. законное опредѣленіе. Противъ этого возстали крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ были схвачены, биты, одинъ, а можетъ быть и болѣе, казнены, многіе заключены въ тюрьму. Въ это столкновение, по вызову псковичей, долженъ былъ вмѣшаться самъ князь великій, Иванъ Васильевичъ. Онъ выслушалъ обѣ стороны и рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ. Посламъ отъ бояръ онъ высказалъ свое неудовольствіе, велѣлъ имъ схваченныхъ смердовъ отпустить и „жить по старинѣ“. Жить по старинѣ—т. е. безъ урочныхъ работъ, а такъ, какъ жили въ Новгородѣ и вездѣ.

Что введеніе урочныхъ работъ, т. е. барщины, было поводомъ къ столкновению, это мы выводимъ изъ слѣдующаго невѣроятнаго разсказа лѣтописца. Послѣ того, какъ великій князь „отдалъ псковичамъ вины ихъ о смердахъ, нелюбье отложилъ и велѣлъ жить по старинѣ“, вотъ какой случай, по разсказу лѣтописи, произошелъ во Псковѣ.

„И потомъ, по малѣ времени, прилучися нѣкому попу у Норовскихъ смердовъ чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю данъ даяти и Пскову и всякіи работы урочныи по той грамотѣ имъ знати; а о той грамотѣ смердьи всей земли смятенье бысть, что они, потаивши грамоти, не потягнуша на своя работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому, и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смердь исторже у попа изъ рукъ и скры“. Вслѣдствіе этого поповскаго открытія законченное было столкновение бояръ со смердами снова разгорѣлось.

Что псковичи не знали, „како отъ начала бысть“, т. е., каковы были старинныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, это, конечно, дѣло невозможное. Весь этотъ рассказъ—есть сочиненіе сторонника боярской партіи, желавшей установить барщину. Но съ какою цѣлью надо было сочинить такой невѣроятный рассказъ? Это очень ясно. Великій князь, выслушавъ крестьянъ и увидавъ, что требованіе землевладѣльцевъ есть новшество, велѣлъ жить по старинѣ. Сторонники урочныхъ работъ захотѣли доказать, что барщина есть старина. Отсюда—открытіе „нѣкоего попа“, имѣющее цѣлью доказать, что урочныя работы существуютъ „изъ вѣковъ вѣчныхъ по грамотѣ“. Только эта грамота въ руки не далась, смердъ ее изорвалъ. Объ открытіи „нѣкоего попа“ все-таки было доведено до свѣдѣнія великаго князя. Но онъ остался при прежнемъ мнѣніи. „И князь великій, ярымъ окомъ воззрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на то же наступаете“? ¹⁾). Тѣмъ и кончилось это столкновение. Время для всеобщей барщины еще не наступило.

Съ установленіемъ обязательной службы для своеземцевъ и вотчинниковъ и съ точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ этой службы, особенно сильно должны были почувствоваться землевладѣльцами неудобства описанныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Свои люди оказались нужными не только для пашни, работъ и услугъ по дому, но и для сопровожденія въ походахъ; а ихъ и для одного хозяйства было не много. Далѣе, фермерская система пользованія землями была менѣе выгодна, чѣмъ барщинная, но перейти на барщину, при свободномъ крестьянствѣ, не зависѣло отъ воли землевладѣльца. У кого было много земель, тотъ могъ легко справиться съ своими служебными обязанностями; но людямъ мало-земельнымъ приходилось очень тяжело. Такое положеніе дѣлъ должно было вызывать жалобы на недостатокъ рукъ, на неудобства свободного перехода крестьянъ и стремленіе къ его ограниченію и совершенной отмѣнѣ. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ большимъ деревнямъ съ барщиннымъ хозяйствомъ могъ быть желателенъ и для крупныхъ собственниковъ, но особенно стремиться къ нему должны были мелкіе владѣльцы.

¹⁾ Псков. II 1485. Мы имѣли уже случай коснуться этого столкновения въ I т. Древностей, но съ другими цѣлями; сдѣланную тамъ мимоходомъ на стр. 167 характеристику этого столкновения надо исправить согласно сказанному теперь въ текстѣ.

Этотъ мотивъ прикрѣпленія крестьянъ ясно слышится въ указахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ ограниченіяхъ крестьянской свободы. Въ указѣ царя Василя Шуйскаго читаемъ: „Царь Федоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ“¹⁾. „Старѣйшіе бояре“ были, значить, про-

¹⁾ Карамзинъ первый высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого указа „по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени“. Х пр. 349. Но это сомнѣніе не мѣшало ему вмѣстѣ съ Татищевымъ признавать отмѣну правительствомъ Юрьева дня и именно въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Погодинъ, приписывая отмѣну Юрьева дня обстоятельствамъ, а не Борису, допускаетъ возможность указа, но вступленіе къ нему считаетъ подложнымъ. *Рус. Бесѣда*, 1858, № 129. Вотъ это вступленіе:

„Лѣта 7115 (1607) марта въ 9 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всемъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинялися великія кромы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный; а царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начались многія вражды, кромы и тяжи. Царь Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ въ томъ учинились распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя, и многіе разбои, и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются“. Судебникъ по рукописи Татищева, стр. 240.

Таковъ докладъ Помѣстнаго приказа, а далѣе слѣдуетъ царскій приговоръ, но не въ духѣ доклада: запрещеніе Юрьева дня, причина столькихъ бѣдствій, не только не отмѣняется, но для сыска крестьянъ назначается болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ тотъ, какой былъ прежде, а именно—15 лѣтъ.

Противникомъ Карамзина и Погодина выступилъ Костомаровъ и превосходно разъяснилъ неосновательность сомнѣній и полную недоказанность мнѣнія о подлогѣ вступленія. Въ этой же статьѣ авторъ приводитъ рядъ совершенно вѣрныхъ соображеній о томъ, что указъ 1597 года о пятилѣтней давности сыска бѣглыхъ крестьянъ непремѣнно предполагаетъ отмѣну Юрьева дня. Архивъ истор. и практич. свѣдѣній, 1859, кн. II. Мы вполне присоединяемся къ его мнѣнію и очень сожалѣемъ, что эта превосходная статья имѣла такъ мало вліянія на послѣдующую литературу. Незамѣтно даже, чтобы сторонники противоположнаго мнѣнія, въ такомъ обиліи появившіеся въ концѣ XIX вѣка, были хорошо съ нею знакомы.—Языкъ указа 1607 г., дѣйствительно, можетъ быть подновленъ и испорченъ. Но противорѣчіе доклада указу ничего не говоритъ противъ подлинности какой-либо части памятника. Докладъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ и есть мнѣніе его членовъ. Указъ же выражаетъ волю государя, который могъ руководствоваться совершенно иными соображеніями. Не повторяя такъ хорошо сказаннаго Костомаровымъ, прибавимъ только одно соображеніе.

тивъ запрещенія свободы выхода; могли быть противъ этой мѣры и всѣ находившіеся въ ихъ положеніи, т. е., всѣ сильные люди. Въ чью же пользу были закрѣплены крестьяне? Въ пользу мелкихъ служилыхъ людей, которые составляли ядро войска. Собственный голосъ этихъ мелкихъ служилыхъ людей ясно слышится въ указѣ 1642 года. Въ ихъ челобитьи отъ 1641 года написано: „Бѣгаютъ изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовые и въ черныя волости и села, и въ боярскія помѣстья и вотчины, и въ патріарши, и въ митрополичьи, и въ архіепископьи, и въ епископьи, и въ Троицкіе и въ иныхъ разныхъ монастырей, и за бояръ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за дворянъ московскихъ, и всякихъ чиновъ

Если Погодинъ утверждаетъ, что вступленіе есть актъ подложный, то, надо думать, оно написано не членами Помѣстнаго приказа, а какими-либо другими лицами. Совершая этотъ подлогъ, составители вступленія, конечно, не шутили, писали не для забавы, а для достиженія какой-либо выгодной для нихъ цѣли. Съ какой же цѣлью они совершили этотъ подлогъ? Что есть во вступленіи такого, что могло бы имѣть практическое значеніе и вести къ достиженію какого-либо интереса для учинителей подлога? Составители доклада весьма настаиваютъ на ябедахъ, насиліяхъ, враждѣ, тяжбахъ, убійствахъ и разореніяхъ, причиняемыхъ „переходомъ крестьянъ“, т. е., существующими правилами о переходѣ. Эти указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что они не были сторонниками послѣднихъ правилъ, имъ не нравилась отмѣна Юрьева дня, и только. Что отмѣна Юрьева дня могла быть причиной волненій и безпорядковъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но какая можетъ быть преступная цѣль въ утвержденіи всѣмъ извѣстнаго факта? И придумать нельзя. Далѣе, они утверждаютъ, что волненіе, вызванное отмѣной Юрьева дня, вынудило Бориса дать переходъ, но не всѣмъ. Это частичное возстановленіе перехода повело, по ихъ мнѣнію, еще къ большимъ замѣшательствамъ, и судьи не знали, какъ рѣшать возникающія изъ указовъ Бориса тяжбы. Что Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 году переходъ крестьянъ, это подтверждается его указами; что эти указы произвели на практикѣ замѣшательство, это весьма вѣроятно, такъ какъ въ новыхъ указахъ Бориса дѣйствительно не легко было разобраться. Здѣсь опять нѣтъ никакого преступнаго умысла, который объяснилъ бы необходимость подлога. Остается ссылка на Бориса, утверждающая, что онъ провелъ отмѣну Юрьева дня, не обращая вниманія на мнѣніе старѣйшихъ бояръ. И въ этомъ невозможно видѣть побужденія къ подлогу. Убѣдилъ Борисъ царя Ѳедора отмѣнить Юрьевъ день или нѣтъ, это совершенно безразлично для составителей подложнаго вступленія. Ссылкой на этотъ фактъ не достигаются рѣшительно никакія цѣли—ни добродѣтельныя, ни преступныя. И такъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать, что вступленіе есть актъ подлога, для такого дѣйствія обстоятельства дѣла не представляютъ ни малѣйшей почвы. Остается думать, что оно написано членами Помѣстнаго приказа и содержитъ въ себѣ совершенно достовѣрные факты. Всѣ приведенные въ немъ факты дѣйствительно вѣрны, и члены Помѣстнаго приказа, сочувствующіе свободѣ перехода, дѣйствительно могли ихъ привести, чтобы побудить царя къ соответствующей мѣрѣ. Но это имъ не удалось.

за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, на льготы. И тѣ многіе помѣщики и вотчинники и монастыри ихъ бѣглымъ людямъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строятъ, а ихъ помѣстья и вотчины стѣ того ставятся пусты. И тѣжъ ихъ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы и надѣясь на тѣхъ *сильныхъ* людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ за тѣхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и дома ихъ поджигаютъ и разоряютъ всякимъ разореніемъ. Да на тѣхъ же ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей. хотя укрѣпити ихъ впередъ за собою, имали на нихъ судныя записи и всякія крѣпости въ большихъ ссудахъ и займѣхъ, и иные помѣстными и вотчинными землями и всякими угодами, и людьми, и крестьяны завладѣли насилствомъ". А. И. Ш, № 99, п. XXXIII. Это чистѣйшая хозяйственная война сильныхъ людей со слабыми. Сильные люди, имѣя и денегъ много и земель, побѣждаютъ слабыхъ и переманиваютъ отъ нихъ крестьянъ. Такая война могла происходить и до отмѣны Юрьева дня. Очень понятно, теперь, почему „старѣйшіе бояре“ были противъ предложенія Бориса царю Θεодору.

Послѣдствіемъ этого челобитья была очень важная мѣра. Всѣ ссудныя записи и всякія крѣпости въ ссудахъ и займахъ, выданныя перешедшими крестьянами, объявлены ничтожными и взысканію не подлежащими: „не принимай чужихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды“. Маленькіе люди просили большаго, они просили о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Это ходатайство ихъ не было удовлетворено. Указъ 1642 г. назначаетъ 10-лѣтнюю давность для иска бѣглыхъ крестьянъ.

Сочинять же это вступленіе лицамъ постороннимъ и послѣ совершившагося уже факта не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, къ этому нѣтъ ни малѣйшаго побужденія.

Распоряженіе слѣдующаго за докладомъ указа о 15 лѣтней давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ ничего не представляетъ собой невѣроятнаго и тоже прекрасно разъяснено Костомаровымъ. Мы прибавимъ только, что установленная указомъ давность не представляется исключительной. Въ указѣ 1642 года встрѣчаемъ ту же 15-лѣтнюю давность для сыска вывозныхъ крестьянъ. А. И. Ш, стр. 111.

Еще менѣе вѣроятно предположеніе проф. Бѣляева. Онъ думаетъ, что подѣлка совершена въ XVIII вѣкѣ. Крестьяне на Руси, 103. Кому и какой могъ быть интересъ сочинять въ XVIII вѣкѣ указъ объ ограниченіи крестьянскаго выхода для XVII вѣка? Считаая весь указъ подложнымъ, проф. Бѣляевъ въ доказательство своего мнѣнія, между прочимъ, указываетъ на то, что указъ будто бы смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами. Такого смѣшенія въ указѣ нѣтъ.

К. П. Побѣдоносцевъ не отрицаетъ подлинности указа 1607 г., но полагаетъ, что онъ оставался безъ исполненія и потерялъ силу. Ист. из. и ст. 13. Это возможно.

Неудобства отъ свободы крестьянскаго выхода испытывались не одними только мелкими служилыми людьми, но и государевыми богомольцами. Жаловались и они. Правительству нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы, онѣ затрогивали весьма существенные для него интересы. И вотъ съ XV уже вѣка начинается рядъ распоряженій, которыми право выхода крестьянъ въ пользу нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограничивается, а иногда даже и вовсе отмѣняется. Самый древній извѣстный намъ случай отмѣны свободы крестьянскаго выхода сдѣланъ въ пользу Троице-Сергіева монастыря. Великій князь Василій Ивановичъ дозволилъ этому монастырю не выпускать наличныхъ (въ моментъ указа) крестьянъ изъ села Присѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ Углицкаго уѣзда. А. И. I № 59, 1455.

Судебники устанавливаютъ одинъ срокъ крестьянскаго выхода; это существенное ограниченіе крестьянской свободы; но выходъ и послѣ этого, по общему правилу, остается правомъ крестьянъ. Только въ концѣ XVI вѣка отмѣняется Юрьевъ день, но и это не было еще окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ, оставались еще урочные годы. Этотъ послѣдній обломокъ крестьянской свободы былъ отмѣненъ только въ половинѣ XVII вѣка. Обо всемъ этомъ мы имѣли случай говорить раньше и подробнѣе. Не повторяя сказаннаго, мы воспользуемся теперь только данными такихъ памятниковъ, на которые намъ не пришлось раньше указывать.

Общій срокъ крестьянскаго выхода впервые установленъ судебникомъ 1497 года, но правительство примѣняло его къ рѣшенію частныхъ случаевъ и раньше. Въ 1466/78 году игуменъ Троице-Сергіева монастыря, Спиридоній, жаловался великому князю на то, что монастырскіе крестьяне вышли „сей зимы о Сборѣ“. Великій князь приказалъ посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осеняго.

Въ Судебникахъ данъ общій законъ о порядкѣ крестьянскаго выхода. Что этотъ общій законъ дѣйствуетъ повсемѣстно, за исключеніемъ лишь тѣхъ селъ и деревень, для которыхъ дѣйствіе его отмѣнено специальными правительственными распоряженіями, это видно изъ слѣдующихъ памятниковъ.

Въ 1555 году крестьяне черныхъ становъ Ржевы Пустой били челомъ государю и сказывали, что дѣти боярскіе Ржевскіе и иныхъ присудовъ „вывозятъ за себя во христьяне“ крестьянъ изъ черныхъ деревень „не по сроку, а по вся дни, безошлинно“.

Наша старина знаетъ „выходъ“ и „вывозъ“ крестьянъ. Юридически тутъ нѣтъ никакого различія; фактически же большое. Выходъ—дѣло трудное, и мы видѣли, что новгородскіе крестьяне остаются на своихъ мѣстахъ, несмотря на значительное увеличеніе ихъ повинностей. Чтобы выйти, надо пріискать новое мѣсто, надо явиться съ предложеніемъ своего труда, при неизвѣстности, какъ это будетъ принято. Время же, для пріисканія новой деревни или части ея, дается небольшое, всего двѣ недѣли. Вывозъ совершается по инициативѣ желающаго помѣстить у себя крестьянина. Мѣсто готово, крестьянинъ нуженъ господину, онъ самъ предлагаетъ ему переѣздъ, самъ за нимъ пріѣзжаетъ, помогаетъ ему. Это гораздо удобнѣе для крестьянина. Случалось даже, что землевладѣльцы вступали въ бой изъ-за крестьянъ: новый является вывозить, старый не пускаетъ, дѣло доходить до драки. Приведенный документъ даетъ прекрасную картину такихъ столкновеній. „А какъ деи изъ Ржевскихъ изъ нашихъ деревень, продолжаютъ крестьяне свое челобитье, пріѣдутъ къ нимъ (къ дѣтятъ боярскимъ) отказщики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ за нихъ отказывати въ наши черныя деревни, которыя христьяне похотятъ идти жити въ тѣ наши черныя деревни, и тѣ деи дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ быють и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ деи изъ за себя не выпускають, да поймавъ деи ихъ мучать и грабятъ и въ желѣза куютъ, и пожилое деи на нихъ емлють не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти. И отказать деи имъ хрестьянина изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно“.

Судебники опредѣляютъ одинъ срокъ въ году для отказа крестьянъ, уплату пожилаго и за повозъ, и пошлинъ государевыхъ: „пока мѣста была рожь въ земли, платитъ со ржи“. Вотъ и все, никакихъ другихъ условій для выхода не требуется. При этихъ условіяхъ можетъ уйти всякій крестьянинъ. Такова и практика. Крестьяне черныхъ деревень жалуются на то, что крестьянъ вывозятъ не въ срокъ и безпошлинно, и только. Вывозить въ срокъ и съ уплатой пошлинъ, значить, можно. Подъ пошлинами они, по всей вѣроятности, разумѣютъ всякіе платежи и пожилое, если приходилось его платить.

На приведенное челобитье послѣдовало такое распоряженіе. Велѣно было дать „подьячего или кого пригоже, и велѣли ему съ выборными головами изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ и изъ за (свое) земцевъ крестьянъ въ наши черныя деревни отказывать по сроку, а выходъ бы тѣмъ крестьянамъ платитъ по указу“. Крестьянскій выходъ по-

ставленъ здѣсь подъ охрану особаго чиновника и безъ всякихъ ограниченій, кромѣ указанныхъ въ Судебникѣ. Это въ 1555 году.

Въ 1558 г. удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ судную грамоту крестьянамъ Замосковской волости въ Вохнѣ. Это актъ законодательства удѣльнаго князя. Въ этой грамотѣ повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, статья Судебника о крестьянскомъ выходѣ. Удѣльный князь опускаетъ прибавку второго Судебника о сборѣ за повозъ. Эта статья, значитъ, имѣетъ силу не только въ предѣлахъ великаго княженія, но и въ удѣлахъ; въ удѣлѣ Владиміра Андреевича съ уменьшеніемъ поборовъ съ выходящихъ крестьянъ.

Въ 1561 игуменъ Соловецкаго монастыря съ братіею далъ грамоту крестьянамъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Въ этой грамотѣ написано: „А по грѣхомъ, кому не поживется, и похочетъ пойти изъ волости вонъ, и на томъ имати похоромное сполна а его выпускать по сроку“.

Московскія писцовыя книги XVI вѣка сохранили драгоцѣнныя указанія на выходъ крестьянъ согласно Судебнику изъ дворцовыхъ волостей Тверскаго уѣзда. Эта книга написана между 1579 и 1581 годомъ. При описи нѣкоторыхъ деревень писцы обозначаютъ вышедшихъ крестьянъ, но различно. Объ однихъ говорится „выбѣжалъ“. О другихъ „вывезли“, о третьихъ „вышелъ“. О тѣхъ, которые вышли, встрѣчаются такія опредѣленія: „Титко да Митко вышли по сроку, пошлины ималъ Юрья Кармановъ у ржи, да Михалко Васильевъ вышелъ за Никиту за Романовича въ Турчино по отказу, пошлины платилъ Юрью Карманову“. Это выходъ по Судебнику, тутъ и срокъ, и отказъ, и пошлина у ржи. Выбѣжавшіе, это ушедшіе безъ соблюденія правилъ Судебника. Что касается вывезенныхъ, то и они, въ данномъ случаѣ, кажется, всѣ были вывезены безъ соблюденія правилъ, ибо ничего не говорится ни о срокѣ, ни объ уплатѣ пошлинъ. Правила Судебника дѣйствуютъ 25 лѣтъ спустя по его изданіи и наканунѣ отмѣны Юрьева дня ¹⁾).

Итакъ, статья Судебниковъ о крестьянскомъ выходѣ не мертвая буква; это дѣйствующее право во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которымъ не дано особыхъ, специальныхъ указовъ. Правительство не остано-

¹⁾ Доп. къ А. И. I № 56, 1555. А. Э. I № 83, 1466; № 257, 1558; № 258, 1561; Калачовъ, II 291, 300. Издатель относитъ эту книгу къ концу XVI вѣка; это совершенно вѣрно; первая страница даетъ возможность опредѣлить и болѣе точно время ея написанія: послѣ 1579 и до 1581 гг.

лось на первомъ опредѣленіи порядка крестьянскаго выхода, появившемся въ Судебникѣ 1497 года. При изданіи второго Судебника оно нашло нужнымъ нѣсколько измѣнить эти правила. Измѣненіе произошло въ пользу господъ. Размѣръ пожилаго былъ увеличенъ и установленъ новый сборъ съ выходящихъ крестьянъ за повозъ. И на этомъ правительство не остановилось. Прибавочный сборъ за повозъ оно нашло, надо думать, излишнимъ. Въ грамотѣ великаго князя крестьянамъ Переяславскаго уѣзда отъ 1556 статья Судебника повторяется, но съ опущеніемъ прибавки о повозѣ. Итакъ, общее правило свободы крестьянскаго перехода не исчезло и во второй половинѣ XVI вѣка. Правительство неоднократно повторяетъ правило перваго Судебника, дополняя и измѣняя его. Правило это, какъ мы видѣли, осуществляется на практикѣ въ самомъ концѣ XVI вѣка. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ совершилось въ силу распоряженія двухъ памятниковъ, послѣдовавшихъ почти одновременно: писцоваго наказа 1646 года и Уложенія. Въ ст. 3 гл. XI Уложенія находимъ распоряженіе о томъ, что бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, по суду и сыску, должно отдавать съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ—тѣмъ господамъ, отъ кого они бѣжали. „Но владѣнія за тѣхъ крестьянъ на прошлые годы до сего Уложенія не указывать“, т. е., не взыскивать денегъ за все то время, которое бѣгле жили за другими господами, и причинили тѣмъ убытокъ своимъ настоящимъ господамъ. Почему? „Потому, отвѣчаетъ та же статья, что о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевой заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не приимати, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы“.

Такова точка зрѣнія редакторовъ Уложенія. До самой половины XVII вѣка не было запрещенія принимать чужихъ крестьянъ, и стало быть не было и полного прикрѣпленія, а были урочные годы, которые могли покрыть уходъ крестьянина. Такъ смотрятъ редакторы Уложенія, а наши ученые конца прошлаго вѣка утверждаютъ, что крестьяне были прикрѣплены еще въ половинѣ XVI вѣка. Полагать надо, что они очень ошибаются.

Мысль о крестьянской свободѣ жива еще въ половинѣ XVII вѣка и даже въ семидесятыхъ его годахъ. Отмѣна крестьянскаго выхода повела къ новому порядку поступленія въ крестьянство. Свободные крестьяне въ старину рядились во крестьянство. Едва нѣтъ выхода, порядная не имѣетъ смысла. Поэтому Уложеніе устанавливаетъ записку въ крестьяне. Желаящій жить за кѣмъ-либо въ крестьянахъ

обращается въ установленныя для этого учрежденія. Его распрашиваютъ, кто онъ? Если окажется, что его можно отдать во крестьяне, его *записываютъ* за извѣстнымъ господиномъ и *отдаютъ* ему въ крестьянство. XI 20.

Несмотря на этотъ новый порядокъ, крестьяне и въ XVII вѣкѣ продолжаютъ рядиться во крестьянство. Они не только рядятся, но рядятся на срокъ, на 10 лѣтъ, и это въ 1665 году; другіе рядятся до смерти господина. Эти крестьяне ровно ничего не знаютъ о крѣпости по писцовымъ книгамъ. Но о воспрещеніи выхода они знаютъ, а потому и вносятъ въ свои порядныя новое условіе. Въ старыхъ порядныхъ срокъ не обозначался, жили, пока нравилось. Выходъ по старымъ поряднымъ отмѣненъ, и вотъ новая практика вносить поправку, порядная пишется на срокъ, а по истеченіи срока, конечно, крестьянинъ свободенъ; такъ думаетъ крестьянинъ, порядившійся на срокъ.

Есть и такія порядныя, въ которыхъ сами господа признаютъ за крестьянами право уйти, „если имъ не поживется“, или если они съ ними будутъ дурно обращаться. Одни владѣльцы предоставляютъ такое право ухода крестьянину на условіи посадить на свое мѣсто другого, другіе и безъ такого условія.

Крестьяне знаютъ объ отмѣнѣ выхода, но они думаютъ, что это временная мѣра и вѣрятъ въ то, что послѣдуетъ вновь разрѣшеніе выхода. Поэтому они пишутъ порядныя, въ которыхъ обязываются сидѣть на землѣ господина „до государевыхъ выходныхъ лѣтъ“ не далѣе! Будетъ, значить, такое время, когда послѣдуетъ разрѣшеніе выхода. Государь запретилъ выходъ, но онъ можетъ и разрѣшить его.

Не одни крестьяне помнятъ волю крестьянскую и выговариваютъ ее въ своихъ порядныхъ; есть и господа, которые стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. У Семена и Бориса Семеновичей Нелединскихъ жилъ изстари въ крестьянахъ Рычко, Тимофеевъ сынъ, Бураковъ. Въ 1676 году ему не пожилось у нихъ („прижилось“, т. е., наскучило, надоѣло), и онъ пошелъ отъ нихъ вонъ. Нелединскіе даютъ ему грамоту, въ которой предоставляютъ идти, куда хочетъ, на всѣ четыре стороны, и обязываются дать ему скосить посѣянную имъ рожь, и скрѣпляютъ свое обязательство неустойкой въ 30 рублей.

Заклучимъ этотъ экскурсъ въ XVII вѣкѣ изложеніемъ содержанія любопытнѣйшаго документа отъ 22-го апрѣля 1670 года. За Воскресенскимъ монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, Московскаго уѣзда, живетъ въ крестьянахъ въ теченіи 16 лѣтъ Ивашко Якимовъ,

съ женой и дѣтьми. 22-го апрѣля 1670 года онъ взялъ у монастыря ссуды 10 рублей и обязался „жить съ женой и дѣтьми за монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, той ссуды не снести и ни за кого не заложиться. А буде онъ, Иванъ, жить не учнетъ или за кого заложится и ссуду снесетъ, тогда воленъ монастырь ту ссуду на немъ взять, а крестьянство и впредь крестьянствомъ“. Что это такое? это не ссуда, а продажа себя съ женою и дѣтьми *старымъ* крестьяниномъ въ вѣчные крестьяне монастырю. Старый крестьянинъ, жившій за монастыремъ 16 лѣтъ, непроченъ монастырю; чтобы укрѣпить его, надо взять съ него особую запись. Мы не имѣемъ порядной, на основаніи которой Иванъ Якимовъ сѣлъ въ 1654 году на монастырскую землю. По всей вѣроятности, тамъ была какъ-нибудь ограждена его свобода; и вотъ послѣдствія этого остатка старины, не гармонирующаго съ новымъ порядкомъ вещей. Крестьянинъ, подъ видомъ ссуды, продается въ крестьяне. Очень многіе прямо съ этого начинаютъ. Берутъ ссуду и отдаются вѣчно въ крестьяне. Ссуда получаетъ здѣсь совершенно новое значеніе, неизвѣстное старинѣ ¹⁾.

Возвратимся на прежнее.

Изъ документовъ XVI вѣка мы знаемъ, что крестьяне, садясь на владѣльческія земли, брали у землевладѣльцевъ подмогу. Старыя новгородскія писцовыя книги тоже упоминаютъ „подможныя деньги“, хотя рѣдко. Деньги эти были даны новгородцами. При конфискаціи земель, эти крестьянскіе займы, по всей вѣроятности, были великимъ княземъ уплочены сведенымъ боярамъ и бояришкамъ. Говоримъ это на томъ основаніи, что великій князь дарить новымъ помѣщикамъ эти перешедшіе къ нему крестьянскіе долги, опредѣляя и $\frac{0}{100}$, какой они должны получать съ должниковъ. Этотъ $\frac{0}{100}$ не великъ, въ одномъ случаѣ онъ 5 съ небольшимъ, въ другомъ—6. Въ XVI вѣкѣ подмога была безпроцентнымъ долгомъ и погашалась не уплатой занятой суммы, а исполненіемъ принятыхъ на себя крестьяниномъ обязательствъ; заемъ же денегъ былъ долгъ процентный, погашавшійся уплатой занятой суммы. Было ли такое различіе въ Новгородѣ, это не ясно. Задолженность новгородскихъ крестьянъ, въ виду рѣд-

¹⁾ Любопытные документы, на которыхъ основано предшествующее изложеніе, напечатаны г. Дьяконовымъ въ его Актахъ, I № 24, 26, 31, 42, 48, 50, 59, 60, 69 и друг.; II 37. Тутъ же и ссуды въ новомъ смыслѣ: № 49, 56, 58, 62, 63, 64, 68 и др.

кости случаевъ, въ которыхъ упоминается подмога,—была ничтожная ¹⁾).

Въ заключеніе представимъ обзоръ литературы затронутыхъ нами вопросовъ. Это дастъ намъ возможность пополнить сказанное съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, а иногда войти въ объясненіе и совершенно новыхъ явленій, которыхъ, по ходу нашего изслѣдованія, намъ не пришлось коснуться.

В. Сергѣевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ II, 36; III. 601, 803.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и другихъ памятникахъ того же времени встрѣчается слово *жилецъ*. Этимъ словомъ обозначаются всѣ живущіе и гдѣ бы то ни было. Помѣщики—суть жильцы, крестьяне, посадскіе тоже. Въ Москвѣ живетъ нѣмецъ, онъ тоже жилецъ. Не то ли же самое означаетъ болѣе древній терминъ: *жители* люди?

ИДЕЙНАЯ ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕ- ОБРАЗОВАНИЙ XI ВѢКА.

Признаки „Царства Божьяго“ по твореніямъ бл. Августина, Льва Великаго и папы Григорія Двоеслова.

I.

При воспроизведеніи исторической жизни далекаго прошлаго изслѣдователь причинъ событій и преемства явленій не можетъ ограничиться установленіемъ и раскрытіемъ вліянія существовавшихъ въ изучаемое имъ время экономическихъ отношеній на общественный строй, правовыя нормы и религіознонравственныя представленія, составляющія, въ своей совокупности, такъ называемую „надстройку надъ опредѣляющимъ ихъ реальнымъ базисомъ, или экономической структурой общества“.

Такое одностороннее воззрѣніе представляетъ лишь нѣкоторыя видимыя удобства, упрощая сложность исторической жизни сведеніемъ ея разнообразія къ „опредѣленнымъ, необходимымъ, независящимъ отъ воли людей отношеніямъ, соотвѣтствующимъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ, производительныхъ силъ“. Но облегченіе работы покупается слишкомъ дорогою цѣною, въ виду сознательнаго суженія поля изучаемыхъ явленій, заранѣе принятаго установленія ихъ причинной связи и полнаго устраненія личнаго начала.

Ясно, что подобный пріемъ, не давая прочныхъ, дѣйствительно общихъ и широкихъ выводовъ, затрудняя правильное пониманіе исторической дѣйствительности и насильственно втискивая ее въ тѣсныя и узкія рамки кабинетной теоріи, непригоденъ для научнаго изслѣдованія.

Болѣе спокойное и пристальное изученіе памятниковъ минувшаго, чуждое предвзятыхъ построеній и свободное отъ цѣпей заранѣе все

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями ¹⁾.

Самый старый вопросъ, котораго мы коснулись, это вопросъ о происхожденіи современнаго общиннаго землепользованія (землевладѣнія) крестьянъ. Онъ поднятъ былъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и до настоящихъ дней продолжаетъ раздѣлять нашихъ ученыхъ на два лагеря, сторонниковъ исконной древности этой формы крестьянскаго землевладѣнія и ихъ противниковъ. Честь постановки вопроса принадлежитъ Б. Н. Чичерину. Отправной точкой послужили ему мнѣнія, высказанныя барономъ Гакстгаузеномъ и Тенгоборскимъ о происхожденіи современной крестьянской общины. Оба автора приводятъ ее въ связь съ древнѣйшимъ патріархальнымъ бытомъ славянъ. Профессоръ Чичеринъ ставитъ себѣ задачу изслѣдовать, дѣйствительно ли такъ далеко восходятъ корни современной поземельной общины, и даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. По его мнѣнію крестьянская община въ современномъ ея видѣ не есть исконное явленіе нашей исторіи, она возникла весьма поздно, на глазахъ исторіи и въ силу правительственныхъ распоряженій. Противникомъ ему выступилъ профессоръ Бѣляевъ. Онъ доказывалъ, что современная община можетъ быть наблюдаема въ памятникахъ XVI и даже XV вѣка, а корни ея восходятъ къ самой глубокой древности, но искать ихъ надо не въ патріархальной собственности, а въ собственности договорныхъ общинъ ²⁾.

¹⁾ Продолженіе. См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Статьи Чичерина были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, за 1856 г.; кн. 3, 4 и 12, и перепечатаны въ его *Опытахъ по исторіи русскаго права*; Бѣляева въ *Русской Бесѣдѣ* за тотъ же годъ кн. 1 и 2.

Оба автора много потрудились на поприщѣ изученія нашей исторіи и много сдѣлали для разъясненія ея судебъ. Съ именемъ cadaго изъ нихъ соединяется представленіе о цѣльномъ взглядѣ на нашъ древній историческій бытъ. Изученіе ихъ трудовъ, въ которые они вносили много знанія, искреннее убѣжденіе и глубокую любовь къ дѣлу, всегда будетъ поучительно. Кто же изъ нихъ правъ и кто заблуждался въ этомъ спорѣ о происхожденіи современной поземельной общины? Оба были правы и оба заблуждались.

И правда и заблужденія ихъ объясняются тогдашнимъ состояніемъ нашихъ источниковъ. Главный матеріалъ, на основаніи котораго могъ быть разрѣшенъ вопросъ, новгородскія писцовыя книги, тогда не былъ еще извѣстенъ; была напечатана только вторая половина описи Вотской пятины. И Чичерину и Бѣляеву пришлось основываться на иныхъ матеріалахъ, которые, однако, получаютъ полную ясность только изъ писцовыхъ книгъ. При такой неполнотѣ матеріала каждому изъ авторовъ приходилось прибѣгать къ области догадокъ и дорисовывать неполную картину на основаніи своихъ общихъ представленій о характерѣ нашего древняго быта.

Ихъ статьи по спорному вопросу не ограничиваются изслѣдованіемъ одного вопроса объ историческихъ корняхъ современной поземельной общины, они спорятъ и о древности общины, какъ административной единицы, касаются вопроса о бѣлыхъ и тяглыхъ земляхъ, объ обособленіи селъ отъ городовъ и т. д., и въ своихъ изысканіяхъ доходятъ до XVII и XVIII вѣка. У меня же дѣло идетъ только о землепользованіи крестьянскихъ общинъ въ періодъ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Мы ограничимся, поэтому, разборомъ ихъ мнѣній только въ тѣсныхъ предѣлахъ нашего собственнаго изслѣдованія.

Профессоръ Чичеринъ не отрицаетъ древности поземельныхъ общинъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, исконное существованіе общины въ Россіи. Общины всегда были, есть и будутъ, у насъ, какъ и вездѣ“ 140. Но, останавливаясь на особенностяхъ нашей современной общины, онъ проводитъ рѣзкую границу между ней и первоначальной, которая, какъ онъ думаетъ, была вездѣ. „Въ настоящее время, читаемъ у него, каждый членъ сельской общины обязанъ платить подати и нести повинности наравнѣ съ другими, для чего ему и дается равный съ другими участокъ. Въ древней Россіи, напротивъ того, мы видимъ отношенія совершенно свободныя. Община не имѣла никакой власти надъ членами; послѣдніе не имѣли никакихъ

обязанностей, пока не получали во владѣніе извѣстнаго количества земли, соразмѣрно съ которымъ и несли тягло. Величина участка опредѣлялась не общимъ надѣленіемъ, а свободнымъ договоромъ, предложеніемъ и требованіемъ. Новый поселенецъ или бралъ предложенную ему землю, или выбиралъ себѣ пустой участокъ по желанію, и выговаривалъ себѣ льготы, величина которыхъ зависѣла также отъ предложенія и требованія: чѣмъ тяжелѣе было для общины лежавшее на землѣ тягло, тѣмъ труднѣе было перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, которые бы помогли ей въ уплатѣ, тѣмъ большія выгоды она, разумѣется, имъ предоставляла“ 97... „Передѣлъ земли можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, и люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто. Какъ же тутъ образоваться передѣлу“ 99... „Если московскіе князья въ договорахъ своихъ обязывались не покупать земель черныхъ людей, находившихся въ общемъ ихъ владѣніи, то, значить, послѣдніе имѣли право ихъ продавать“ 103. Позднѣе „запрещено было тяглые дворы продавать бѣломѣстцамъ. А не смотря на это, тяглые люди продолжали продавать свои дворы и участки бѣломѣстцамъ, общины продолжали на это жаловаться, и правительство нерѣдко узаконяло такое нарушеніе закона, потому что оно было слишкомъ глубоко вкоренено въ нравахъ. Продажи эти совершались, собственно, отдѣльными лицами, противъ воли общинъ и даже безъ ихъ вѣдома“ 104... „Однимъ словомъ, въ прежнее время князь, община и отдѣльные крестьяне распоряжались землями свободно, тогда какъ теперь мы видимъ совершенно противное: теперь казенныя земли приписаны къ общинамъ, какъ постоянное ихъ владѣніе; общины не могутъ ни мѣняться ими, ни продавать ихъ; отдѣльные крестьяне лишены права распоряжаться своими участками. Въ чемъ же сходство стараго быта и новаго?“ 106... „Итакъ, если съ одной стороны общины могли свободнѣе распоряжаться пустыми участками, нежели въ настоящее время, то съ другой стороны тѣмъ же правомъ пользовались и отдѣльные члены; существенной же черты нынѣшняго сельскаго быта—подчиненія личнаго владѣнія общинному, мы въ древней Россіи не находимъ“ 108.

Нельзя лучше изобразить различія между поземельной общиной, возникшей въ конфискованныхъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ частныхъ владѣніяхъ, и современной. Но на конфискован-

ныхъ земляхъ зарождаются первыя права поземельной общины, а потому совершенно правъ и И. Д. Бѣляевъ, когда говоритъ: „Община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или государю, тягалась за свои земли на судъ и вообще была хозяиномъ своихъ земель“ I 112.

Въ приведенныхъ нами извлеченіяхъ оба автора совершенно правы. Находившійся въ ихъ распоряженіи матеріалъ даетъ основаніе говорить и о наличности нѣкоторыхъ правъ общины на конфискованныя и предоставленныя въ ихъ пользованіе земли, и о неполнотѣ этихъ правъ, такъ какъ отдѣльные члены общины, на имя которыхъ были записаны ихъ участки, распоряжались ими самостоятельно. Не имѣя подъ руками старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, оба автора и не подозрѣвали, что изучаемыя ими явленія самаго недавняго происхожденія, что они возникли не ранѣе XIV вѣка на конфискованныхъ у частныхъ владѣльцевъ земляхъ. Новорожденная община не успѣла еще выработать никакой опредѣленной организаціи, и нѣтъ возможности точно разобраться въ полномочіяхъ общины и провести опредѣленную границу между ея правами и правами ея отдѣльных членовъ, а потому совершенно справедливо и то, что говоритъ о правахъ отдѣльных членовъ общины Б. Н. Чичеринъ, и то, что мы выписали изъ статьи И. Д. Бѣляева о правахъ цѣлой общины. Случалось и то, и другое. И профессоръ Чичеринъ не отрицаетъ, что община могла защищать судомъ приписанную къ ней землю, но причину этого видитъ единственно въ царскомъ тяглѣ (106); и профессоръ Бѣляевъ не отрицаетъ, что отдѣльные члены общины продаютъ земли, но думаетъ, что они продаютъ не общинныя земли, а свои собственныя (I 118). Отсутствіе положительнаго матеріала породило догадки и неразлучныя съ ними ошибки и недоразумѣнія.

Что профессоръ Чичеринъ не отвергаетъ исконнаго бытія поземельной общины и не только у насъ, но вездѣ, это неудивительно. Въ половинѣ истекшаго столѣтія таково было господствующее мнѣніе и въ западной литературѣ, съ которою нашъ авторъ былъ хорошо знакомъ. Допуская исконное бытіе общины, онъ дѣлаетъ только уступку господствующему направленію науки, нѣкоторые представители котораго шли гораздо далѣе его. Сдѣлаемъ не большой экскурсъ въ западную литературу того времени. Это было время глубокой вѣры въ древность поземельной общины даже въ томъ видѣ, въ какомъ она наблюдается теперь у насъ. Лѣтъ 60 тому назадъ преобладало

мнѣніе, что у германцевъ съ древнѣйшихъ временъ существовала „марка“ въ смыслѣ общинной земли. Однимъ изъ самыхъ крайнихъ представителей этого направленія былъ Мауреръ, издавшій въ 1856 г. введеніе въ исторію марки, а вслѣдъ за тѣмъ и самую исторію марки. Авторъ съ особенной любовью останавливается на мысли о томъ, что общинное владѣніе, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, было первоначальной и самой распространенной формой поземельныхъ отношеній въ Германіи. Во время, предшествовавшее великому переселенію народовъ, въ общинномъ владѣніи, по его мнѣнію, состояли не одни только лѣса и луга, но и поля. Общее поле дѣлилось на участки по числу членовъ общины; каждый изъ нихъ получалъ по равному участку. Чтобы это первоначальное равенство не нарушалось съ теченіемъ времени, были ежегодные передѣлы. Такимъ образомъ, общинное устройство обезпечивало каждому германцу постоянное и одинаковое участіе въ пользованіи землей. Этотъ исконный порядокъ подвергся существенному измѣненію въ періодъ великаго переселенія народовъ. На новыхъ мѣстахъ поселенія общинный элементъ представляется значительно ослабѣвшимъ. Поля стали поступать въ частную собственность, общеніе же удержалось только за лѣсами и лугами. Съ того же времени появилось и неравенство въ распредѣленіи земель. Вмѣстѣ съ этимъ и значеніе общины, какъ административное, такъ и поземельное, начало падать.

Нельзя идти далѣе въ защитѣ исконной древности современныхъ порядковъ русскаго общиннаго землевладѣнія, хотя авторъ объ нихъ и не говоритъ.

Два года позднѣе появилось изслѣдованіе по исторіи сельскаго населенія во Франціи Дареста-де-ла-Шаванна, въ которомъ онъ касается и Россіи. Найдя у германцевъ, временъ Цезаря, общинное хозяйство съ правильнымъ ежегоднымъ передѣломъ земель, онъ продолжаетъ: „это учрежденіе всего долѣе удержалось на востокѣ и сѣверѣ Европы. Его слѣды очевидны въ государствахъ скандинавскихъ. Оно поддерживается и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Россіи, въ которыхъ и до сихъ поръ неизвѣстна частная собственность. Возникновеніе общины объясняетъ ея управленіе. Начальникъ занимаетъ мѣсто отца. Другіе члены общины относятся къ нему, какъ дѣти. Онъ опредѣляетъ каждому степень его участія въ общихъ работахъ и общихъ доходахъ. Эта простота устройства долгое время существовала у галловъ и кельтовъ въ Великобританіи; она встрѣчается теперь у такихъ народовъ, которые, какъ, на примѣръ,

рускіе, стоятъ ближе, чѣмъ мы, къ древнимъ преданіямъ: каждая изъ ихъ общинъ и теперь еще управляется старостою или патріархомъ, который, при содѣйствіи совѣта, опредѣляетъ каждому его участокъ и работу“.

Исконную древность общиннаго землевладѣнія признаютъ: Ротшеръ, Вайцъ, Зомъ, Лавле, Мэнъ, Гарсонне и много другихъ крупныхъ представителей западной науки. Это направленіе и до сихъ поръ еще пользуется значительнымъ авторитетомъ въ нашей литературѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ французскій ученый, Фюстель-де-Куланжъ, поставилъ себѣ ту же задачу, надъ которой 30 лѣтъ ранѣе его работалъ русскій профессоръ, Б. Н. Чичеринъ. Въ статьѣ, посвященной германской маркѣ, онъ даетъ отвѣтъ на вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ древность германской марки восходитъ такъ далеко, какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ? Онъ даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Германская поземельная марка не есть исконное явленіе нѣмецкой исторіи, она возникла сравнительно поздно, не ранѣе XII вѣка. Статья Фюстель-де-Куланжа написана съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ тѣмъ мастерствомъ изложенія, какимъ отличаются всѣ его труды. Приведемъ главные его положенія.

Ни одинъ древній авторъ, касавшійся событій первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ, ничего не знаетъ о деревенскихъ общинахъ, которымъ принадлежали бы земли на общинномъ правѣ.

Первоначальный смыслъ слова марка — знакъ, примѣта (*signe, marque*). Въ памятникахъ VI вѣка оно употребляется для обозначенія границы государства и частныхъ владѣній. Оно синонимъ латинскаго *terminus*. Въ памятникахъ VI и VII вѣка оно никогда не употреблялось для обозначенія общинныхъ земель. Въ памятникахъ VIII и IX вѣка слово марка, продолжая обозначать границу, начинаетъ употребляться и для обозначенія всего того, что находится въ границахъ, т.-е. цѣлаго владѣнія. Такъ пограничныя территоріи называются марками: *marca Hispanica*. Также марками называются и частныя владѣнія. И въ этомъ отношеніи слово марка синонимъ съ словомъ *terminus*, которое тоже служитъ для обозначенія не только границы владѣнія, но и цѣлаго владѣнія. Эти владѣнія наследуются, продаются и т. д., они — частная собственность. Не слѣдуетъ думать, что въ примѣненіи къ частному владѣнію словомъ марка обозначаютъ только земли необработанныя, лѣса, пастбища. Оно обозначаетъ безразлично и обработанныя и необработанныя земли.

Въ этомъ смыслѣ марка синонимъ виллы; а виλλα обозначаетъ частную собственность. Большинство людей, населяющихъ марку-виллу, рабы. Въ числѣ сотенъ документовъ, въ которыхъ марка означаетъ виллу, нѣтъ ни одного, гдѣ бы она означала общинную землю. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на раздѣлъ земель марки среди ея населенія.

Но есть земли общія (communia, communia). Что это? Земли каждого частнаго владѣнія дѣлились на три части. Одна обрабатывалась на господина; другая сдавалась въ пользованіе разныхъ лицъ, рабовъ и свободныхъ, и на разныхъ условіяхъ. За тѣмъ оставались невоздѣланныя земли. Эти земли предоставлялись владѣльцемъ въ безраздѣльное пользованіе людей, которые сидѣли въ его виллѣ, рабовъ и свободныхъ, для разныхъ цѣлей (выпуска скота, корма свиней желудями и пр.) и на разныхъ условіяхъ. Самъ владѣлецъ тоже пользовался этими землями. Вотъ это и суть тѣ общія земли, о которыхъ говорятъ памятники. Они входятъ въ составъ частной собственности. Но и они до XIII вѣка не называются марками, это communia, а не марка. Это—общее пользованіе населеніемъ виллы землями господина, которое онъ призналъ за благо имъ предоставить.

Наконецъ, памятники говорятъ и объ общей собственности въ недвижимостяхъ. Были общія земли, общія лѣса. Это земли и лѣса, которые принадлежали, напримѣръ, двумъ братьямъ, владѣвшимъ нераздѣльно одной виллой, или и двумъ постороннимъ лицамъ, виллы которыхъ были смежны, а лѣса не раздѣлены. Въ первомъ случаѣ вся виλλα общая, во второмъ лѣса общіе, пока не состоится раздѣлъ.

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе такъ: на пространствѣ VII вѣковъ, съ V по XII столѣтіе, не встрѣчается никакихъ указаній на то, что марка обозначаетъ землю, принадлежащую всѣмъ ¹⁾).

¹⁾ Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, второе изданіе, 1894 г. III. De la marche germanique. Къ вопросу о древнѣйшей формѣ землевладѣнія у германцевъ относится и другая его статья, тамъ же: II Recherches sur cette question: Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres? Второю томъ его исторіи политическихъ учрежденій древней Франціи: L'alleu et le domaine rural представляетъ богатѣйшее изслѣдованіе поземельныхъ отношеній въ эпоху Меровинговъ.

Съ западной литературой старонниковъ исконной древности общиннаго землевладѣнія мы познакомились еще въ 1864 г. Труды ихъ показались намъ неубѣдительными. Разбирая сочиненіе Маурера въ статьѣ, напечатанной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1864 г. ч. CXXV, мы доказывали, что дѣйствительный ходъ развитія общиннаго землевладѣнія былъ совершенно

Возвращаемся къ профессору Чичерину. Онъ не отвергаетъ общины. Онъ доказываетъ только, что „съ теченіемъ времени измѣнялась у насъ форма общиннаго быта. Сначала была патріархальная община, потомъ владѣльческая и наконецъ государственная“. Вотъ какую длинную исторію пережила наша община! Разсмотримъ отдѣльныя стадіи ея развитія.

Вотъ что говоритъ авторъ о древнѣйшей изъ нихъ. „У насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ нашего отечества. Но общая аналогія и ближайшее родство съ другими славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ и у другихъ. Самое раздѣленіе русскихъ славянъ на племена указываетъ на господство естественной, кровной связи между людьми. Гдѣ народное единство основывается на союзѣ племенномъ, тамъ всѣ гражданскія отношенія вытекаютъ изъ отношеній естественныхъ или патріархальныхъ. Съ племенемъ неразлученъ и родъ; это меньшая его единица. А гдѣ есть родъ, тамъ есть родовая собственность. Это общій фактъ, который получаетъ подтвержденіе и въ русской исторіи. Нераздѣльная собственность, какую мы видимъ первоначально въ княжескомъ родѣ, даетъ намъ право думать, что то же существовало и въ остальныхъ. При томъ же у насъ до сихъ поръ

обратный тому, какой принимаетъ этотъ авторъ. Мауреръ и другіе сторонники разсматриваемаго взгляда полагаютъ, что черты общиннаго хозяйства, наблюдаемыя въ XII вѣкѣ, составляютъ лишь слабый остатокъ господствовавшаго въ древности хозяйства. Въ дѣйствительности же общинное хозяйство съ регламентаціей общиннаго пользованія въ западной Европѣ не составляло исконнаго явленія, а вновь возникло въ длинный промежутокъ времени съ X по XVI вѣкѣ. Возражая въ этомъ направленіи Мауреру, я почти исключительно пользовался тѣмъ матеріаломъ, который приведенъ у него и съ полнымъ довѣріемъ принялъ его положеніе о томъ, что населеніе марки владѣло землями. Я утверждалъ только, что это владѣніе первоначально не было общиннымъ, и что черты общиннаго хозяйства появляются не ранѣе X вѣка. Это мое мнѣніе перешло и въ I т. Юридич. древ. Я теперь совершенно присоединяюсь къ приведенному мнѣнію Фюстель-де-Куланжа, съ которымъ познакомился уже по выпускѣ въ свѣтъ I т., и въ этомъ смыслѣ исправляю то, что тамъ напечатано на стр. 220 и сл.—Фюстель-де-Куланжъ такъ хорошо обставилъ свои положенія документальными данными, что мнѣнія противоположныя, основанныя единственно на догадкахъ, должны быть оставлены. Но еще въ шестидесятихъ годахъ Фюстель-де-Куланжъ держался мнѣнія очень близкаго къ мнѣнію Маурера: у германцевъ земля не составляла частной собственности, участки распредѣлялись между членами рода для обработки и передѣлялись. *La cité antique*. Пер. Е. Корша 73 сл.

сохранились остатки родовой собственности въ выкупѣ родовыхъ имуществъ“ 6.

Отъ почтеннаго автора не укрылась слабость собственной его аргументаціи, а потому во второй статьѣ о томъ же предметѣ онъ говоритъ: „Впрочемъ, за исключеніемъ скуднаго лѣтописнаго свидѣтельства (живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, влодѣюще каждо родомъ своимъ), у насъ не осталось никакихъ извѣстій о внутреннемъ бытѣ древней патріархальной общины. Потому, при сравненіи ея съ позднѣйшею, мы можемъ ограничиться только догадками и общими указаніями“ 95.

Итакъ, авторъ самъ признаетъ, что помимо скуднаго лѣтописнаго извѣстія у него ничего нѣтъ, кромѣ догадокъ и общихъ соображеній.

Приведенное мѣсто лѣтописи дѣйствительно не даетъ никакихъ основаній къ какимъ либо выводамъ о древнѣйшихъ формахъ землевладѣнія. Даже о самомъ родѣ нельзя изъ него сдѣлать никакихъ точныхъ заключеній. Что родственники жили вмѣстѣ и что старшіе главенствовали надъ младшими, это внѣ сомнѣнія. Но какія степени родства охватывала эта связь и въ чемъ именно и какъ выражалось владычество старшихъ, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Можетъ быть, власть старшихъ простиралась только на тѣхъ лицъ, которыя добровольно ее признавали? При той необузданности нравовъ, какой отличаются, обыкновенно, люди на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія и какой должны были отличаться наши предки въ VIII, IX, X вѣкѣ, это очень возможно. А разъ мы это допустимъ, мы получимъ и случаи раздѣленія рода и жизни родственниковъ въ разныхъ мѣстахъ, хотя лѣтописецъ и говоритъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ въ одномъ мѣстѣ. Родъ его, въ этомъ случаѣ, будетъ не большая величина, нѣчто въ родѣ семьи ¹⁾. Да и, дѣйствительно, какъ могъ старшій родственникъ цѣлаго рода удержать при себѣ всѣхъ младшихъ, если они не желали ему подчиняться? И въ наше время даже дѣти уходятъ отъ родителей, а въ началѣ исторіи, когда, по словамъ лѣтописца, люди жили звѣринскимъ образомъ и убивали другъ друга, такіе разрывы кровныхъ связей должны были совершаться гораздо легче. Законъ исторической эволюціи въ томъ и со-

¹⁾ Современныя намъ кочевыя племена не всегда живутъ большими родами. Вогулы кочуютъ небольшими семьями. Поселки ихъ состоятъ изъ трехъ, много пяти юртъ, и очень удалены другъ отъ друга. У карагасовъ каждая семья живетъ отдѣльно одна отъ другой. Буряты живутъ тоже отдѣльными семьями. Обрабатываемые участки земли переходятъ по наслѣдству.

стоитъ, что всякія общественныя связи, въ началѣ исторіи слабыя, только съ теченіемъ времени укрѣпляются; разсыпанность и разрозненность людей, характеризующая доисторическій бытъ, на глазахъ исторіи переходитъ въ сплоченность и связанность, а не наоборотъ. Это касается и родственныхъ связей.

Изъ скудныхъ свидѣтельствъ начальнаго лѣтописца о томъ, что русскіе славяне жили родами и племенами, авторъ дѣлаетъ заключеніе о наличности у нихъ родовой собственности. Вотъ и все, на чемъ утверждается его патріархальная община. О патріархальной общинѣ говорятъ очень многіе, но никто не взялъ на себя труда выяснить, что это такое. Кто въ патріархальной общинѣ субъектъ родовой собственности, какъ отдѣльные члены родовой общины ею пользуются, каковы права патріарха и каковы его отношенія къ отдѣльнымъ членамъ? Напрасно будемъ искать точныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Не даетъ ихъ и профессоръ Чичеринъ. Онъ ограничивается указаніемъ только одного признака: „родовая собственность нераздѣльна“. Довольно неопредѣленный признакъ. Авторъ не нашелъ даже нужнымъ пояснить, что тутъ не дѣлится, пользованіе или самая собственность? По всей вѣроятности, онъ разумѣетъ недѣлимость собственности, а не пользованія. Это тотъ же признакъ, которымъ отличается и современная крестьянская община. Тамъ нѣтъ частной собственности, нѣтъ наслѣдованія, нѣтъ права распоряженія у отдѣльныхъ лицъ. То же, слѣдовательно, и въ патріархальной общинѣ. Кто же опредѣляетъ тамъ мѣру пользованія отдѣльныхъ членовъ рода и кто всѣмъ управляетъ? Объ этомъ ничего неизвѣстно. Остается гадать. Одинъ родоначальникъ не можетъ всѣмъ управлять, ибо у него можно допустить если не прямо противородовыя симпатіи, то желаніе предоставить любезнымъ ему членамъ рода болѣе преимуществъ, чѣмъ не любезнымъ. Поэтому надо думать, что родовою собственностью управляетъ цѣлый родъ въ совѣтѣ своихъ представителей. А это предполагаетъ весьма сложную организацію рода, при чемъ патріархальный характеръ первоначальной общины утрачивается, и она близко подходитъ къ современной крестьянской. Въ ней надо будетъ и передѣлы допустить. Какъ иначе уравнивать возникающее съ теченіемъ времени неравенство? Такимъ образомъ, правильно развивая допущенное имъ произвольное предположеніе, профессоръ Чичеринъ въ началѣ исторіи долженъ бы былъ допустить то, что отвергаетъ для XV и XVI вѣка ¹⁾. На чемъ основано допущеніе имъ у

¹⁾ Мнѣніе о томъ, что родовой патріархальный бытъ предшествовалъ госу-

насть въ древности поземельной общины? „На общей аналогіи и родствѣ съ другими славянскими племенами“... Общая аналогія, послѣ изслѣдованій Фюстель-де-Куланжа, очень много теряетъ въ своей доказательности. У другихъ славянъ мы встрѣчаемъ задружное владѣніе, т.-е. владѣніе расширенной, большой семьи, которую иногда называютъ семейной общиной. Но эта семейная община владѣтъ не „нераздѣльной собственностью“, а подлежащей раздѣлу. Каждый членъ задруги, если желаетъ, можетъ выдти изъ ея состава и получить свою часть. Это совсѣмъ другое.

Третье основаніе—„нераздѣльность княжескихъ владѣній“. Это чистое недоразумѣніе, навѣянное теоріей родового быта. Княжества не состояли въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи рода Рюриковичей. Съ самыхъ древнихъ временъ каждый князь владѣлъ отдѣльнымъ княженіемъ въ опредѣленныхъ границахъ. Эти отдѣльныя владѣнія князьямъ не рѣдко удавалось предоставлять въ наслѣдство и своимъ дѣтямъ (Юрид. древ. т. II стр. 131—150).

До какого времени, по мнѣнію автора, простирается господство этой патріархальной общины, свойства которой никому неизвѣстны, и почему она исчезла безъ слѣда? „Съ пришествіемъ варяжской дружины, съ кореннымъ переворотомъ всего общественнаго быта, отвѣчаетъ авторъ, не могла сохраниться прежняя патріархальная община“... „Дружинное начало разрушило прежнюю родовую связь“ 94. Не одинъ авторъ придаетъ такое значеніе событію 861 года; онъ имѣетъ много сторонниковъ. И все таки это очень сомнительно. Неужели до 861 всѣ русскіе славяне жили совершенно мирно своими родами на родовыхъ земляхъ, передѣляли между собою пользованіе родовой собственностью, спокойно ее воздѣлывали, и никто изъ нихъ не ухо-

дарственному, можно назвать общепризнаннымъ въ наукѣ. Но что это за бытъ и какія въ немъ поземельныя отношенія, это очень не ясно и въ западной литературѣ, представляющей очень разнообразныя рѣшенія этого вопроса. Причина, конечно, въ скудости данныхъ. Въ римскихъ древностяхъ едва ли не всего болѣе сохранилось слѣдовъ родового быта. Но тамъ нѣтъ указаній на нераздѣльность родового имущества. По законамъ XII таблицъ родичи (gentiles) призываются къ наслѣдованію. Изъ этого слѣдуетъ, что имущество принадлежитъ не роду, а отдѣльнымъ его членамъ, между которыми и дѣлится. Оно наслѣдуется сперва ближайшими родственниками (sui heredes), потомъ слѣдующими за ними, наконецъ, болѣе отдаленными, родичами (gentiles). Родъ распадается на отдѣльныя семьи, изъ которыхъ въ каждой есть своя линія наслѣдниковъ. „Отношенія естественныя или патріархальныя“, на которыя ссылается авторъ, вовсе не требуютъ слѣдовательно, нераздѣльности имущества.

диль съ мѣста, не составлялъ разбойничьихъ шаякъ и не предавался грабежу мирныхъ жителей? Это трудно допустить. А въ такомъ случаѣ варяги принесли къ намъ менѣе новаго и неизвѣстнаго, чѣмъ, обыкновенно, думаютъ.

Но допустимъ, что угодно профессору Чичерину. Славяне мирно жили въ патріархальныхъ общинахъ, никакихъ дружинъ и насилій не было. Все это пришло съ варягами. Могъ ли ихъ приходъ измѣнить патріархальный бытъ? Ни сколько. Вѣдь варяги не вошли въ составъ безчисленныхъ родовъ, населявшихъ русскую землю, ихъ для этого было слишкомъ мало; да едва ли у нихъ могло быть и такое намѣреніе. Они могли дать только примѣръ дружинной жизни; возбудить желаніе имъ подражать. Нѣкоторые члены родовъ, до варяговъ мирно занимавшіеся воздѣлываніемъ родовой собственности, — могли пойти въ дружинники. Вотъ и все. Остальные остались при своихъ мирныхъ занятіяхъ въ патріархальныхъ общинахъ. Кажется, таковы должны были быть дѣйствительныя послѣдствія прихода варяжскихъ дружинъ. Если даже варяжскіе князья, по мнѣнію автора, примѣнили славянскіе порядки къ княжескому владѣнію, то есть полное основаніе думать, что эти порядки въ жизни не могли исчезнуть, а были усвоены и варягами. Вотъ къ чему приводитъ логическое развитіе положеній автора. Никакъ нельзя думать вмѣстѣ съ нимъ, что варяжскія дружины разложили патріархальную общину, а варяжскіе князья усвоили себѣ ея порядки.

Русская Правда, написанная въ самомъ началѣ XII вѣка, но содержащая въ себѣ право XI, X и еще болѣе отдаленной древности, ничего не знаетъ ни о патріархальной, ни о какой другой общинѣ; она говоритъ только о частной собственности, которая дѣлится и наследуется, а потому надо думать, что никакой патріархальной общины и не было. Была общая собственность членовъ семьи и даже членовъ рода, которая при желаніи могла дѣлиться, и только.

За патріархальной слѣдуетъ у автора община владѣльческая. „Прежняя родовая связь исчезла, говоритъ онъ; община не была уже союзомъ лицъ, соединенныхъ естественнымъ происхожденіемъ и общими патріархальными интересами; это былъ союзъ лицъ, соединенныхъ общими повинностями въ пользу землевладѣльцевъ“ 24.

Такой общины тоже не было. Изъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ мы знаемъ, что землевладѣльцы сдавали свои земли не общинамъ, а отдѣльнымъ крестьянамъ, и что повинности въ пользу ихъ несло каждое отдѣльное хозяйство — деревня, а не вся волостная.

община, о которой тогда и понятія никто не имѣлъ. Это утверждение опять основывается на незнакомствѣ съ новгородскими писцовыми книгами, которое, конечно, нельзя поставить въ вину автору.

Наконецъ, возникаетъ современная поземельная община. Возникновеніе ея авторъ приписываетъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, а потому и называетъ ее государственной. Съ этимъ мнѣніемъ автора мы согласны. Но авторъ не замѣтилъ первыхъ моментовъ возникновенія нашей общины, а потому и относитъ ихъ къ слишкомъ позднему времени. Онъ полагаетъ, что „настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, положенныхъ на землевладѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души“ 57. Такимъ образомъ, зарожденіе современной общины не восходитъ у него далѣе XVI вѣка, 43—45. Мы полагаемъ, что исторія ея началась гораздо раньше. Въ новгородскихъ пятинахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ московскихъ князей и того ранѣе. Точно опредѣлить это время нельзя. Можно только утверждать, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало владѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выражались такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ XIV вѣка.

Уравненіе крестьянскихъ участковъ и передѣлы земель относятся къ болѣе позднему времени. Разсмотрѣніе этого вопроса должно происходить въ связи съ разсмотрѣніемъ государственнаго тягла крестьянъ, къ чему мы еще не приступали.

Далеко не такъ сложно мнѣніе профессора Бѣляева. Онъ вѣритъ въ исконное существованіе современной поземельной общины крестьянъ, вотъ и все.

Профессоръ Бѣляевъ раздѣляетъ мнѣніе своего предшественника о томъ, что современной общинѣ предшествовала родовая. Но эта родовая община, по его мнѣнію, уступила свое мѣсто договорной задолго еще до прибытія варяжскихъ дружинъ, 110. Не мудрено, что профессору Бѣляеву свойства этой родовой общины еще менѣе извѣстны, чѣмъ

профессору Чичерину. Что же касается договорной, то она имѣетъ у него всѣ свойства современной. Крестьянская община есть собственница своихъ земель, и только тѣмъ отличается отъ другихъ собственниковъ, что „кажется не имѣла права продавать свои земли безъ особаго разрѣшенія“ 112. У отдѣльныхъ членовъ только пользование землями. Продавать общинныхъ земель они не могутъ, передавать ихъ по наслѣдству тоже. Если въ памятникахъ говорится о продажахъ крестьянами земель и о переходѣ ихъ по наслѣдству, то это относится не къ общиннымъ землямъ, а къ землямъ, принадлежавшимъ имъ на правѣ частной собственности. Передѣлы земель также происходили, хотя и не съ самой глубокой древности, а „въ общинахъ средне-вѣковой Россіи“ 117.

Всѣ эти положенія доказываются ссылками на памятники конца XV, XVI и даже XVII вѣка. Мы уже знаемъ, что эти ссылки оправдываютъ нѣкоторыя изъ мнѣній автора. Но изъ нихъ никакъ не слѣдуетъ, что такъ было съ древнѣйшихъ временъ. Изъ писцовыхъ же книгъ видно, что все это нововведенія. Всего менѣе посчастливилось автору съ доказательствомъ передѣловъ. Изъ раздачи общинами пустыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ онъ заключаетъ къ праву общинъ производить передѣлы!

Малое знакомство съ писцовыми книгами и здѣсь главная причина недоразумѣній. Poleмика же автора противъ нѣкоторыхъ положеній профессора Чичерина превосходна и едва ли не лучшее, что вышло изъ-подъ его пера.

Профессоръ Бѣляевъ утверждаетъ, что родовая община смѣнилась договорной, но не объясняетъ, какъ это случилось. Мы не можемъ придумать никакихъ причинъ, которыя бы объяснили возникновеніе договорной поземельной общины. Намъ понятно возникновеніе по договору общей собственности. Два, три человѣка могутъ составить общество для очистки земли отъ лѣса и потомъ владѣть ею сообща, пока не раздѣлять. Одному человѣку нельзя справиться съ труднымъ дѣломъ вырыванія корней, а потому и понятно соединеніе для этой цѣли нѣсколькихъ лицъ. Также понятно соединеніе даже большой массы людей, цѣлой „волости“, для постройки города въ видахъ общей безопасности и охраны. Не отрицаемъ мы и соединенія значительныхъ массъ людей для цѣлей охоты на звѣря и рыбу. Но зачѣмъ бы имъ соединяться для обработки земли? Организациа такой обработки большой массою людей дѣло чрезвычайно трудное и легко можетъ вести ко множеству споровъ и пререканій. Такая обра-

ботка легче дается одному, много двумъ-тремъ пріятелямъ. Нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ не высказался, какія же это причины вызвали образованіе договорной общины въ то время, когда на ней не лежали еще никакія повинности, а земли было болѣе, чѣмъ нужно.

Принялъ въ этомъ интересномъ спорѣ участіе и авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, С. М. Соловьевъ ¹⁾. Статья его отличается значительнымъ сочувствіемъ къ общему направленію профес. Чичерина и очень рѣзкими замѣчаніями по адресу профессора Бѣляева. Но почтенный историкъ не находитъ возможнымъ присоединиться ко всему, что говоритъ и Б. Н. Чичеринъ. Онъ находитъ совершенно ошибочнымъ его мнѣніе о томъ, что князья Рюриковичи, завоеывая Русскую землю, обращали ее въ свою собственность ²⁾. Его возраженія идутъ и дальше.

Очень понятно, что творецъ теоріи родового быта князей Рюриковичей съ совершеннымъ сочувствіемъ относится къ мысли о томъ, что первоначально была у насъ родовая община. Но ему не нравится раннее ея исчезновеніе съ приходомъ варяжскихъ дружинъ. „Совершенно справедливо, говоритъ онъ, что сельская община не могла оставаться на той ступени, на которой она находилась въ IX вѣкѣ; но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы въ продолженіи своей исторической жизни русская сельская община потеряла всѣ черты, которыя могли бы напоминать намъ о ея первоначальномъ видѣ“ 301.

Какія же черты сохранились отъ древнѣйшихъ, до-рюриковскихъ временъ до нашихъ дней? Авторъ раздѣляетъ мнѣніе профессора Чичерина, что община изъ родовой сдѣлалась гражданской. Что же перешло изъ родовой общины въ гражданскую?

Передѣлы! Изъ этого видно, что почтенный историкъ, хотя и не даетъ описанія патріархальной общины, отправляется, однако, отъ той же догадки, какую и мы сдѣлали, исходя отъ единственнаго

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1856, т. VI, стр. 285.

²⁾ Такое мнѣніе профессоръ Чичеринъ дѣйствительно высказываетъ, 9, 66 и сл., 72, 75. Эта мысль очень занимаетъ его, и онъ возвращается къ ней нѣсколько разъ, развивая и дополняя. Кажется, она надѣлала ему немало хлопотъ. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ такому заключенію: „право собственности князя на частныя земли состояло въ сущности въ правѣ суда и дани“ 79, 82. Право суда и дани, конечно, не есть проявленіе права собственности. Такимъ образомъ, авторъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ того, что выше нѣсколько разъ утверждалъ.

признака патріархальнаго владѣнія, указаннаго профессоромъ Чичеринымъ. Уже до Рюрика земли передѣлялись, и патріархальная община имѣла всѣ черты современной. И это при наличности совершенно иныхъ условій быта! С. М. Соловьевъ такъ и думаетъ, что передѣлы именно были вызваны условіями первоначальнаго быта, совершенно на нашъ не похожаго: „Земель было много, говоритъ онъ, поэтому она теряла свою цѣнность, стремленіе приобрѣтать ее въ неотъемлемую собственность ослаблялось, образовался взглядъ на землю, какъ на общее достояніе, наравнѣ съ воздухомъ и водою, а при такомъ взглядѣ становится легкимъ всякое измѣненіе въ земельныхъ участкахъ“ 302. Вотъ какъ возникли передѣлы, очень ужъ много было земель!

Нельзя сказать, чтобы эта аргументація была сильна. Но почтенный историкъ совершенно послѣдователенъ. Непонятно только, почему онъ прямо не присоединяется къ профессору Бѣляеву. Въ защитѣ древности современной общины онъ идетъ даже далѣе его. У Бѣляева передѣлы только въ средневѣковой Россіи, у него они были еще до Рюрика. Что же касается того, что гражданской общинѣ предшествовала родовая, то этого не отрицаетъ и Бѣляевъ. Разница только во времени. Соловьевъ гораздо ближе къ Бѣляеву, чѣмъ къ Чичерину, но это осталось для него тайной, а профессоръ Бѣляевъ подвергся рѣзкимъ укоризнамъ, вмѣсто выражений сочувствія. Таково вліяніе ученыхъ „кружковъ“.

Вопросъ, возбужденный профессоромъ Чичеринымъ, остается спорнымъ и послѣ напечатанія новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Но изъ двухъ разобранныхъ нами мнѣній, большее сочувствіе встрѣчаетъ въ новой литературѣ мнѣніе Бѣляева и Соловьева. Въ пользу древности современной общины высказываются и авторы новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій вопроса, г. П. Соколовскій и г-жа А. Ефименко. Мнѣніе г-жи А. Ефименко мы уже имѣли случай привести и разобрать (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь, 1900); теперь приведемъ и рассмотримъ мнѣніе г. П. Соколовскаго, имѣющее весьма многихъ послѣдователей.

Перу г. Соколовскаго принадлежатъ два труда, появившіеся почти одновременно: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи и Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи ¹⁾. Они дополняютъ другъ друга.

Г. П. Соколовскій внимательно изучилъ и старый матеріалъ и

¹⁾ Первый трудъ появился отдѣльнымъ изданіемъ въ 1877, второй мы читали въ книжкахъ журнала Историческая бібліотека за 1878 годъ.

вновь напечатанный и составилъ прекрасную картину сельской общины въ XVI и XVII вѣкѣ, которая нуждается лишь въ незначительныхъ поправкахъ; но отъ его добросовѣстной ученой пытливости ускользнуло одно очень важное обстоятельство. Онъ не замѣтилъ, что описываемая имъ крестьянская община только что возникла на земляхъ, конфискованныхъ у частныхъ собственниковъ и предоставленныхъ въ прекарное владѣніе и пользованіе крестьянъ. Крестьянскія общины распоряжаются своими землями, онѣ мѣняють ихъ, отдаютъ участки новымъ поселенцамъ, у нихъ есть общіе луга, лѣса, озера, они защищаютъ свое владѣніе на судѣ и т. д.; все это вѣрно, но все это со вчерашняго дня и на земляхъ, которыя составляли частную собственность новгородскихъ бояръ и бояришекъ, а Иваномъ Васильевичемъ оставлены за крестьянами. Г-ну же П. Соколовскому все это представляется стародавнимъ, исконнымъ явленіемъ.

Вотъ его мнѣніе. Оно начинается съ догадокъ.

„Земля, занимаемая какимъ-либо племенемъ, повидимому, принадлежность всего племени, она его собственность. Черныя земли (то-есть крестьянскія общинныя) были первоначально единственнымъ видомъ земель въ Россіи. Съ теченіемъ времени право на землю переносится на князей. Когда и вслѣдствіе какихъ вліяній совершилось у насъ такое перенесеніе права на землю съ народа на государя, это неизвѣстно. Но съ XV—XVI вѣка она уже называется государевой землей. Татарское завоеваніе не мало содѣйствовало, если не возникновенію, то развитію такого взгляда. Помѣстья возникли изъ черныхъ земель, а вотчины изъ помѣстій. До самой половины XVIII столѣтія у насъ не существовало частной поземельной собственности. Частныя лица, общины имѣли на нее лишь право болѣе или менѣе постояннаго владѣнія, собственникомъ же ея признавался государь.—Происхожденіе общины, ея зародышъ таится въ дали доисторическихъ временъ. Въ предѣлахъ историческаго времени не могла выработаться такая сложная и стройная форма взаимныхъ отношеній. Первоначально волости представляли союзы погостовъ, селъ и деревень, вообще селеній, связанныхъ между собою общиннымъ владѣніемъ земель. До XV—XVI вѣка въ источникахъ можно найти лишь самыя неполныя и отрывочныя данныя объ общинѣ. Дошедшія же до насъ данныя относятся къ тому времени, когда разрушеніе волостныхъ общинъ было въ большинствѣ мѣстностей совершившимся фактомъ“ ¹⁾.

¹⁾ Экон. бытъ, стр. 5, 56, 57, 60, 77, 123, 127 и 136.

Авторъ послѣдовательно и полно развилъ здѣсь знакомую уже намъ точку зрѣнія. Западные ученые въ явленіяхъ общиннаго землевладѣнія германцевъ XII вѣка видятъ лишь слабые остатки широкаго развитія этой формы, господствовавшей у нихъ еще до великаго переселенія народовъ; то же и у нашего автора: русская поземельная община возникла въ доисторическія времена, мы наблюдаемъ ее въ періодъ вымиранія.

Изъ области догадокъ, въ пользу которыхъ нельзя привести никакихъ доказательствъ, перейдемъ къ описанію общины по памятникамъ XV—XVI вѣка, но остановимся только на тѣхъ частяхъ описанія, которыя нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Мы не отрицаемъ крестьянской земельной общины, созданной московскими князьями на принадлежавшихъ имъ земляхъ; на этихъ земляхъ у крестьянъ появились общіе луга, лѣса и озера, они распоряжаются ими и защищаютъ ихъ на судѣ; мы ничего этого не отрицаемъ, а потому и не имѣемъ надобности возражать въ этихъ пунктахъ автору.

Но онъ идетъ далѣе. Полагая, что наблюдаемая у насъ община общиннаго владѣнія составляютъ остатокъ глубокой старины, онъ утверждаетъ, что въ XV еще вѣкѣ погосты, села и деревни были связаны общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ въ одно цѣлое—въ волость. „Земледѣльческое населеніе сѣверной Россіи, говоритъ онъ, въ XV—XVI вѣкѣ жило не въ одиночку, не на подворныхъ участкахъ, а группировалось въ общества, называвшіяся выставками, починками, деревнями, селами, сельцами, погостами и т. д... Союзъ нѣсколькихъ такихъ выселковъ, составлявшихъ волость, назывался нерѣдко „волостью выставкой“ или „выставкой погостомъ“. Это утвержденіе онъ сопровождаетъ пятью ссылками на Приложение къ изслѣдованію Неволіна о пятинахъ. По этимъ ссылкамъ можно подумать, что у Неволіна приведены документы, указывающіе на *союзы* выставокъ, починковъ, деревень и т. д. Ничего такого нѣтъ у Неволіна. Излагая содержаніе писцовыхъ книгъ, онъ приводитъ и содержащіяся въ нихъ указанія на погосты, выставки, деревни и т. д., но чтобы они составляли поземельные союзы, на это нѣтъ ни одного указанія. Деревни, починки, а въ позднѣйшихъ книгахъ выставки описываются, какъ совершенно отдѣльные поселенія. Новые поселки сперва садятся на льготѣ и ничего не платятъ, а по истеченіи льготныхъ лѣтъ платятъ каждый особо за себя. Съ конфискаціи, какъ было указано, это мѣняется, и возникаетъ обложеніе по волостямъ, т. е. по прежнимъ частнымъ владѣніямъ. Но это новость, а не старина. Нѣкоторыя вы-

ставки уходили отъ своихъ метрополій за 50, 70 и даже за 80 верстъ. Неволинъ 107. Какъ же было тутъ возникнуть поземельной общинѣ?

„Погосты Новгородской губерніи, продолжаетъ авторъ, составляли прежде общины, т. е. поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV и XVI вѣкахъ“. И опять ссылки на источники, писцовыя книги и иные.

Остановимся на погостахъ и рассмотримъ, что это такое. Древнѣйшее извѣстіе о нихъ восходитъ ко временамъ великой княгини Ольги. Лѣтописецъ говоритъ, что она „устила по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“. Почтенный авторъ желаетъ, чтобы мы въ погостахъ видѣли поземельные союзы поселковъ, крестьянскія общины. Извѣстіе лѣтописи не вкладывается въ такую гипотезу. Правда, оно слишкомъ кратко и можетъ вызывать разныя предположенія; но думать, что Ольга учредила поземельные союзы, не представляется никакого основанія. Въ это время земли было такъ много, что каждый могъ брать ее гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Да и по мнѣнію автора его крестьянскія общины возникли гораздо прежде Ольги. Она, однако, по лѣтописцу, установила погосты. Это, надо думать, что-нибудь другое, а не сельскія общины. Извѣстіе лѣтописи такъ кратко, что на немъ трудно построить что-нибудь опредѣленное. Ясно только, что погосты Ольги имѣютъ какое-то отношеніе къ повинностямъ, они переплетаются съ данями и оброками. Въ изслѣдованіи Неволіна о пятинахъ приведена вся литература этого вопроса и древнѣйшія указанія памятниковъ на погосты. Мы не будемъ повторять, что имъ хорошо сказано, а прямо перейдемъ къ описанію погостовъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Они даютъ совершенно достаточный матеріалъ для рѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ были погосты въ XV вѣкѣ, а слѣдовательно и много времени ранѣе.

Неволинъ уже сказалъ, что они были правительственными округами, 85. И это совершенно вѣрно. Описаніе селъ и деревень происходитъ въ предѣлахъ погостовъ. О каждой деревнѣ говорится, что она въ такомъ-то погостѣ. Такъ ведется все описаніе. Напримѣръ: „Въ Шегринскомъ погостѣ вел. князя деревни Павловскіе Мануйлова за Олешкою за Квашнинымъ“, идетъ опись деревень. А потомъ: „Въ Шегринскомъ же погостѣ вел. князя деревни Захарьинскія Овинова за Гордѣемъ за Семеновымъ сыномъ Сарыхозина“, идетъ опись деревень. А потомъ опять — „Въ Шегринскомъ же погостѣ деревни“ и т. д.

Погостъ есть округъ. Но какой? Не судебный, ибо судомъ погосты тянуть къ городамъ. Это хотя и не всегда, но много разъ обозначается. Напримѣръ: „А въ Налючскомъ погостѣ въ Курскомъ присудѣ“, „въ Дѣмонскомъ присудѣ въ Полоновскомъ погостѣ“, „въ Курскомъ присудѣ въ Устьянскомъ погостѣ“, „въ Буховскомъ погостѣ въ Ноугороцкомъ присудѣ“ и т. д. Древняя администрація вся исчерпывалась вопросами суда и повинностей, а потому на долю погостовъ, какъ административныхъ округовъ, остаются однѣ повинности. Въ этомъ смыслѣ о деревняхъ иногда пишутъ: „тянуть къ погосту Спасскому“, т. е., платежомъ повинностей.

Итакъ, всѣ села и деревни погоста составляютъ одну податную единицу. Для этого должны быть на мѣстѣ какія-либо учрежденія. Въ этомъ предположеніи Неволинъ и говоритъ, что погостъ, кромѣ округа, означаетъ еще и главное мѣсто такого округа. Это совершенно естественное предположеніе не оправдывается, однако, нашими источниками. Древнѣйшія писцовыя книги не содержатъ никакихъ указаній на какіе-либо правительственные центры въ погостахъ; мы не замѣтили ни одной погостской избы, на которыя есть указанія въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени, и никто не указываетъ такихъ избъ¹⁾. Надо думать, что погостская финансовая администрація была сведена до своего минимума.

Мы нашли только одно указаніе на административный погостскій органъ, но очень чреватое. Въ описаніи Каргальскаго погоста Вотской пятины одинъ изъ своеземцевъ названъ старостой. Думаемъ, это и есть погостскій финансовый органъ. Онъ не крестьянинъ-арендаторъ чужой земли, а землевладѣлецъ собственникъ, хотя и очень

¹⁾ Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, Калачовъ т. II 305, мы встрѣтили такое мѣсто при описаніи Андреевскаго села въ Тверскомъ уѣздѣ: „дворъ безпашенной, а приходятъ на него Ондреевскаго села крестьяне“ (дворцовые).

Къ другимъ заключеніямъ по этому вопросу пришелъ г. Папковъ, „Русск. Вѣстникъ“, 1898 г. XI и XII. Онъ полагаетъ, что въ погостѣ, какъ главной мѣстности округа, „находились дворы начальствующихъ лицъ, какъ выбранныхъ самими погощанами, такъ и назначенныхъ правительствомъ или же посаженныхъ помѣщиками въ качествѣ ихъ управителей“. XI. 69. Что на погостахъ иногда находились дворы правительственныхъ органовъ, волостелей и ихъ тиуновъ, и ключниковъ частныхъ лицъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и совершенно доказывается мѣстами писцовыхъ книгъ, приведенными авторомъ. Но это не погостскія власти, а власти или правительственныхъ волостей или частно-владѣльческихъ. Слѣдовало бы доказать наличность въ погостахъ—погостскихъ властей, чего авторъ не сдѣлалъ.

небогатый. Призваніе его въ органы администраціи очень понятно, въ обжи положены не однѣ только земли, на которыхъ сидятъ крестьяне, но и господскія. Въ той же деревнѣ, гдѣ имѣлъ дворъ этотъ староста, было еще два двора родныхъ братьевъ, и одинъ изъ нихъ былъ попъ. Весьма вѣроятно, что староста и попъ были родственники. Можно думать, что эта деревня представляла интеллигентный уголокъ того времени.

Что указанія на старость такъ рѣдки ¹⁾, это неудивительно. Писцы описывали хозяйства, а не должности, а при томъ старосты, по всей вѣроятности, мѣнялись ежегодно, это слѣдовательно признакъ очень непостоянный и къ дѣлу неидущій. И дѣла, по всей вѣроятности, у старостъ было не очень много. Число обожъ опредѣляло правительство, а не мѣстные органы. У мѣстныхъ органовъ оставался одинъ сборъ съ раскладкой, да и въ этомъ имъ могли помогать землевладельцы и сами крестьяне ²⁾.

¹⁾ Мы еще встрѣтили старосту въ волости, бывшей купца Шалимова I 100. Но эта волость осталась за великимъ княземъ, а потому здѣсь староста могъ замѣнить господина, и былъ, можетъ быть, волостной, а не погостскій.

²⁾ Г. Папковъ значительно преувеличиваетъ правительственное значеніе погостовъ. Въ доказательство своей мысли о весьма широкой дѣятельности выборныхъ погостскихъ властей онъ приводитъ документы XVI и XVII вѣка, а не XV. Вотъ приводимый имъ наказъ новгородскимъ дьякамъ о сборѣ податей съ новгородскихъ пятинь. „...Велѣно во всѣ пятины разослати грамоты, чтобы князи и дѣти боярскія, и всѣ служилые люди, и игумены и попы и дьяки, и старосты и сотскіе и пятидесятскіе и десятцкіе, и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинь по сыну по боярскому, по доброму, да изъ пятинь же выбрали человѣка по 3 и по 4 лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, а изъ малыхъ погостовъ изъ дву или изъ трехъ по человѣку, а велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ собирать наши ямскія и приметныя деньги, и за посошные люди, и за емчужное дѣло, и всякія подати, по писцовымъ книгамъ, и привозить къ вамъ въ Новгородъ“... Д. къ А. И. I 94. 1556.

Этотъ документъ можно приводить въ доказательство того, что въ XVI вѣкѣ погостскія власти не удовлетворяютъ московское правительство и замѣняются выборными изъ цѣлыхъ пятинь, а никакъ не въ доказательство широкой ихъ дѣятельности.

Дѣло идетъ о сборѣ повинностей и о доставленіи ихъ въ Новгородъ. Это предоставляется мѣстнымъ выборнымъ. Кто ихъ избираетъ? Всѣ жители пятины и мѣстные власти: старосты, сотскіе и пр. Пятины состоятъ изъ погостовъ, мѣстные власти суть, конечно, погостскія. И вотъ эти погостскія власти не годятся для сбора, онѣ только избиратели сборщиковъ. При этомъ маленькіе погосты соединяются въ одинъ. Погосты исчезаютъ, слѣдовательно, въ болѣе крупной единицѣ, въ пятинѣ. Въ XV вѣкѣ деревни тянули сборами къ погосту, а теперь и этого нѣтъ; произошло объединеніе сборовъ на всю пятину. Правительственное

Но погостъ, кромѣ округа, означалъ еще и мѣсто. Что это за мѣсто, это хорошо объяснили Д. В. Китаевъ да Н. Ч. С. Моклоковъ, описывавшіе въ 1500 году первую половину Вотской пятины. Въ ихъ описи есть любопытная особенность. Они начинаютъ описаніе cadaго погоста съ указанія на то, есть въ немъ погостская церковь или нѣтъ. Напримѣръ: „Погостъ Григорьевскій-Кречневскій. А церковь того погоста владычная, а писана во владычнѣ волости въ семъ же погостѣ“. А вотъ описаніе самаго погоста-мѣста: „Въ Кречневскомъ же погостѣ деревни владычни. На погостѣ церковь Григорій Богословъ, да на погостѣжъ: дворъ попъ Ермола, дворъ дьякъ церковный Грихно Степанковъ, не пашутъ; а хрестьянъ (слѣдуетъ перечисленіе пяти дворовъ), а дохода владыцѣ сто и 20 яицъ, а изъ хлѣба треть“. Мѣсто, гдѣ находится погостская церковь, и называется въ описяхъ погостомъ и описывается особо со всѣмъ тѣмъ, что „на погостѣ“ находится. Эти мѣста-погосты Неволинъ и принялъ—за главныя мѣстности погоста-округа.

значеніе погостовъ, не великое и въ XV вѣкѣ, въ XVI еще болѣе падаетъ. Маленькіе погосты по 2 и по 3 соединяются въ одинъ для выбора пятиннаго сборщика, а не погостскаго.

Изъ другихъ документовъ мы знаемъ, однако, что правительственное значеніе нѣкоторыхъ погостовъ, въ указанномъ нами смыслѣ, сохраняется еще и въ XVII вѣкѣ. Изъ писцовой книги Обонѣжской пятины, Заонѣжской половины, видно, что деревни Оштинскаго погоста тянутъ къ этому погосту податями и всякими мірскими разметаи, и что старосты и цѣловальники погоста раскладываютъ на деревни и выставки эти повинности. Неволинъ, О погостахъ 107 и сл.

Г. Папковъ съ большою любовью относится къ нашимъ древнимъ погостамъ и надѣлаетъ ихъ такими качествами, какихъ они вовсе не имѣли. „Изъ исторіи возникновенія погоста, говоритъ онъ, мы знаемъ о его изстари торгово-промышленномъ значеніи, а потому особенно любопытно выяснитъ тотъ *торговый характеръ* погоста, который за нимъ сохранился въ позднѣйшую эпоху, именно съ конца XV по XVII вѣкъ включительно“. XI 66. И затѣмъ авторъ приводитъ указаніе на существованіе въ погостахъ торговыхъ помѣщеній и ярмарокъ. Что на погостахъ жилали торговые и промышленные люди, что тамъ были ихъ амбары и лавки и устраивались ярмарки, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но это не составляетъ необходимаго признака погоста. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ гораздо чаще встрѣчаются погосты, въ которыхъ не было ни торговыхъ людей, ни торговыхъ помѣщеній, и все населеніе которыхъ состояло изъ 3—4 дворовъ, въ которыхъ жили: попъ, дьякъ, проскурница и церковный сторожъ. Переписная книга второй половины Вотской пятины (*Временникъ* XI и XII) описываетъ 20 погостовъ, и только на одномъ изъ 20 жилъ одинъ торговый человекъ (въ Никольско-Ижерскомъ); въ остальныхъ никто не жилъ, кромѣ причта, просвирицы и, иногда, сторожа. А тѣмъ не менѣе это были погосты. Итакъ, „торговый характеръ“ не есть принадлежность погоста.

Что такое погостская церковь? Это приходская церковь для всего погоста и при ней кладбище для похоронъ погостскихъ людей. И теперь у народа „погостъ“ означаетъ сельскій приходъ и церковь съ кладбищемъ. Даль. Въ погостахъ встрѣчаются еще частныя церкви въ селахъ и даже деревняхъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ; но это ихъ собственныя церкви, онѣ могутъ быть закрыты для публики; хоронить умершихъ около нихъ тоже нельзя безъ дозволенія господина. Эти церкви можно приравнять къ современнымъ домовымъ.

Устройство погостскихъ церквей было чрезвычайно разнообразно. Въ большинствѣ случаевъ онѣ находились на владѣльческихъ земляхъ: бояръ, бояришекъ, владыки, монастырей и церквей (городскихъ). Въ этихъ случаяхъ на томъ же погостѣ, кромѣ домовъ причта, иногда, былъ домъ господина, его людей, крестьянъ, поземщиковъ.

При описаніи волости извѣстнаго намъ И. В. Захарьина-Лятца прежде всего читаемъ: „На погостѣ церковь Великій Архангелъ Михаилъ; на погостѣ же дворъ попъ Павелъ, дворъ церковный дьякъ Олферко, сынъ его Ивашко, дворъ пономарь Офонаско, дворъ прокурница Анна, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 40 копень, 2 обжи“. II 263.

Здѣсь на погостѣ никого нѣтъ, кромѣ причта. А на погостѣ въ деревняхъ извѣстнаго намъ Зах. Овинова живетъ самъ новый помѣщикъ и его люди, а прежде жили люди Овинова. II 196.

Погостскія церкви строились въ деревняхъ не однихъ богачей, онѣ встрѣчаются и на земляхъ небогатыхъ своеземцевъ. Своеземцу Ивашкѣ Миронникову принадлежало всего четыре деревни, а на его землѣ была погостская церковь, и на томъ же погостѣ, кромѣ дворовъ причта, было два двора его крестьянъ. II 321.

Весьма много погостскихъ церквей встрѣчается на земляхъ владычныхъ и монастырскихъ. На такихъ погостахъ весьма нерѣдко были и дворы владычныхъ и монастырскихъ крестьянъ и не пашенныхъ людей; встрѣчаются тамъ и владычные и монастырскіе дворы ¹⁾.

Встрѣчаются погостскія церкви и на земляхъ общихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ. При этомъ также бываютъ на погостахъ господскіе и крестьянскіе дворы кого-либо изъ совладѣльцевъ, а иногда и каждого изъ нихъ ²⁾.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ, какъ и чѣмъ

¹⁾ I 71, 451, 612, 652, 684, 753; II 393, 411, 465, 494, 578.

²⁾ Для примѣра: I 946; II 198, 498.

обеспечивалось содержаніе погостскихъ церквей и причта. Это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Укажемъ только на то, что иногда причту отводились мѣстными владѣльцами земли, которыя имъ и воздѣлывались. Очень можетъ быть, что именно такимъ образомъ, то есть путемъ частнаго пожертвованія, возникли погостскія церкви, о которыхъ писцы говорятъ, что у нихъ пашня на церковной землѣ. Обыкновенно на такихъ погостахъ никто, кромѣ причта, не живетъ ¹⁾. Это указываетъ на то, что эти церковныя земли были не велики и сдавать въ аренду было нечего. Онѣ воздѣлывались руками причта.

Если на погостѣ жилъ самъ владѣлецъ или его ключникъ, то о принадлежащихъ ему деревняхъ говорится, что онѣ тянутъ къ погосту, то есть тянутъ къ мѣсту жительства господина платежомъ дохода.

Предоставленіе частными владѣльцами своихъ земель подъ устройство церквей и кладбищъ и для помѣщенія причта, а иногда и пахотныхъ для него земель, является дѣломъ усердія; а со стороны владыки и монастырей такое пожертвованіе входитъ даже въ кругъ ихъ христіанскихъ обязанностей по распространенію и поддержанію вѣры. Въ концѣ XV вѣка эта дѣятельность духовныхъ учреждений и частныхъ лицъ не была, однако, на высотѣ своего призванія. Встрѣчаются погосты, въ которыхъ не было ни церкви приходской, ни погоста (мѣста). Писцы иногда такъ и пишутъ: „Погостъ Заверяжье. А церкви погостскія нѣту, ни погоста“. Въ Вотской пятинѣ такихъ погостовъ безъ погостскихъ церквей—пять на 36 погостовъ. Въ Деревской пятинѣ положеніе дѣль было еще хуже. На 54 погоста (мы исключаемъ города и волости) въ 15 не было ни погостской церкви, ни погоста ²⁾. Не беремъ на себя рѣшать, какъ удовлетворялись духовныя потребности населенія въ этихъ случаяхъ.

¹⁾ Для примѣра: III 414, 569, 637, 680, 712, 726.

²⁾ Новогор. писцов. книги не имѣютъ указателей, а потому, для провѣрки нашихъ наблюденій, мы считаемъ не лишнимъ назвать тѣ погосты, въ которыхъ мы не нашли погостскихъ церквей. Въ Деревской пятинѣ погостскихъ церквей нѣтъ въ погостахъ: Посонскомъ, Бологовскомъ, Млевскомъ, Михайловскомъ, Городенскомъ, Великопорожскомъ, Боровицкомъ, Пиросскомъ, Налескомъ, Яжелобицкомъ, Локотскомъ, Островскомъ, Морозовскомъ, Холовскомъ и Новолоцкомъ.

Въ Посонскомъ пог. — погостъ-мѣсто не описывается, но тамъ есть сельцо Погостъ, въ которомъ есть и церковь, въ этомъ селѣ живетъ владѣлецъ. Это частная церковь, а не погостская.

Тоже въ Бологовскомъ погостѣ; тамъ есть сельцо Бологое съ церковью, въ селѣ живетъ владѣлецъ. Думаемъ, что и это частная церковь, а не погостская.

Въ Вотской пятинѣ на Дмитріевскомъ-Городенскомъ погостѣ было двѣ церкви. Въ Деревской пятинѣ, кромѣ погостскихъ церквей, мы встрѣтили еще 15 церквей частныхъ; но распредѣлены онѣ были по погостамъ очень неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ погостахъ было по двѣ церкви, и приходская и частная, а въ другихъ ни одной.

Итакъ, ни погостская церковь, ни погостъ-мѣсто не составляютъ необходимой принадлежности погоста-округа. Онъ можетъ быть и безъ церкви приходской ¹⁾).

Заключаемъ: погостъ-округъ состоитъ изъ нѣкотораго количества владѣній частныхъ лицъ; погостъ-мѣсто, если таковое есть, — изъ приходской церкви, кладбища, дворовъ причта, а иногда и изъ нѣсколькихъ дворовъ частныхъ владѣльцевъ и ихъ крестьянъ и поземщиковъ. Ни тутъ, ни тамъ во всѣхъ 172-хъ погостахъ, полное описаніе которыхъ мы имѣемъ, не встрѣчается ни одного клочка земли,

Въ пог. Михайловскомъ тоже; тамъ есть село Тимофеевское, въ немъ живетъ владѣлецъ и есть церковь во имя Николы. Это тоже частная церковь, а не погостская.

Въ описаніи Городенскаго пог. упоминаются дворы „у Николы на погостѣ“, но этотъ Никольскій погостъ находится въ Вельевскомъ погостѣ, гдѣ и описанъ.

Въ остальныхъ погостахъ нѣтъ никакихъ церквей.

Въ Вотской пятинѣ нѣтъ погостскихъ церквей въ погостахъ: Завережѣ, Антоновскій, Каргальскій, Городенскій въ Ладожскомъ уѣздѣ и Городенскій въ Корелѣ.

Два послѣднихъ погоста находились около городовъ Ладоги и Корелы, а потому Неволинъ думаетъ, что приходскія церкви ихъ были въ городахъ. Если это и принять, результатъ остается тотъ же: оба погоста своей церкви не имѣли.

Но мы не имѣемъ всѣхъ описей новгородскихъ пятинъ, а потому кто-нибудь скажетъ: погостскія церкви, которыхъ не оказалось въ дошедшихъ описяхъ, могли находиться въ недошедшихъ. Такого возраженія нельзя сдѣлать потому, что, если церковь погостская находилась гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, писецъ ея не описывалъ, но всегда упоминалъ о ней, напримѣръ: „Погостъ Никольскій съ Городища, а церковь того погоста въ Обонежъской пятинѣ, за Волховомъ, на Городищѣ“. *Временникъ*, XI. 107.

¹⁾ Г. Папковъ не въ мѣру преувеличиваетъ и церковное значеніе древнихъ погостовъ. „Жители погостовъ, по его мнѣнію, были связаны въ одно живое цѣлое для совмѣстнаго отбыванія церковныхъ и гражданскихъ повинностей“. „Погосты въ качествѣ церковно-административныхъ округовъ составляли обычное явленіе“. „На сколько въ старину твердо было проведено то начало, что храмъ въ главномъ селеніи погоста составлялъ просвѣтительный центръ церковной и общественной жизни всего округа, и что цѣльность прихода должна быть по возможности сохранена...“ и т. д. XI, 59, 61, 79. Какъ все это могло быть, когда значительное число погостовъ не имѣло ни погоста (мѣста), ни церкви!

который до конфискаціи состоялъ бы во владѣніи крестьянской общины.

На какомъ же основаніи почтенный авторъ утверждаетъ, что „погосты прежде составляли общины, то есть поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV—XVI вѣкѣ“? Оч. ис. с. об. 77.

Вотъ его основанія. Въ виду важности ихъ для рѣшенія спорнаго вопроса, мы должны остановиться на каждомъ изъ нихъ особо.

„Земли, говоритъ онъ, состоящія въ общемъ владѣніи погоста, нерѣдко описываются въ писцовыхъ книгахъ; такъ у Неволіна (Приложеніе 339) описываются порозжія земли и угодья погоста“.

Здѣсь авторъ ссылается на писцовую книгу конца XVI вѣка (1582—1583). Но тамъ нѣтъ того, что ему угодно было прочесть. Тамъ рѣчь идетъ „о порозжихъ земляхъ царя и великаго князя, что были въ помѣстьяхъ за дѣтьми боярскими“, и затѣмъ приводится итогъ: „И всего въ Покровскомъ погостѣ порозжихъ земель...“. Эти земли находятся въ погостѣ-округѣ, но онѣ не принадлежатъ погосту, и такого субъекта правъ, какъ погостъ, у насъ никогда не было.

Далѣе у почтеннаго автора читаемъ. „Рутинскій погостъ отданъ жителямъ сосѣдняго рядка Селищо для пашни на разѣмъ за оброкъ въ волость—гривну и 5 денегъ“.

Это опять большое недоразумѣніе. Въ приведенной цитатѣ, что ни слово, то ошибка. Мы должны привести подлинное мѣсто источника. Подробный анализъ его дастъ интересную картину погостамѣста.

„Въ Рутинскомъ погостѣ великаго князя волость оброчная Ивановская Маркова. Сельцо Порѣчье“. Идетъ перечисленіе дворовъ. „А на погостѣ у Егорья Св. дворы Ивановскіе же Маркова. На великаго же князя жеребьяхъ—8 дворовъ. А позему даютъ великому князю 3 гривны и 4 деньги. Да тѣ же рядовичи пахутъ селищо ¹⁾ на разѣмъ, а даютъ съ него оброку въ волость гривну и 5 денегъ“.

Неволинъ выписалъ это (200) изъ описанія Деревской пятины, теперь уже давно напечатаннаго. Дѣло идетъ о волости, принадлежавшей Ивану Маркову и конфискованной великимъ княземъ. Крестьяне этой волости платили доходъ Маркову съ каждой деревни

¹⁾ Т. е. пустую деревню. Селище и теперь, между прочимъ, значитъ: гладко выгорѣвшее или уничтоженное, снесенное селеніе, остатки жилого мѣста. Даль.

особо. Послѣ конфискаціи, какъ это обыкновенно тогда дѣлалось, подворный доходъ господину замѣненъ общимъ оброкомъ со всей волости въ пользу князя. Волость означаетъ здѣсь — бывшее имѣніе Маркова, не больше.

Погостская церковь Св. Григорія была выстроена на общей землѣ, принадлежавшей прежде четыремъ владѣльцамъ: Ивану Маркову, у котораго на погостѣ было 8 дворовъ, Григорью Кобылину, у котораго тамъ было 3 двора крестьянъ, да 3 двора не пашенныхъ людей, Якиму Ананьину, у котораго было 10 дворовъ пашенныхъ и не пашенныхъ людей, и, наконецъ, Ивану Самсонову, у котораго было 7 дворовъ поземщиковъ. Это былъ очень населенный погостъ; жители его построились рядами и образовали цѣлыя улицы. Земли всѣхъ перечисленныхъ владѣльцевъ въ Рутинскомъ погостѣ были конфискованы на государя, но за нимъ остались только земли Маркова, а земли остальныхъ владѣльцевъ были отданы въ помѣстья: Кобылинскія—князьямъ Крапоткинымъ, Ананьинскія—Костянтинову, Самсоновскія—Отяеву, къ нимъ же пошли и ихъ погостскіе дворы. Такимъ образомъ, и послѣ конфискаціи погостъ-мѣсто остался въ общемъ владѣніи и тоже четырехъ владѣльцевъ: князя и трехъ помѣщиковъ¹⁾. Но у великаго князя только Марковскіе дворы. Это и значитъ „на жеребьяхъ великаго князя“. За великимъ княземъ остались 8 дворовъ не пашенныхъ, гдѣ жили поземщики. Они арендовали ближайшее селище, стали его пахать на разъемъ, то есть кому сколько понадобилось, и за это, кромѣ позема, должны были платить оброкъ, какъ и всѣ крестьяне великаго князя. Этотъ оброкъ они платятъ въ волость, такъ какъ великій князь имѣетъ дѣло не съ отдѣльными дворами или деревнями, а съ цѣлою волостью, то есть съ цѣлымъ имѣніемъ Маркова.

Говоря коротко, дѣло состоитъ въ томъ, что нѣсколько поземщиковъ, живущихъ на погостѣ, нанимаютъ конфискованную великимъ княземъ землю, кому сколько нужно (на разъемъ) и платятъ за нее оброкъ въ волость, какъ и всѣ крестьяне, сидящіе на земляхъ великаго князя. О погостѣ, кому-то отданномъ для пашни, и рѣчи нѣтъ.

Господинъ же П. Соколовскій прочелъ совсѣмъ другое: у него весь Рутинскій погостъ отданъ жителямъ сосѣдняго рядка Селище для пашни!

¹⁾ Въ краткой описи Неволіна всѣхъ этихъ свѣдѣній нѣтъ; мы беремъ ихъ изъ писцовыхъ книгъ.

Не смотря на то, что авторъ читаетъ совсѣмъ не то, что написано, онъ имѣетъ много послѣдователей¹⁾, а потому мы должны продолжать.

На той же страницѣ послѣ только что разобраннаго мѣста о погостахъ читаемъ: „Стремленіе организовать въ подобные (?) поземельные союзы было такъ всеобще, что даже сотни и десятки, имѣвшіе первоначально чисто военное значеніе, развивались въ волостныя общины. Такъ, напримѣръ, Сумерская волость, населенная пахатными солдатами, составляла прочно организованную общину“. Затѣмъ приводится выписка изъ сотной, данной въ 1627—1628 году крестьянамъ Сумерской волости, изъ которой видно, что оброкомъ облагается цѣлая волость, а не отдѣльные дворы—деревни, что у волости есть угодья, рыбныя ловли и т. д. Все это совершенно вѣрно. Можно только сожалѣть, что авторъ доказываетъ такія права волостей ссылкой на документъ XVII вѣка. Онъ могъ бы найти совершенно однородныя явленія въ писцовыхъ книгахъ конца XV-го. Но онъ тамъ увидалъ бы, что это новыя явленія, которыя только что возникли послѣ конфискаціи, и что до конфискаціи волостями въ новгородскихъ пятинахъ назывались владѣнія частныхъ лицъ, а не общинъ.

Нѣсколько строкъ далѣе читаемъ: „Сумерская волость не была одиночнымъ явленіемъ. Великокняжеская волость Морева, Велела, Холмскій погостъ, судя по дѣленію на десятки, обнаруживаютъ военное происхожденіе, но въ то же время образуютъ волостныя общины. Земли cadaго десятка, въ которыхъ было отъ 6 до 16 поселковъ, состояли въ общемъ владѣніи всѣхъ его жителей и назывались десятскими землями“.

Выше мы уже имѣли случай обратить вниманіе читателя на особенность описанія деревень въ волостяхъ Морева, Велела и въ погостѣ Холмскомъ. Но эта особенность не въ томъ, въ чемъ видитъ ее почтенный авторъ. Земли вовсе не состоятъ въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей десятка. Крестьянскіе участки описываются здѣсь, какъ и во всѣхъ пятинахъ, по деревнямъ; каждая деревня, какъ и вездѣ, составляетъ особое цѣлое, имѣетъ свой особый посѣвъ и особо платитъ съ него доходъ. Ни малѣйшихъ слѣдовъ общаго владѣнія землями всѣхъ деревень десятка.

Особенность описанія состоитъ въ томъ, что не указаны прежніе

¹⁾ Для примѣра укажемъ на изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго, Организация прямого обложенія стр. 77 примѣч., и г. Папкова о Погостахъ, *Рус. Вѣст.* 1898, XI, стр. 63.

владѣльцы, ново и старо сведенные новгородскіе бояре и бояришки, и что деревни описываются не по ихъ владѣніямъ (волостямъ), а по десяткамъ.

Почтенный авторъ думаетъ, что дѣленіе на десятки обнаруживаетъ военное происхожденіе этихъ волостей и погоста. Это чрезвычайно рискованное утвержденіе. Во всѣхъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка слово волость имѣетъ всегда одинъ и тотъ же смыслъ, это совокупность деревень, состоящихъ въ частномъ владѣніи свѣтскихъ лицъ и духовныхъ учреждений. Ни о какомъ военномъ происхожденіи этихъ волостей и рѣчи быть не можетъ. Мы знаемъ, что такое погостъ; о военномъ происхожденіи Холмскаго погоста также не можетъ быть никакой рѣчи. Предположеніе автора о военномъ происхожденіи двухъ волостей и одного погоста ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято. Что же представляетъ собою распредѣленіе по десяткамъ деревень въ этихъ мѣстностяхъ, которое нигдѣ болѣе не встрѣчается?

Этотъ вопросъ мы ставили выше и въ виду того, что такое дѣленіе на десятки нигдѣ болѣе не встрѣчается, мы полагали, что объясненіе ему надо искать въ какихъ-либо особенностяхъ этой мѣстности. Такая особенность нашлась и нами указана въ своемъ мѣстѣ. Дѣленіе на десятки введено, по всей вѣроятности, временнымъ владѣльцемъ этихъ волостей и погоста, княземъ Бѣльскимъ. Это остатокъ его личныхъ хозяйственныхъ распоряженій. Послѣ его ухода (опись была сдѣлана, когда князь Бѣльскій былъ уже переведенъ въ другое мѣсто), осталось только введенное имъ наименованіе, самое же дѣленіе на десятки не сохранилось. Десятки распались, отдѣльныя деревни десятка розданы въ помѣстья разнымъ лицамъ. Въ моментъ описанія десятковъ уже нѣтъ, а почтенный авторъ думаетъ, что они не только продолжаютъ существовать, но даже владѣютъ со-обща землею.

На той же 77 стр. авторъ ссылается и еще на одинъ документъ, который приведенъ и въ сочиненіи Неволіна (104). Въ своемъ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ Неволінъ говоритъ, что „въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста“. Что въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи, это совершенно вѣрно, но что онѣ состояли въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста, это обмолвка или очень неточное выраженіе. Выше мы представили разборъ полного описанія Рутинскаго погоста. Земли этого погоста состояли въ общемъ владѣніи четырехъ собственниковъ, изъ которыхъ на погостѣ никто и не жилъ.

На погостѣ, кромѣ причта, жили только арендаторы земель этихъ собственниковъ, которые вовсе не были ихъ совладѣльцами. Для доказательства своей очень неточно выраженной мысли, Неволинъ, кромѣ писцовыхъ книгъ, ссылается еще на одну мировую, напечатанную въ А. Ю. Она безъ года, но издатели относятъ ее къ XV вѣку. Г. П. Соколовскій видитъ въ этомъ документѣ доказательство не общаго, а общиннаго владѣнія (полагаемъ, онъ различаетъ эти два вида владѣнія).

Документъ начинается съ челобитья князю: „билъ челомъ староста Азикъ, и Харагинецъ, и Ровда, и Игнатецъ, пріѣхавъ отъ своей братьи, на Василья на Матвѣева“. Но идучи къ суду, они помирились на томъ, что „Шенкурскій погостъ и земли Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ—Василью и въ вѣки. А взялъ Азикъ съ своею братьею у Василья 20.000 бѣлки, а пополки 10 рублей“. Мировая состоялась о земляхъ, лежащихъ въ Шенкурскомъ погостѣ-округѣ и на Шенгурскомъ погостѣ-мѣстѣ. Всѣ эти земли, принадлежавшія истцамъ и ихъ братьи, поступаютъ въ частную собственность Василья, отвѣтчика. Но кто были истцы, которые уступили свои земли? Г. Соколовскій желаетъ въ старостѣ Азикѣ, Харагинцѣ, Ровдѣ и Игнатцѣ съ братьею видѣть представителей общины. Это очень сомнительно. Представители общины всегда говорятъ, что они дѣйствуютъ отъ имени всѣхъ крестьянъ, эти же являются уполномоченными только отъ своей братьи. Они, можетъ быть, и сами между собой братья, да еще осталось нѣсколько братьевъ дома. Здѣсь рѣчь идетъ, слѣдовательно, объ общей землѣ нѣсколькихъ совладѣльцевъ, частью родственниковъ. Ихъ земля находится въ разныхъ мѣстахъ Шенкурскаго погоста, на ихъ же землѣ выстроена и церковь погостская, всѣ эти земли они и передаютъ Василью. Что одинъ изъ нихъ староста, это еще не доказываетъ, что онъ общинникъ, а не частный владѣлецъ. Мы видѣли уже старосту-своеземца.

Приведенными данными въ пользу мнѣнія, что Новгородскіе погосты и волости еще въ XV—XVI вѣкѣ сохранили слѣды того, что прежде они были поземельными крестьянскими общинами, авторъ не ограничивается; на стр. 82 (Оч. ист.) онъ говоритъ: „Мы постараемся собрать всевозможныя данныя для доказательства повсемѣстности существованія деревенской общины, такъ какъ относительно этого пункта высказывалось въ литературѣ особенно много сомнѣній. За исключеніемъ усадьбы, находившейся и тогда, какъ и

теперь, въ подворномъ пользованіи, вся земля состояла не только въ общинномъ владѣніи, но и въ общинномъ пользованіи“.

Прежде, чѣмъ идти далѣе, автору надо было бы доказать, что старыя деревни представляли общины. Такихъ доказательствъ онъ не даетъ, да ихъ и нельзя дать, такъ какъ старинныя деревни населены или родственниками, которые владѣютъ своими участками по праву наслѣдства, или посторонними лицами, которые арендовали свои участки у землевладѣльца. И тѣ и другіе могутъ уйти съ своихъ участковъ и поселиться на новыхъ. Населеніе старой деревни,—слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ населеніемъ деревни современной. Тогда еще не было деревенской общины, а могло быть только общее владѣніе нѣсколькихъ арендаторовъ или сонаслѣдниковъ.

Не считая нужнымъ доказывать, что старинныя деревни представляли общины, авторъ доказываетъ, что онѣ владѣли землями на общинномъ правѣ. Вотъ эти доказательства: 1) припускъ одной деревни къ другой, 2) наличность полей, обрабатываемыхъ сообща. 3) равенство подворныхъ участковъ.

Припускъ земель одной деревни къ другой, какъ мы знаемъ, встрѣчается уже въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Въ нихъ говорится иногда о припускѣ помѣщиками земель пустыхъ деревень въ поле къ той деревнѣ или селу, въ которомъ они сами живутъ. Напримѣръ: „Селцо на Бѣломъ озерѣ, а въ немъ дворъ Ивановъ (помѣщика), дворъ челоуѣкъ его Борзой; да къ тому же селцу Иванъ припустилъ въ поле деревню Куплино; а на Ивана сѣютъ“ и т. д. Сказано, припускается „деревня“, но это пустая деревня; это видно изъ того, что въ ней дворы крестьянъ не указаны. И такъ во всѣхъ случаяхъ, которые мы замѣтили ¹⁾. А о князѣ Бор. Сем. Горбатомъ и прямо сказано: припустилъ къ себѣ въ поле, къ селцу Гора, гдѣ самъ живетъ, двѣ деревни и пашетъ ихъ *своими людьми*. Припускъ деревень есть увеличеніе своей запашки на счетъ пустыхъ земель. То же могли дѣлать и крестьяне съ согласія землевладѣльца; для нихъ это является увеличеніемъ количества арендуемой земли. Одинъ такой случай мы уже указали въ Деревской пятинѣ (I, 509). То же происходитъ и въ XVI вѣкѣ, на писцовыя книги котораго авторъ и ссылается. Тамъ тоже рѣчь идетъ о припускѣ пустыхъ деревень къ жилымъ. Нерѣдко такъ и говорится. А

¹⁾ Нов. пис. вн. II 25, 57, 211, 248, 558.

иногда говорится, какъ и въ новгородскихъ книгахъ, о припускѣ деревни къ деревнѣ; но что дѣло идетъ о припускѣ незаселенной земли, это видно изъ того, что число дворовъ показывается въ одной только деревнѣ, именно въ той, къ которой дѣлается припускъ, а не въ припускаемыхъ. Напримѣръ: „деревня Скокова, да къ ней же припущена въ пашню деревня Усища, да деревня Селивановская, да деревня Онтоново, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ да дворъ пусть“ и т. д. Шестнадцать дворовъ — всѣ находятся въ деревнѣ Скоковой, а не въ 4 деревняхъ вмѣстѣ. Пустая деревня продолжала называться деревней, какъ пустошь продолжаетъ, иногда, называться пустошью, хотя тамъ уже есть населеніе. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются случаи припуска пустоши къ пустоши: конечно, та пустошь, къ которой дѣлается припускъ, имѣетъ уже населеніе, а называется по старому ¹⁾. И въ XVI вѣкѣ припускъ есть увеличеніе количества земли одной деревни на счетъ другой, ненаселенной, и ничего болѣе. Онъ не имѣетъ никакого отношенія къ порядку крестьянскаго землевладѣнія; оно остается какимъ было, а какое оно, этого изъ „припуска“ не видно.

Иначе думаетъ авторъ. Онъ полагаетъ, что въ припускѣ два, три, четыре селенія соединяли свои поля вмѣстѣ, и „что такого соединенія полей различныхъ деревень не могло бы происходить такъ часто, какъ это было въ XVI вѣкѣ, если бы право распоряженія землей принадлежало не всей совокупности жителей поселка, а отдѣльнымъ дворамъ, т. е. если бы не было общиннаго пользованія землей“. Эк. быть, 158, 160. По мнѣнію автора, слѣдовательно, припускъ совершается потому, что крестьяне суть общинники и, какъ таковые, сами распоряжаются своей землей, соединяютъ и раздѣляютъ свои общинные участки.

Авторъ въ истинности своего мнѣнія убѣждается изъ того, что соединеніе полей происходитъ „такъ часто“. А если бы не такъ часто? Это очень плохое основаніе. Да и какъ рѣшить, что очень часто? Никакой статистики для того времени у насъ нѣтъ.

Отъ невѣрно понятыхъ источниковъ, въ которыхъ авторъ усмотрѣлъ соединеніе двухъ населенныхъ деревень, когда рѣчь идетъ о припускѣ пустой деревни къ населенной, онъ заключилъ къ тому, что право распоряженія землей принадлежитъ всему населенію, общинѣ крестьянской. Допустимъ, но спросимъ, о какихъ это кре-

¹⁾ Последніе два примѣра мы взяли у г. Соколовскаго, Эк. быть, 159, 160.

стьянахъ идетъ рѣчь въ тѣхъ памятникахъ, которыми авторъ пользовался, и въ какое время?

Извѣстія о припускѣ деревень очень многочисленны. На указанныхъ мною страницахъ (159 — 160) авторъ приводитъ 28 случаевъ такого припуска. Изъ нихъ 9 случаевъ имѣли мѣсто на помѣщичьихъ земляхъ, 18 на монастырскихъ и только одинъ на бывшей помѣщичьей, отданной крестьянамъ въ оброкъ. Что касается времени припуска, то четыре случая произошли въ 1577—1578, два—въ 1584—1586, двадцать одинъ въ 1592 — 1593 и одинъ въ 1595 — 1598 ¹⁾. Итакъ, всѣ случаи припуска, кромѣ одного, имѣли мѣсто на владѣльческихъ земляхъ, а не на земляхъ царя и великаго князя, предоставленныхъ крестьянамъ въ прекарное владѣніе. Громадное большинство изъ нихъ (22) произошло послѣ отмѣны Юрьева дня. — Если мы пойдемъ по стопамъ автора, то должны будемъ признать, что въ помѣстьяхъ и монастырскихъ вотчинахъ „распоряжались землями“ не владѣльцы, а вся совокупность жителей поселка, и что такое ихъ право существовало и послѣ прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Полагаемъ, что и самъ авторъ остановился бы передъ такимъ заключеніемъ, еслибъ, выбирая свѣдѣнія о припускѣ, обратилъ вниманіе на то, въ какихъ имѣніяхъ этотъ припускъ совершается и въ какое время. На владѣльческихъ земляхъ нигдѣ и никогда не принадлежить никакое „право распоряженія“ крестьянамъ, вездѣ распоряжается господинъ ²⁾. А послѣ прикрѣпленія онъ распоряжается не только землей, но и лицомъ своихъ крестьянъ. Въ это время развилась барщина и мѣра надѣла крестьянъ землей совершенно зависѣла отъ усмотрѣнія господина. Упоминаемые въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка припуски, конечно, совершались по приказу землевладѣльца и въ его интересахъ.

Покончивъ съ припускомъ, почтенный авторъ переходитъ къ общей обработкѣ небольшихъ участковъ земли всѣми жителями деревни.

¹⁾ Авторъ ссылается на слѣдующія стр. I отд. пис. кн. XVI вѣка, изданное подъ редакціею Калачова, которое тогда уже было ему извѣстно, а на свѣтъ появилось только въ 1895: 123, 268 (1584—6), 278 (1593—4), 370, 553, 560, 585 (1577—8), 633 (1595—8), 664, 678, 683, 687, 690, 709, 710, 711, 726, 763, 767, 775 (1592—3), 787—791 (1592—4), 816, 833, 838, 845, 895 (1592—3).

²⁾ Богатые монастыри предоставляли, иногда, своимъ крестьянамъ право мѣнять между собой свои дворы и земли и даже продавать ихъ, тоже между собой, но съ доклада прикащику, а не своевольно. А. Э. I, № 258, 1561. Грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ.

Такіе случаи записаны въ писцовой книгѣ 1592—1593 года землямъ Троице-Сергіева монастыря ¹⁾. Мы не встрѣтили указаній на такую общую обработку нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; она не встрѣчается даже въ другихъ вотчинахъ того же монастыря. Все это вмѣстѣ съ позднимъ появленіемъ такой обработки указываетъ на исключительный ея характеръ и не позволяетъ видѣть въ ней даже въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка общаго явленія. Тѣмъ не менѣе указанія эти имѣютъ большую важность, и мы остановимся на нихъ.

Въ сельцѣ Маринино было 32 крестьянскихъ двора. Изъ нихъ семь дворовъ сидѣли на $\frac{1}{8}$ выти каждый, шесть на $\frac{1}{3}$ каждый, одинъ на $\frac{1}{2}$, восемь на $\frac{1}{4}$, семь на $\frac{1}{6}$, два на $\frac{1}{16}$, одинъ на $\frac{7}{12}$, „да они же пашутъ сопча по мѣрѣ $\frac{15}{36}$ выти“. Каждый дворъ, слѣдовательно, занимаетъ не одинакое количество земли, на которой лежатъ повинности, а весьма различное; разница эта простирается отъ минимума — $\frac{1}{16}$ до максимума $\frac{7}{12}$, т. е. въ $9\frac{1}{2}$ разъ большой участокъ превосходитъ маленькій. Всѣ же 32 двора пишутъ сопча менѣе $\frac{1}{2}$ выти (I 748). Выть, обозначая податную единицу, заключала въ себѣ очень разное количество земли. Какъ были велики приведенныя выти, это изъ описи не видно. Изъ другихъ описей мы знаемъ, что размѣръ вытей очень колебался, но чаще встрѣчаются выти въ 6, 7, 8 десятинъ, смотря по качеству земли. Если примѣнить эту мѣру къ данному случаю, получимъ на 32 двора общей земли менѣе 3 — 4 десятинъ въ полѣ. Въ другихъ деревняхъ общей земли больше. Въ деревнѣ Михайловское-Лопырево на 2 двора, изъ которыхъ каждый сидѣлъ на $\frac{1}{2}$ выти, общей земли было $\frac{1}{2}$ выти, т. е. немного болѣе, чѣмъ на 32 двора въ деревнѣ Маринино. Въ сельцѣ Озерецкомъ было 3 двора, изъ которыхъ 2 сидѣли на $\frac{1}{4}$ выти каждый, а одинъ на $\frac{1}{8}$; въ общей запашкѣ была $\frac{1}{8}$ выти, т. е. гораздо менѣе, чѣмъ на 2 двора въ деревнѣ Лопырево.

Что это за земли, почему онѣ пахались сообща и въ чью пользу, и что значитъ „пахать по мѣрѣ“—всѣ эти вопросы еще ждутъ своего объясненія. Но что эта общая запашка не имѣетъ ничего общаго съ современной крестьянской общиной, объ исторіи которой идетъ рѣчь, — это совершенно ясно и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

„Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ общиннаго пользованія земель, говоритъ на слѣдующей страницѣ авторъ, служить от-

¹⁾ Пис. кн. подъ ред. Калачова I 731—787.

сутствіе неравенства подворныхъ участковъ“. Отсутствіе неравенства означаетъ, конечно, равенство подворныхъ участковъ. Это до такой степени противорѣчитъ источникамъ, что авторъ нашелъ нужнымъ немедленно за этимъ утвержденіемъ допустить и неравенство подворныхъ участковъ, но не большое, въ трое! Мы имѣли уже случай говорить о размѣрахъ дворовыхъ участковъ, а потому и не будемъ болѣе останавливаться на этомъ „самомъ убѣдительномъ доказательствѣ“. Ни о какомъ равенствѣ дворовыхъ участковъ и рѣчи быть не можетъ ¹⁾.

Мы не пойдемъ далѣе за г. П. Соколовскимъ. Сказаннаго, полагаемъ, довольно для характеристики его ученыхъ приемовъ и того увлеченія идеей глубокой древности современнаго общиннаго быта, которое, нерѣдко, мѣшаетъ ему читать то, что написано въ источникахъ. Но передѣловъ земли и онъ не усматриваетъ ранѣе XVII вѣка. Они явились у него какъ слѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (Очер. ист. 93).

В. Сергѣевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ Экономическомъ бытѣ на стр. 156 авторъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ видно, что одинакое число дворовъ положено въ одинакое число обожъ, и отсюда заключаетъ, что дворы имѣли равное количество земли. Что отдѣльные дворы нерѣдко могли занимать одинакое количество земли, этого, конечно, никто не будетъ отрицать. Но весь способъ доказательства автора не вѣренъ. Онъ отправляется отъ обжи, какъ показателя количества дворовой земли. Это не правильно. Кто читалъ писцовыя книги, тотъ знаетъ, что одно и то же количество земли можетъ быть положено и въ 2 и въ 3 обжи. Во-вторыхъ, изъ того, что 10 дворовъ положены въ 10 обожъ, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ дворы занимаютъ по равному количеству земли. Писцовая книга Новгорода приводитъ итоги по цѣлой деревнѣ, а слагаемыя остаются неизвѣстными. Считать ихъ равными плохой научный приемъ.— Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, изданныхъ подъ редакціей Калачова, иногда показаны земли, на которыхъ сидятъ отдѣльные дворы; эти участки то равны между собой, то нѣтъ.

Доказательства автора въ пользу деревенской общины и г-жа А. Ефименко находятъ неубѣдительными. „Только предвзятая идея, говоритъ она, можетъ придать рѣшающее значеніе хотя бы доводамъ, сгруппированнымъ г. Соколовскимъ въ пользу существованія деревенской общины“. И возражаетъ на каждый изъ трехъ его доводовъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ мы. Крест. Землевл. 211.

НАКАЗЫ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1789 ГОДУ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первичныя собранія приходовъ ¹⁾.

V.

Изъ приведеннаго видно, къ чему сводилась достовѣрность официальныхъ цифръ представительства приходовъ на окружныхъ собраніяхъ.

При томъ слѣдуетъ также имѣть въ виду отмѣченные мною случаи прямыхъ ошибокъ и недоразумѣній при составленіи списковъ неявокъ.

Въ списокъ приходовъ Шартрскаго округа занесено 11 населенныхъ мѣстъ съ отмѣткой: „assignées par erreur“, т. е., съ признаніемъ собственной ошибки. Въ Дурданѣ созванъ былъ приходъ Egly, зависѣвшій отъ Парижскаго округа, въ Лангрѣ причисленъ къ уклоняющимся приходъ, не обладавшій особымъ податнымъ спискомъ, а потому не подлежавшій созыву; то же случилось въ Saint Yrieix съ двумя, въ Аррасѣ — съ пятью, въ Limoux — съ цѣлыми 20 поселками ²⁾.

Созывались даже фиктивные мѣстечки безъ единой живой души и противъ нихъ торжественно заявлялось „défaut“. Такъ поступили въ Драгиньянѣ съ 3 приходами, тутъ же обозначенными, какъ не населенные (paroisses inhabitées), въ Грассѣ — съ мѣстечкомъ La Na-

¹⁾ Продолженіе. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

²⁾ *Опои*. Comparution des paroisses. 24—26.

считать столкновение неизбежнымъ. Въ промежутокъ времени между 29-мъ іюня и 14-мъ іюля замѣчается обратное движеніе вслѣдствіе извѣстія, что русскіе отступаютъ назадъ. Король приостанавливаетъ вооруженія и надѣется, что миръ въ этомъ году еще устоитъ. Наконецъ, 21-го іюля приходятъ вѣсти изъ Голландіи, что нападеніе на Пруссію только отложено на годъ: тогда Фридрихъ II рѣшается предупредить своихъ противниковъ.

Евг. Щепкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями ¹⁾).

Послѣ трудовъ г. П. Соколовскаго и г-жи А. Ефименко вопросъ объ исторіи поземельной общины, сколько мы знаемъ, никѣмъ не подвергался самостоятельной разработкѣ. Но его касаются очень многіе изъ нашихъ ученыхъ, заявляя сочувствіе то тому, то другому направленію.

Н. Д. Чечулинъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ древности общиннаго землевладѣнія. Приведя мнѣніе Б. Н. Чичерина о томъ, что общинные передѣлы земель нельзя относить ко времени, предшествовавшему прикрѣпленію крестьянъ, авторъ говоритъ: „Положенія Чичерина по этому вопросу опровергнуты многими изслѣдователями“ (Города 118). Къ сожалѣнію, почтенный ученый не указываетъ, кѣмъ именно, а такое указаніе было бы особенно важно въ виду того, что и противники профессора Чичерина не находятъ возможнымъ относить передѣлы къ глубокой древности. По мнѣнію И. Д. Бѣляева они возникли „въ общинахъ средневѣковой Россіи“, а по мнѣнію г. П. Соколовскаго не ранѣе XVII вѣка. Выражая свое сочувствіе идеѣ древности передѣловъ, авторъ приноситъ и свою дань въ подтвержденіе этой мысли.

Въ описаніяхъ городскихъ огородовъ и нивъ онъ замѣтилъ обозначеніе ихъ по старому и по новому хозяину, напримѣръ: „огородъ попа Антона—Гришинскій“, „Нива Ивана Микифорова — Гавриловская Михайлова“. Останавливаясь на причинѣ такого явленія, г. Че-

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

чулинъ приходитъ къ мысли, что такой переходъ земель отъ одного владѣльца къ другому могъ существовать „несомнѣнно, прежде всего, при общинномъ землевладѣніи и передѣлахъ земель“, 117 стр. Такимъ образомъ г. Чечулинъ открылъ передѣлы городскихъ земель въ XVI вѣкѣ. Авторъ находится въ очевидномъ недоразумѣніи. При передѣлѣ земель прежніе участки не сохраняются, а изъ нихъ возникаютъ новыя, и, обыкновенно, болѣе мелкія; это и есть передѣлъ, вызываемый нарожденіемъ новыхъ претендентовъ на общинныя земли; вновь возникающіе, такимъ образомъ, участки не могутъ быть названы по старому владѣльцу, ибо они его не имѣли; это новыя участки, возникшіе въ силу передѣла старыхъ. Наименованіе участка по старому владѣльцу указываетъ не на передѣлъ, а на переходъ стараго участка къ новому владѣльцу и только. Авторъ отмѣчаетъ и случаи соединенія участковъ нѣсколькихъ старыхъ владѣльцевъ въ рукахъ одного новаго. Это тоже не передѣлъ, это дѣйствіе сложенія, а не дѣленія. Хорошо было бы разъяснить, почему въ городахъ такой переходъ совершался такъ часто, какъ утверждаетъ авторъ; у него были, говоритъ онъ, тысячи такихъ случаевъ. Къ сожалѣнію, авторъ успокоился на своемъ предположеніи общинныхъ передѣловъ городскихъ земель и оставилъ этотъ важный вопросъ стариннаго городского землевладѣнія безъ всякаго разъясненія.

Останавливается на происхожденіи общиннаго землепользованія и г. Лаппо-Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи объ организаціи прямого обложенія. Въ этомъ первомъ своемъ ученомъ трудѣ онъ проявилъ уже всѣ тѣ свойства, которыми въ такой высокой степени отличаются его Критическія замѣчанія. Онъ и здѣсь чрезвычайно остороженъ. Чтобы не сдѣлать ошибки, онъ принимаетъ и мнѣніе объ исконной древности общины, и мнѣніе о возникновеніи ея изъ правительственныхъ мѣропріятій. Отдѣлъ, посвященный крестьянской общинѣ, начинается у него такъ: „Происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній, въ предѣлы которыхъ стали мало по малу входить посторонніе элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами“ 76. Мнѣніе о происхожденіи современной поземельной общины изъ первоначальныхъ родовыхъ отношеній—высказывается, какъ мы знаемъ, очень многими изслѣдователями. Выписанное нами мѣсто особенно близко подходитъ къ образу мыслей г-жи А. Ефименко, которая беретъ на себя трудъ показать, какъ „изъ кровнаго деревенскаго союза извле-

кались его кровные элементы и замѣщались посторонними“ (220, 225 и въ другихъ мѣстахъ). У нашего автора встрѣчаемъ тѣ же выраженія ¹⁾. Но страницей далѣе г. Лаппо-Данилевскій присоединяется уже къ мнѣнію Б. Н. Чичерина. „Общность экономическихъ и духовныхъ интересовъ, говоритъ онъ, была слишкомъ слаба, чтобы образовать болѣе сложные общественные союзы; въ то время, когда она лишь подготавливала ихъ образованіе, послѣднее осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства“.

Итакъ, посторонніе элементы, начавшіе проникать въ кругъ родовыхъ отношеній, могли создать только небольшіе союзы „одного или нѣсколькихъ поселеній“, но были слабы, чтобы образовать болѣе крупныя волостныя общины. Большіе союзы созданы правительствомъ. Первое утвержденіе совершенно въ духѣ г-жи Ефименко, послѣднее въ духѣ г. Чичерина. Общинное землепользованіе, слѣдовательно, двоякаго происхожденія: въ маленькихъ поселеніяхъ — это перерожденіе доисторическаго патріархальнаго быта вступленіемъ въ него постороннихъ элементовъ, а въ большихъ волостяхъ это слѣдствіе правительственной организаціи, но не финансовой только, а и судебно-полицейской.

Въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ мнѣній авторъ проявилъ не одну осторожность, мы наблюдаемъ здѣсь и извѣстную уже намъ краткость: авторъ и здѣсь не задерживается на ученыхъ вопросахъ, а скользитъ по нимъ съ нѣкоторой легкостью. О какой крестьянской общинѣ говоритъ онъ? О поземельной или объ административной? Одна можетъ быть безъ другой; административная можетъ быть даже древнѣе поземельной. Этого вопроса почтенный ученый, кажется, не выяснилъ себѣ. Судя по началу, у него идетъ рѣчь о поземельной общинѣ. Деревня г-жи А. Ефименко, отъ мнѣнія которой онъ отправляется, составляетъ „одно поземельное цѣлое“. Ея „посторонніе эле-

¹⁾ Г. П. Милюковъ относитъ нашего автора къ послѣдователямъ г. П. Соколовскаго (Спорные вопросы 26). Правда, г. Лаппо-Данилевскій охотно ссылается на г. П. Соколовскаго и даже на самыя рискованныя его положенія, напримѣръ, „на почти одинаковые размѣры подворныхъ участковъ“ и на припускъ деревень, примѣч. на 77 стр., а о г-жѣ А. Ефименко здѣсь не упоминаетъ. Но, чтобы видѣть его родство съ ея направленіемъ, ссылка на нее и не нужна, авторъ не только повторяетъ ея мысль, но даже въ ея выраженіяхъ. Г-нъ же П. Соколовскій рѣшительно заявляетъ: „Я старался доказать, что происхожденіе общины нельзя искать ни въ семьѣ, ни въ договорѣ“... Эк. б. 125. Онъ противникъ происхожденія общины изъ родовыхъ отношеній.

менты, входящіе въ родственную сферу“, дѣлаются участниками *земле-владѣнія* первоначально „кровной родовой клѣточки“. Подъ „болѣе же сложными общественными союзами, осуществившимися подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой зависимости отъ государства“,— надо разумѣть не только поземельную, но и административную общину, ибо судебно-полицейская зависимость отъ государства могла создать только административную, а никакъ не поземельную общину. Итакъ, авторъ говоритъ о разныхъ явленіяхъ, совершенно того не замѣчая.

Далѣе, повторяя мнѣніе профессора Чичерина, онъ существенно съ нимъ расходится, не чувствуя ни малѣйшей потребности объяснить это. У Чичерина правительство организуетъ поземельную общину независимо отъ величины и сложности поселковъ, и это совершенно вѣрно. У нашего автора въ большихъ поселкахъ дѣйствуетъ правительство, а въ маленькихъ начала, указанные г-жею А. Ефименко. Но какіе поселки суть большіе и какіе маленькіе, какіе союзы суть болѣе сложные и какіе менѣе сложны, кто и когда провелъ между ними границу, и въ какихъ документахъ все это различено, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ, и это никому не извѣстно. Все это—соображенія, не имѣющія никакого основанія въ источникахъ и придуманныя единственно для того, чтобы устроить нѣкоторый родъ перехода отъ мнѣній г-жи А. Ефименко къ мнѣнію профессора Чичерина. Думаемъ, что такое чисто механическое склеиваніе чужихъ мнѣній, взаимно одно другое исключаящихъ, ничего не разъясняетъ, а можетъ быть причиной многихъ недоразумѣній.

Профессоръ Никитскій высказывается рѣшительно и ясно. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, если въ древности и было общинное владѣніе, оно представляетъ собою совершенно отличное явленіе отъ того, что мы разумѣемъ подъ общиной въ настоящее время“ ¹⁾.

Въ осенней (1900) книжкѣ одного ежемѣсячнаго изданія намъ случилось прочитатъ отзывъ о сочиненіи И. Я. Гурлянда „Ямская гоньба“. Авторъ отзыва, г. Ч., большой сторонникъ древности общиннаго землевладѣнія, говоритъ, что г. Гурляндомъ найдены новыя данныя о передѣлахъ земель въ XVI вѣкѣ. Мы поспѣшили сдѣлать справку. Г. Гурляндъ въ приложеніи къ своему труду напечаталъ любопытныя рукописи, которыя служили матеріаломъ для его изслѣдованія. На страницѣ, на которую дѣлаетъ указаніе г. Ч., читаемъ: „И по наказу государева боярина и воеводы...

¹⁾ „Очерки экономической жизни Новгорода“, 42.

велѣно... Наугородскіе ямскіе слободы московскіе дороги охотникомъ околгородная десятинная пашня и обежныя земли..., которые земли и сѣнные покосы и угодья отдѣлены, межъ ими *поверстати* и *рописати* тѣ земли и сѣнные покосы и угодья за ними всѣмъ *поровну*" (21 и сл.). Извѣстіе очень интересное, но въ немъ нѣтъ никакого передѣла, а есть *надѣленіе* охотниковъ ямскихъ землею по распоряженію правительства. Для устройства ямскихъ охотниковъ отведено нѣкоторое количество земли, которое и велѣно раздѣлить между ними поровну, такъ какъ на нихъ на всѣхъ возложены одинакія обязанности по ямской гоньбѣ. Вотъ какъ появились у насъ равныя земельныя участки, до которыхъ наши общинники доискиваются съ такимъ усердіемъ. Это случилось около 1589 года и по распоряженію правительства. Въ другомъ документѣ отъ 1601 года читаемъ сперва ссылку на государевъ указъ, на основаніи котораго произведенъ былъ дѣлежъ государева жалованья ямскимъ охотникамъ, разныхъ ямскихъ пустошей и полей, а за тѣмъ самый дѣлежъ: „И къ тому полю тѣмъ 20 человекамъ тѣ три пустоши *раздѣлилъ*, пашню и сѣнокошу, *пополосно, ровно*, и захожіе земли тѣхъ трехъ пустошей *раздѣлилъ пополосно, ровно*" (103). Вотъ откуда *полосы*, которыя тоже очень интересуютъ гг. общинниковъ, и которыхъ въ старыхъ новгородскихъ книгахъ нигдѣ нѣтъ. Земли раздѣлены по числу охотниковъ, т. е. по тягламъ. Въ случаѣ ухода охотниковъ была возможна новая разверстка земель (текстъ 139). Это уже близко къ нашимъ современнымъ порядкамъ. Но все это новости и въ силу правительственныхъ предписаній. Матеріалъ, сообщенный г. Гурляндомъ, чрезвычайно интересенъ, а потому мы и поспѣшили имъ воспользоваться. Но доказываетъ онъ совсѣмъ не то, что было желательно доказать г. Ч.

Мы не ставимъ себѣ задачей исчерпать всѣ существующія въ нашей литературѣ разногласія, но не потому, что выполненіе такой задачи было бы бесполезно. Оно выше нашихъ силъ. Мы ограничимся анализомъ разногласій лишь по крупнѣйшимъ вопросамъ древняго быта. Въ виду этого мы остановимся еще только на трудѣ профессора Дьяконова.

Г. М. Дьяконовъ въ своихъ послѣднихъ „Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“ подвергаетъ переработкѣ вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Въ первомъ томѣ „Юридическихъ древностей“ мы указали уже на новое направленіе въ рѣшеніи этого вопроса. Къ этому новому направленію примыкаетъ и

г. Дьяконовъ. Предполагаемый указъ конца XVI вѣка объ отмѣнѣ Юрьева дня не имѣетъ для него рѣшающаго значенія. Прикрѣпленіе крестьянъ совершилось, по его мнѣнію, ранѣе, въ половинѣ XVI вѣка, и было слѣдствіемъ не правительственныхъ распоряженій, а появленія „обычныхъ правилъ о не-выходѣ тяглыхъ людей съ посадовъ и уѣздовъ“ и „постепенной утраты права выхода крестьянами старожильцами, наиболѣе вѣроятной причиной прикрѣпленія которыхъ является крестьянская задолженность“¹⁾.

Итакъ, не правительство прикрѣпило крестьянъ, а они прикрѣпились сами собой, въ силу обычая, который лишилъ права перехода тяглыхъ крестьянъ и старожильцевъ-должниковъ.

Въ мнѣніи г. Дьяконова немного новаго: что тяглые люди еще въ XVI вѣкѣ считались крѣпостными, это высказалъ Б. Н. Чичеринъ въ 1856 году; что старожильцы не имѣютъ свободы перехода, это утверждаетъ профессоръ Владимірскій-Будановъ въ первомъ изданіи своего „Обзора исторіи русскаго права“, появившемся въ 1886 году; что задолженность причина прикрѣпленія, это доказывалъ профессоръ Ключевскій въ 1885 году. Новаго у г. Дьяконова только то, что онъ соединилъ вмѣстѣ три причины, тогда какъ его предшественники довольствовались каждый какой-либо одной. Профессоръ же Владимірскій-Будановъ, въ новомъ изданіи своего „Обозрѣнія“, настаивая на старожильствѣ, какъ причинѣ прикрѣпленія, оспариваетъ таковое же значеніе задолженности.

Возникновеніе крѣпостной зависимости—капитальнѣйшій вопросъ нашей исторіи, а потому мы никакъ не можемъ оставить безъ тщательнѣйшаго разъясненія всѣхъ вызываемыхъ имъ разногласій. Разсмотримъ мнѣніе г. Дьяконова.

Авторъ утверждаетъ, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются (9). Такое утвержденіе вызываетъ вопросъ, что такое тяглые люди? Этому трудно повѣрить, но это такъ: авторъ или не нашелъ нужнымъ разъяснить, что такое тяглые люди, или позабылъ это сдѣлать. Мы не находимъ у него ни малѣйшей попытки опредѣлить, что такое тяглые люди. Профессоръ Чичеринъ, которому онъ слѣдуетъ, говорить, что такое, по его мнѣнію, тяглые люди. Онъ считалъ земли бояръ, слугъ и духовныхъ учрежденій бѣлыми, т. е. „свободными отъ податей и

¹⁾ Формулируемъ мнѣніе автора словами его „положеній“, имъ самимъ извлеченныхъ изъ его книги.

повинностей, взимаемыхъ княземъ съ тѣхъ людей, которые поселились на его собственной землѣ“. Опыты 11, 80 и сл. Только эта послѣдняя земля (княжеская) была черная, тяглая, а ея населеніе—тяглые люди. По мнѣнію Б. Н. Чичерина, только они и были прикрѣплены въ половинѣ XVI вѣка; крестьяне частныхъ владѣльцевъ продолжали сохранять свободу перехода. Кто же прикрѣпленъ по мнѣнію нашего автора? Объ этомъ можно только гадать.

Проф. Бѣляевъ возражалъ Чичерину и доказывалъ, что владѣльческія земли не были свободны отъ тягла. Онъ былъ совершенно правъ. Наша древность не знала ни земель, ни владѣльцевъ, которые были бы свободны отъ тягла по общему правилу. Освобожденіе возникало всякій разъ по особой жалованной грамотѣ, а не по общему праву. Такое освобожденіе давалось, нерѣдко, на опредѣленный срокъ. Тяглыми были всѣ крестьяне, кромѣ льготныхъ владѣній, которымъ даны жалованныя грамоты. Да и эти не всегда освобождались отъ всякаго тягла; есть жалованныя грамоты, по которымъ и за ними оставались нѣкоторыя повинности, и они были тяглые, хотя и не всѣ.

Г. Дьяконовъ, конечно, все это хорошо знаетъ. Въ его книгѣ можно встрѣтить выраженія, изъ которыхъ видно, что и онъ стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія. Характеризуя бобылей, онъ утверждаетъ, что они люди не тяглые, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ. Всѣ крестьяне, значитъ, тяглые люди. Это совершенно вѣрно. Что же получится? Въ половинѣ XVI вѣка прикрѣплены всѣ крестьяне. Едва ли, однако, авторъ найдетъ этотъ выводъ согласнымъ съ своими намѣреніями. Онъ доказалъ больше, чѣмъ было ему нужно.

Но доказалъ ли онъ?

Проф. Чичеринъ въ доказательство своей мысли сослался на двѣ царскихъ грамоты роднымъ братьямъ Григорію и Якову Строгоновымъ. Въ 1564 году Григорій Аникеевичъ Строгоновъ билъ челомъ царю и великому князю, а сказывалъ: „въ Великой Перми, за 88 верстъ, по Камѣ рѣкѣ есть мѣста пустыя, лѣсы черные и озера дикія, а всего пустаго мѣста 146 верстъ; а прежде на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не ставили, и въ цареву казну никакая пошлина не бывала“. Затѣмъ Строгоновъ говоритъ о своемъ намѣреніи поставить на томъ пустомъ мѣстѣ городокъ, а на городкѣ пушки и пищали учинить, для береженья отъ ногайскихъ людей и другихъ ордъ, и просить царя и великаго князя о дозволеніи пашню пахать, дворы ставить, людей называть *не письменныхъ и не тяглыхъ*, и

разсолу искать, и гдѣ найдется разсолъ, варницы ставить и соль варить.

На это челобитье и послѣдовала государева жалованная грамота, въ которой Строгонову разрѣшалось все, о чемъ онъ просилъ, да кромѣ того давалась льгота на 20 лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей и вѣзда княжескихъ чиновниковъ. Строгонову дано право вѣдать и судить своихъ слобожанъ во всемъ. Такова же и другая грамота Якову Строгонову, который нашолъ разсолъ еще подальше и просилъ отвести ему земли еще на 20 верстъ. Д. къ А. И. I № 117, 119.

Гдѣ тутъ закрѣпленіе тяглыхъ людей?

Строгонову дана льгота. И частные владѣльцы давали льготы и даже подмогу деньгами крестьянамъ, которые садились на пустыхъ мѣстахъ и брались устроить деревню; то же дѣлаетъ и царь. Но жалуемая имъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, льгота, конечно, не должна приносить ему никакого ущерба въ настоящемъ. Поэтому и Строгоновы просятъ о дозволеніи называть людей не тяглыхъ, и царь только на этомъ условіи и даетъ льготу. Строгоновъ больше и не проситъ: онъ самъ хорошо понимаетъ, что не можетъ пользоваться льготой, принимая тяглыхъ людей. Строгоновъ не долженъ принимать тяглыхъ, но это не значитъ, что тяглые не могутъ отходить. Имъ не сдѣлано никакого воспрещенія. Въ свой срокъ они могутъ уйдти, они могутъ забрести и на Каму; но если Строгоновъ ихъ не приметъ, имъ придется искать другого мѣста. Но имъ не возбранено сѣсть и на той же Камѣ, только не на Строгоновской льготной землѣ; но, сѣвъ на Камѣ, и они могутъ о льготѣ хлопотать. Это никому не воспрещено.

Если грамоты Строгоновымъ доказываютъ прикрѣпленіе тяглыхъ людей въ половинѣ XVI вѣка, то мы можемъ также легко доказать прикрѣпленіе ихъ въ самомъ началѣ XV вѣка.

Въ жалованной грамотѣ начала XV вѣка, данной нижегородскимъ княземъ Благовѣщенскому монастырю, читаемъ: „А тутошнихъ людей станowychъ игумень въ монастырь не принимаетъ, а кого къ себѣ игумень призоветъ людей изъ иного княженія, а не изъ моей отчины, и тѣмъ людямъ пришлымъ ненадобѣ моа дань на 10 лѣтъ“... Причина запрещенія принимать „тутошнихъ станowychъ людей“ та же: монастырю дана льгота только для новыхъ людей, тутошние же—суть тяглые, они льготой не пользуются, принимать ихъ на льготную землю значило бы причинять князю убытокъ.

Совершенно то же читаемъ въ жалованной грамотѣ отъ 1421 года, данной великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ митрополиту Фотію: „а тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему, митрополиту, не пріимать; а кого отецъ мой, митрополитъ, перезоветъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моего вел. княженія, и тѣмъ людямъ пришлымъ на 10 лѣтъ не надобѣтъ имъ моя дань“...

До насъ дошло и еще нѣсколько такихъ грамотъ ¹⁾.

Льготныя грамоты XV вѣка различаются въ терминахъ отъ такихъ же XVI вѣка, но по существу совершенно одинаковы съ ними. Ни тѣ, ни другія не содержатъ запрещенія выхода тяглымъ людямъ. Онѣ запрещаютъ только льготнымъ владѣльцамъ принимать къ себѣ на льготныя земли тяглыхъ крестьянъ. Но тяглые крестьяне, конечно, могутъ уходить и садиться не только на тяглыя земли, но и на льготныя, если владѣльцу не запрещено ихъ принимать. Такія льготныя грамоты дошли до насъ и отъ XIV, и отъ XV, и отъ XVI вѣка.

Въ льготной грамотѣ Отрочу монастырю отъ 1361 года читаемъ: „Архимандриту Святой Богородицы и игуменомъ, и попомъ и дьякономъ, и чернецомъ, и слугамъ монастырскимъ, и вольнымъ людямъ, не надобѣ никакая моя дань. Тако же и сиротамъ (крестьянамъ), кто имѣтъ сѣдѣти на земли Святой Богородицы Отроча монастыря..., не надобѣ имъ ни которая дань“.

То же въ XV вѣкѣ. Въ льготной грамотѣ Троицы-Сергіеву монастырю читаемъ: „И кого игумень Спиридоней на тѣхъ земляхъ, на Троецкихъ, посадить жити людей, ино тѣмъ его людямъ не надобѣ имъ моя дань на десять лѣтъ“... И то же въ XVI вѣкѣ. Въ льготной грамотѣ Кассіано-Учемскому монастырю читаемъ: „И кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкѣхъ учнетъ жити людей, и тѣмъ ихъ людямъ къ соцкимъ и къ десяцкимъ съ тяглыми людьми ни въ какіе разметы не тянуть и пошлинъ съ нихъ не брать“... Такихъ льготныхъ грамотъ безъ всякихъ ограниченій дошло до насъ довольно много. Большинство изъ нихъ дано духовнымъ учрежденіямъ ²⁾. Эта бóльшая щедрость князей къ духовнымъ учрежденіямъ, чѣмъ къ свѣтскимъ людямъ, очень понятна. Свѣтскимъ людямъ дають князья льготы въ надеждѣ будущаго приращенія своего дохода и увеличенія земныхъ благъ, духовнымъ же учрежденіямъ—въ надеждѣ вѣч-

¹⁾ А. Э. I № 17, 20, 60, 102, 1410—76.

²⁾ Онѣ приведены въ I т. Юрид. древн. стр. 197. Изъ 23 грамотъ, не содержащихъ запрещеній принимать на льготу тяглыхъ людей, только четыре даны свѣтскимъ лицамъ.

На основаніи сказаннаго, мы можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что проф. Чичеринъ не доказалъ своего положенія.

Онъ начинаетъ свои доказательства со ссылки на тѣ же двѣ Строгоновскія грамоты, а затѣмъ приводитъ еще „цѣлый рядъ“ такихъ же льготныхъ грамотъ отъ XVI вѣка ¹⁾. Совершенно вѣрно, такихъ грамотъ можно привести цѣлый рядъ; но какъ бы ни былъ длиненъ этотъ рядъ, онъ не докажетъ прикрѣпленія тяглыхъ въ половинѣ XVI вѣка; онъ докажетъ только, что князья, предоставляя льготы, нерѣдко принимали мѣры къ тому, чтобы эти льготы не приносили ни малѣйшаго ущерба ихъ доходамъ, а въ будущемъ обѣщали бы еще и прибыль ихъ интересу.

Отъ своего предшественника г. Дьяконовъ различается только тѣмъ, что знаетъ, что приводимые имъ запреты не были новостью: „Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія“, говоритъ онъ. Но почему же одни и тѣ же запреты въ XVI вѣкѣ доказываютъ прикрѣпленіе, а въ XV и XIV нѣтъ? Положеніе автора не

²⁾ Авторъ ссылается на десять льготныхъ грамотъ, напечатанныхъ въ А. Э. I № 163, 210, 385, въ А. И. I № 147, 215, 295, 301, и въ Ак. о тягл. насел. № 7, 24, 25.—О трехъ ссылкахъ на рукописи мы ничего не можемъ сказать, ибо рукописи эти не напечатаны; но, судя по приводимымъ имъ выдержкамъ, онѣ ничего не представляютъ новаго.

очень удобное. Надо или согласиться съ нами, или сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и утверждать, что крестьяне были прикрѣплены еще въ XIV вѣкѣ. Авторъ не рѣшается ни на то, ни на другое, и ищетъ выхода въ чрезвычайно запутанномъ объясненіи. Послѣ только что сдѣланной выписки, онъ продолжаетъ такъ: „Но въ тѣ вѣка подобные запреты, обращенные къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя правительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода“. Предположеніе это ни на чемъ не основано. Чтобы его сдѣлать, надо было прежде доказать, что въ XIV и XV вѣкѣ правительства, а не землевладѣльцы, стремились къ ограниченію выхода крестьянъ. А этого авторомъ не сдѣлано. Вносить въ историческія изслѣдованія совершенно произвольныя предположенія едва ли хорошій научный пріемъ. Это только запутываетъ дѣло. Льготныя грамоты имѣютъ совершенно ясный смыслъ. Онѣ даются съ точно опредѣленною цѣлью и не заключаютъ въ себѣ никакихъ скрытыхъ мотивовъ. Грамоты эти выгодны и князю и пожалованному и не содержатъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на невыгоды вольнаго перехода. Изъ нихъ можно даже вывести, что крестьянскій переходъ вовсе не составлялъ такой язвы, съ которой правительству надо было бы бороться. Строгонову дана льгота на 20 лѣтъ, другимъ она дается на 5 лѣтъ, на 10. Что это значитъ? Льгота дается для поощренія земледѣльческой культуры; она дается въ томъ предположеніи, что вновь пришедшіе крестьяне, посидѣвъ на льготѣ 5, 10, 20 лѣтъ, останутся и потомъ на этой землѣ, но уже съ обязанностью нести тягло. Такое предположеніе можно было сдѣлать только въ виду населенія не очень склоннаго къ бродяжничеству. Правительство его дѣлало. Надо думать, оно не очень страдало отъ крестьянской свободы.

А далѣе: „Съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ Москвы такія косвенныя ограниченія сдѣлались излишними: въ рукахъ московскаго правительства было достаточно прямыхъ средствъ, чтобы устранить невыгодное явленіе выхода изъ тягла“ 7—8.

Это уже и совсѣмъ непонятно! Косвенныя ограниченія сдѣлались излишними, а у насъ „цѣлый рядъ“ такихъ ограниченій. Я никакъ не могу понять, почему было излишне запретить Строгонову сажать тяглыхъ людей на льготную землю. Ни льгота не была излишней, ни ограниченіе: льгота способствовала распространенію земледѣльческой культуры на новыя мѣста, ограниченіе избавляло князя отъ уменьшенія получаемыхъ имъ доходовъ.

Наконецъ: „Однако, старое *правило*, ограничивающее землевладѣльцевъ въ приѣмѣ тягловъ, продолжаетъ существовать въ XVI вѣкѣ. Оно могло сохраниться, какъ переживаніе старыхъ порядковъ; но затѣмъ, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, должно было мало по малу получить иной смыслъ и содѣйствовать выработкѣ и укрѣпленію мысли, что тяглые люди свободой перехода не пользуются даже въ границахъ правилъ Судебника“.

Во-первыхъ, не было „старого правила, ограничивающаго“ и т. д.: было не общее правило, а рядъ запрещеній для отдѣльных лицъ. А рядомъ съ такими запретительными грамотами былъ еще болѣе длинный рядъ льготныхъ грамотъ безъ всякихъ запрещеній, и тоже отъ XIV, XV и отъ XVI вѣка. Нельзя не пожалѣть, что почтенный историкъ права обратилъ рядъ привилегій въ общее правило. Съ точки зрѣнія теоріи права это весьма крупное заблужденіе. Общія правила находятся въ Судебникахъ, въ жалованныхъ же грамотахъ содержатся привилегіи, и сколько бы ихъ ни было, онѣ никогда не превращаются сами собой въ общее правило.

Во-вторыхъ, ограниченія получили иной смыслъ, говоритъ авторъ. Какой же? Тотъ, что указанъ у Б. Н. Чичерина? Но вѣдь это и надо было доказать, а г. Дьяконовъ, не представивъ никакихъ доказательствъ „иного смысла“, на той же страницѣ (9) дѣлаетъ вышеприведенный выводъ, что тяглые люди крѣпки тяглу, а на 19 стр. говоритъ уже объ изъятіяхъ „изъ *обычнаго правила* не принимать мѣстныхъ крестьянъ“. Такого *обычнаго правила* не было, а были только привилегіи на льготы, которыя обусловливались неприѣмомъ тяглыхъ крестьянъ на льготныя земли. Эти запреты по прежнему „обращены къ землевладѣльцамъ“, а не къ крестьянамъ. А немало было льготныхъ грамотъ и безъ такихъ запрещеній.

Перейдемъ къ другому доказательству, но прежде спросимъ, зачѣмъ нужно другое доказательство, если всѣ крестьяне прикрѣплены уже въ силу одного тягла? Надо думать, что авторъ и не подозреваетъ, что доказалъ уже прикрѣпленіе всѣхъ крестьянъ. Вотъ что значитъ говорить о прикрѣпленіи тяглыхъ, не выяснивъ, что такое тяглые. Авторъ самъ не знаетъ, что онъ доказалъ.

„Почти одновременно (съ тяглыми) право выхода теряютъ и крестьяне старожильцы“, говоритъ г. Дьяконовъ во второмъ положеніи, извлеченномъ имъ изъ своей диссертациі. Эта мысль доказывается на стр. 16—31 Очерковъ.

Что же такое крестьяне старожильцы и какое ихъ отношеніе къ

тяглымъ людямъ, прикрѣпленіе которыхъ въ половинѣ XVI вѣка уже доказано? Старожильцы, по мнѣнію автора, — что-то другое, а не тяглые люди, это ясно изъ приведеннаго положенія; но что же они такое?

Къ сожалѣнію, авторъ этого такъ же не знаетъ, какъ и того, что такое тяглые. Да едва-ли кто это и знать можетъ, такъ неясно для него значеніе старожильцевъ въ древности. Это подлинное мнѣніе автора. Вотъ его слова.

„Обычный институтъ старожильства представляетъ одно изъ любопытныхъ, но, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ явленій общественнаго быта древней Руси... Въ своихъ основныхъ чертахъ онъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Дать опредѣленный отвѣтъ на вопросы, кто считался старожильцемъ, въ чемъ заключались особенности ихъ положенія, представляется дѣломъ чрезвычайно труднымъ“. Это дѣло столь трудное, что авторъ и не беретъ его на себя. Онъ предлагаетъ только „попытку свода нѣкоторыхъ чертъ этого института“. Такъ на 16-й стр., а на 27-й, послѣ изложенія этихъ „нѣкоторыхъ чертъ“, авторъ снова говоритъ: „Выше было указано, что въ XV вѣкѣ понятіе о старожильствѣ было довольно запутаннымъ. Та же неопредѣленность остается и въ XVI вѣкѣ. Только что приведенныя грамоты 1577, 1578 и 1592 годовъ служатъ тому нагляднымъ подтвержденіемъ. Онѣ же убѣждаютъ и въ томъ, что само правительство не имѣло въ рукахъ готоваго критерія для правильнаго разрѣшенія такихъ споровъ“ (о возвращеніи старожильцевъ на прежнія мѣста).

Удивительный „обычный институтъ старожильства“; суть его никому неизвѣстна, даже московское правительство не имѣетъ подъ руками правилъ для рѣшенія споровъ о старожильцахъ. Что можемъ знать мы?

Не будемъ спорить съ авторомъ и признаемся, что и мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ „обычномъ институтѣ старожильства“; но мы хорошо знаемъ, что такое старожильцы. Это очень простая вещь, не возбуждающая никакихъ вопросовъ и недоумѣній.

Приведемъ документы.

Въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю читаемъ: „Кого себѣ въ то село *перезовутъ* людей и *тутюшнихъ* старожильцевъ, и тѣмъ людямъ не надобѣ моя дань... на три года; а кого *призовутъ* изъ иныхъ княженій, а не изъ моей отчины, и тѣмъ людямъ *пришлымъ* не надобѣ моя дань...“ (срокъ не указанъ, по недо-

смотру писца, но онъ другой и всегда болѣе продолжительный, чѣмъ для своихъ; это дѣлалось для привлеченія населенія изъ другихъ княженій). Кто здѣсь тутошніе старожильцы? Всѣ крестьяне, которые въ моментъ полученія грамоты живутъ уже въ монастырскомъ селѣ; имъ противопоставляются вновь призванные: „кого перезовутъ людей“; это будутъ тѣ, которые придутъ въ село послѣ полученія грамоты, это не старожильцы, а новики. Далѣе тѣмъ и другимъ противопоставляются крестьяне, призванные изъ иныхъ княженій, пришлые люди. Этимъ дается болѣе продолжительная льгота.

Въ грамотѣ митрополиту Фотію старожильцы противопоставляются только призваннымъ изъ иныхъ княженій; старожильцамъ дается льгота на 5 лѣтъ, а пришельцамъ изъ иныхъ княженій—на 15. Старожильцы и здѣсь—всѣ, кого грамота застала на мѣстѣ.

Сравненіе этихъ двухъ грамотъ показываетъ, какъ невнимательно писались въ старину грамоты. Въ первой грамотѣ тоже идетъ рѣчь о пришлыхъ изъ иныхъ княженій, они тоже освобождаются отъ даней, какъ и свои пришлые, но въ грамотѣ опущено—на какой срокъ; во второй грамотѣ срокъ указанъ, но не сказано о своихъ пришлыхъ. Можно было ихъ принимать или нѣтъ? Это остается неяснымъ; такой пріемъ—то допускается, то нѣтъ. Допускается, иногда, даже на льготѣ.

Въ грамотѣ Кириллову монастырю читаемъ: „Кто имѣтъ жити людей въ тѣхъ пустошахъ или кого къ себѣ призовутъ изъ иныхъ княженій, а не изъ нашея вотчины, или кого окупивъ посадятъ, и тѣмъ людямъ монастырскимъ, старожильцемъ и пришлымъ и купленнымъ, не надобѣ имъ моя дань“... И здѣсь старожилецъ—крестьянинъ, котораго грамота застала на мѣстѣ, ничего больше; онъ противопоставляется пришлому и купленому, т. е. тоже пришедшему со стороны. До грамоты онъ былъ тяглый, а теперь освобожденъ.

Въ грамотѣ Троицы-Сергіеву монастырю: „И кого къ себѣ призовутъ людей жити на тѣ земли старожилцовъ, которые будутъ и прежь того на нихъ живали, ино имъ на 10 лѣтъ не надобѣ моя дань; а кого призовутъ изъ иныхъ княженій, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя дань на 15 лѣтъ. Такожъ тѣмъ людямъ, которые нынѣ живутъ, и пришлымъ ихъ людямъ, которыхъ перезовутъ къ себѣ,... не надобѣ моя дань“ (въ этомъ третьемъ случаѣ срокъ опущенъ, а также и квалифікація людей, которыхъ призовутъ; это, конечно, „изъ моего княженія“). Въ этой грамотѣ встрѣчаются двѣ новости. Старожильцы прежнихъ грамотъ названы здѣсь людьми, „которые нынѣ живутъ“,

т. е. въ моментъ дарованія льготы; это тѣ же старожильцы. Во-вторыхъ, старожильцами названы крестьяне, которые жили прежде да ушли. Они теперь не живутъ, но прежде жили, а потому могутъ быть названы старожильцами.

Въ грамотѣ Кириллову монастырю пришлые люди изъ иныхъ княженій названы „новиками“, а находящіеся уже на лицо „старожильцами“, но и тѣ и другіе одинаково тянутъ въ тотъ же оброкъ¹⁾.

Полагаемъ, смыслъ слова „старожильцы“ совершенно ясенъ: всякій находящійся уже на мѣстѣ, по отношенію къ новику, будетъ старожилецъ. Это понятіе чрезвычайно относительное: только что поселившійся, наканунѣ дарованія льготы, будетъ уже старожилецъ по отношенію къ новику, и 20 лѣтъ прожившій—тоже старожилецъ. Тѣ же самыя льготы, которыя выпадаютъ на долю старожильцевъ, выпадаютъ и на долю новиковъ; то же надо сказать и объ обязанностяхъ.

Понятіе старожильца, конечно, сложилось не въ княжескихъ грамотахъ и не для нихъ. Оно житейское и теперь употребляется совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ употреблялось въ XV вѣкѣ: это наши старожилы. Льготнымъ грамотамъ понадобилось перечислить и исчерпать всѣ виды крестьянъ, они и говорятъ и о старожильцахъ, и о новикахъ, и о новоприхожихъ, своихъ и чужихъ, вотъ и все. Но старожильцы, конечно, не одни крестьяне, всѣ одинаково могутъ быть въ свое время и новиками и старожилами. Поэтому, напримѣръ, свидѣтели на судѣ, если вопросъ идетъ о давнемъ владѣніи, тоже называются старожильцами. Здѣсь являются старожильцами не одни только крестьяне, а всѣ. Определеннаго срока старожильства и тутъ нѣтъ. Одни помнятъ за 20, другіе за 40, третьи за 50 лѣтъ и т. д. И всѣ они одинаково старожильцы.

Старожилецъ житейское наименованіе людей, находившихся болѣе или менѣе продолжительное время въ извѣстной мѣстности, а не юридическое понятіе, не институтъ права. Спросимъ теперь, какое отношеніе старожильцевъ къ тяглымъ людямъ?

Старожильцы-крестьяне—суть тяглые люди, кромѣ тѣхъ, кому дана льгота. Крестьянинъ прежде дѣлается тяглымъ, а потомъ уже становится старожильцемъ. Это совершенно ясно. Тяглые же у г. Дьяконова всѣ закрѣплены уже въ силу тягла. Зачѣмъ же понадобилось новое закрѣпленіе въ силу давности, да и что это за давность? Въ изслѣдованіяхъ автора много не яснаго. Онъ обладаетъ особою спо-

¹⁾ А. Э. I № 18, 21, 23, 51; Доп. къ А. П. I № 193, 201; 1410—1453.

собностью крайне осложнять и запутывать самые простые вопросы и дѣлать ихъ совершенно неразрѣшимыми. Именно это произошло у него съ возникновеніемъ крестьянской крѣпости — вообще, а со старожильствомъ въ особенности.

„Старожильцы, утверждаетъ авторъ, теряютъ право перехода“. Почему? Читатель въ правѣ подумать, въ силу старожильства. Ничуть не бывало. Старожильство тутъ ни при чемъ. Нашъ авторъ приводитъ мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова, высказанное по поводу 75-й статьи Псковской судной грамоты: „А старому изорнику возы вести на государя“. Кіевскій профессоръ, разбирая эту статью, приходитъ къ заключенію, что одно долговременное арендованіе чужой земли ведетъ къ увеличенію обязанностей сѣмщика земли. „Усиленіе строгости обязательствъ наемщика земли, въ силу одной давности, говоритъ онъ, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ“. Г. Дьяконовъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, пришелъ къ обратному заключенію. „Наоборотъ, утверждаетъ онъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать даже хозяйственныя привилегіи для изстаринныхъ крестьянъ и старожильцевъ (22)“, и на той же страницѣ высказываетъ такое сужденіе о послѣдствіяхъ старожильства: „Мы не можемъ указать ни одного факта въ подтвержденіе мысли, что податныя обязательства сѣмщика земли возростали бы въ силу *одной только давности* (курсивъ оригинала), и полагаемъ, что самъ по себѣ принципъ давности не могъ бы и найти примѣненія въ договорѣ, если бы этому не содѣйствовали обстоятельства побочныя, въ родѣ, напримѣръ, хозяйственной зависимости, задолженности срочнаго арендатора собственнику земли“. Кажется, на основаніи этихъ словъ мы можемъ заключить теперь, что старожильство не ведетъ къ крѣпости. Такъ это и выражено во второмъ положеніи, извлеченномъ самимъ авторомъ изъ его книги: „Наиболѣе вѣроятной причиной прикрѣпленія старожильцевъ является крестьянская задолженность“. Стало быть, сколько бы лѣтъ крестьянинъ арендаторъ ни оставался на арендуемой имъ землѣ, онъ не теряетъ предоставленныхъ ему закономъ правъ свободы въ силу одного старожильства. А если такъ, то за чѣмъ было и вопросъ возбуждать о старожильствѣ, какъ основаніи прикрѣпленія? Дѣло не въ старожильствѣ, а въ задолженности.

Перейдемъ къ задолженности. Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о связи между задолженностью и старожильствомъ, что, по мнѣнію автора, въ соединеніи ведетъ къ закрѣпленію

крестьянъ. Между задолженностью и старожильствомъ нѣтъ рѣшительно никакой связи. Старожилецъ можетъ и не быть должникомъ. А если онъ должникъ, какое вліяніе имѣетъ на его долгъ время жительства на землѣ кредитора? Ни малѣйшаго: сколько бы онъ ни просидѣлъ на чужой землѣ, это нисколько не мѣняетъ его обязательствъ по займу. Скажемъ болѣе: въ случаѣ неплатежа, онъ подлежитъ совершенно тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ вновь пришедшій и даже совершенно посторонній человѣкъ, который сидитъ на своей собственной землѣ и занялъ деньги у сосѣда.

Пока почтенный авторъ не докажетъ, что взысканіе долговъ обусловливалось сроками старожильства крестьянъ-арендаторовъ, читатель будетъ имѣть основаніе думать, что ему самому не ясны послѣдствія того, что онъ говоритъ.

Въ разсматриваемомъ очеркѣ авторъ этого вопроса и не касается. Перенеся всю тяжесть доказательства прикрѣпленія старожильцевъ на задолженность ихъ, авторъ не находитъ нужнымъ пояснить, какъ случилось, что ростовая кабала привела даже къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ служилая. По служилой кабалѣ человѣкъ терялъ свободу по жизнь господина, а по ростовой онъ сдѣлался вѣчнымъ рабомъ. Какъ же это случилось? Впервые эта смѣлая мысль была высказана проф. Ключевскимъ, но встрѣтила немало возраженій. При соединяясь къ мнѣнію московскаго профессора, нашъ авторъ не желаетъ знать сдѣланныхъ ему возраженій. Нельзя не пожалѣть объ этомъ ¹⁾.

Оставляя совершенно въ сторонѣ существеннѣйшій теперь для него вопросъ о задолженности, авторъ посвящаетъ еще до 50 стр. документамъ о сторожилцахъ главнымъ образомъ XVII вѣка, на который изъ 50 стр. пошло 40. Послѣ признанія автора, что причина прикрѣпленія не въ старожильствѣ, а въ задолженности, эта часть изслѣдованія теряетъ всякое значеніе въ томъ вопросѣ, о разъясненіи котораго идетъ рѣчь; а документы XVII вѣка, которымъ посвящена большая половина этой части труда, и по времени не относятся къ вопросу.

Въ обработкѣ этихъ документовъ о старожильцахъ встрѣчаемся

¹⁾ Въ слѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ крестьянамъ новопорядчикамъ, авторъ снова обращается къ задолженности и ея послѣдствіямъ. Предлагаемое здѣсь объясненіе ограничивается одними гаданіями и произвольными предположеніями, см. стр. 80.

съ тѣмъ же недоразумѣніемъ автора чисто теоретическаго свойства, на которое уже было указано. Съ одной стороны онъ имѣетъ статьи судебныхниковъ, позволяющихъ переходъ безъ всякаго различія тяглыхъ людей, старожильцевъ и новиковъ, съ другой—грамоты отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ запрещается пріемъ тяглыхъ, выходъ старожильцевъ и пр. Разнорѣчіе этихъ документовъ ставитъ почтеннаго ученаго въ большое затрудненіе. Онъ не знаетъ, въ чемъ же заключалось право: на стр. 6-й онъ усматриваетъ прямое противорѣчіе между специальными указами и правилами судебныхниковъ; на стр. 9-й тяглые люди на основаніи льготныхъ грамотъ „не пользуются у него свободой перехода даже въ границахъ правилъ Судебника“; на стр. 16-й высказывается, на этомъ основаніи, мнѣніе о неполнотѣ правилъ Судебника въ вопросѣ о крестьянскомъ выходѣ. А дѣло очень просто. Судебники—общій законъ, жалованныя грамоты—спеціальный указъ (*privilegium*). Специальный указъ отмѣняетъ дѣйствіе общаго закона для той мѣстности и лицъ, которымъ данъ. Общій же законъ дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ специальнаго указа. Такимъ образомъ, общій законъ и специальный указъ превосходно уживаются рядомъ. Это хорошо было извѣстно во времена Судебниковъ, они дѣйствовали тамъ, гдѣ не было особыхъ жалованныхъ грамотъ. А ученые конца XIX вѣка этого не знаютъ. Не легко понять, какъ это могло случиться.

Великій князь Василій Васильевичъ еще въ половинѣ XV вѣка далъ жалованную грамоту Троицы Сергіеву монастырю, въ которой дозволилъ игумену не выпускать крестьянъ старожильцевъ изъ села Присѣкъ съ деревнями. Это актъ прикрѣпленія крестьянъ старожильцевъ въ половинѣ XV вѣка, но только старожильцевъ, т. е. находящихся уже на земляхъ села Присѣкъ съ деревнями, а не новиковъ; новики и послѣ этого указа могутъ садиться на земляхъ села Присѣкъ и уходить съ нихъ. Судебникъ 1497 дозволяетъ крестьянскій выходъ. Но онъ дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ грамотъ, а потому старожильцы села Присѣкъ, прикрѣпленные въ половинѣ вѣка, остаются крѣпкими и послѣ Судебника. Въ 1552 году великій князь Иванъ Васильевичъ, по жалобѣ станowychъ и волостныхъ крестьянъ Важскаго уѣзда, дозволилъ имъ возить на старыя мѣста „старыхъ ихъ тяглецевъ-крестьянъ безсрочно и безпошлинно“. Опять специальный указъ, которымъ отмѣняется для указанныхъ лицъ дѣйствіе постановленій Судебника и ничего болѣе, а г. Дьяконовъ приводитъ эти два указа и еще цѣлый рядъ имъ подобныхъ для хара-

ктеристики старожильства, какъ основанія закрѣпощенія, и это послѣ того, какъ самъ отказался отъ старожильской „давности“.

Что право перехода крестьянъ, предоставленное имъ Судебниками, продолжаетъ практиковаться и въ самомъ концѣ XVI вѣка, это подтверждается и писцовыми книгами, на которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ. Специальные указы, сколько бы ихъ ни оказалось, отмѣняютъ это право только для тѣхъ мѣстностей и лицъ, въ пользу которыхъ даны.

Еще менѣе права имѣлъ авторъ ссылаться, въ доказательство своей мысли, на заявленія господъ-челобитчиковъ въ искахъ о возвращеніи на ихъ земли ушедшихъ крестьянъ о томъ, что они „ихъ старожильцы“. Мало-ли на что ссылаются челобитчики въ доказательство своихъ претензій! Неудобно-ли послушать современныхъ адвокатовъ. Да и суды, вѣдь, не всегда правильно постановляютъ свои рѣшенія. Ни то, ни другое не можетъ служить основаніемъ къ заключенію, что статья царскаго Судебника перестала дѣйствовать въ самый моментъ ея изданія или, какъ думаютъ сторонники г. Дьяконова, что она была написана послѣ того, какъ право выхода перестало уже существовать для всѣхъ тяглыхъ крестьянъ ¹⁾).

Мы должны еще остановиться на четвертомъ очеркѣ г. Дьяконова, посвященномъ вопросу о бобыляхъ. Это весьма объемистый очеркъ, онъ занимаетъ болѣе 30 страницъ. На стр. 221 авторъ такъ формулируетъ суть своего изслѣдованія: „Типичною и господствующею формою бобыльства мы считаемъ бобылей не пашенныхъ и не

¹⁾ У С. О. Платонова читаемъ: „Коренное населеніе тяглою черной волости — крестьяне-старожильцы, застарѣвшіе на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ, съ которыхъ они не могли уходить, не получали права выхода и отъ землевладѣльца, когда попадали въ частное обладаніе. Эта крѣпость старожильцевъ, выражавшаяся въ потерѣ права передвиженія, была общепризнаннымъ положеніемъ въ XVI вѣкѣ“... Очерки по исторіи смуты, 165. Почтенный авторъ ссылагается и на Очерки г. Дьяконова и на его статью о крестьянскомъ прикрѣпленіи, появившуюся ранѣе Очерковъ, но значительно усиливаетъ его точку зрѣнія. У него появляется самостоятельная крѣпость старожильства безъ всякой задолженности. Новыхъ доказательствъ почтенный авторъ не приводитъ. Онъ ссылагается всего на одинъ документъ изъ Актовъ г. Дьяконова, вып. II № 24. Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о томъ, что нельзя перезывать съ тяглыхъ мѣстъ „на льготу“. Выборъ сдѣланъ не очень удачно: тяглыхъ нельзя перезывать на льготу — только; запрещенія же выхода тяглыхъ — нѣтъ. О старожильцахъ то же не упоминается. Трудно понять, почему почтенный профессоръ сослался на этотъ документъ, ничего не говорящій въ его пользу.

тяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдлость“. Изъ этой типичной и господствующей формы бобыльства авторъ исключаетъ бобылей, поступившихъ въ захребетники и пашенные крестьяне. Въ 3-мъ положеніи, самимъ авторомъ извлеченномъ изъ его труда, къ этому опредѣленію прибавлена новая черта: „Бобыли въ XVI вѣкѣ имѣли только усадебную осѣдлость, собственной запашки или самостоятельнаго хозяйства у нихъ не было, а потому они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей“.

Вотъ что такое бобыли.

Попытка автора—дать общее опредѣленіе бобылей, хотя бы только для одного XVI вѣка, представляется намъ задачей не выполнимой. Она потому не выполнима, что бобыли не составляли одного цѣльнаго класса людей со своими особыми признаками. Въ XVI вѣкѣ бобылями назывались и люди, которые ходили межъ дворъ и питались отъ міра, и люди, которые арендовали дворы въ господскихъ имѣніяхъ, платили за нихъ оброкъ и занимались ремеслами. Между тѣми и другими очень большое разстояніе. Въ XVII вѣкѣ виды бобыльства еще болѣе осложнились. Исслѣдователь можетъ только описать всѣ эти виды, но долженъ отказаться отъ одного общаго опредѣленія.

Авторъ даетъ намъ одно общее опредѣленіе, это „не пашенные люди, у которыхъ, есть собственная усадебная осѣдлость, но собственной запашки и своего хозяйства у нихъ не было, а потому они къ тяглымъ людямъ не принадлежать“.

Ни одинъ изъ признаковъ бобыльства, приводимыхъ въ обоихъ опредѣленіяхъ, не вѣренъ. У бобылей не было собственной земли, но „собственная запашка на арендуемой землѣ“ у нихъ встрѣчается. У бобылей Опочкаго монастыря была пашня, которую они пахали наѣздомъ изъ платежа оброка. Наоборотъ „собственной усадебной осѣдлости“ у бобылей не было. Ихъ дворы всегда находились на владѣльческой или княжеской землѣ, а не на ихъ собственной. „Самостоятельное же хозяйство“ было у очень многихъ бобылей. Дворъ съ огородомъ и выгономъ они нанимали, но вели тамъ свое особое хозяйство, занимаясь ремеслами и промыслами. Рядомъ съ такими хозяйственными бобылями были бобыли, которые бродили „межъ дворъ“, а въ XVII вѣкѣ—рядились на господскіе дворы и на господскій хлѣбъ. У этихъ собственного хозяйства не было, а у первыхъ было.

„Бобыли не тяглые люди“, утверждаетъ авторъ, но и здѣсь, какъ и въ 1-мъ очеркѣ, не опредѣляетъ, что такое тягло. Тягло было разное и лежало оно не на лицѣ, а на землѣ и промыслѣ. Бобыли,

обыкновенно, пашенной земли не снимали, а потому въ обжи и сохи не клались. Но и они платили подати, которыя раскладывались по ихъ животамъ и промысламъ, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ.

На связь бобылей новгородскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка съ поземщиками тѣхъ же книгъ XV вѣка авторъ не обратилъ вниманія. Также скрылось отъ его наблюдательности и перерожденіе юридическаго положенія бобылей; первоначально поземщики и бобыли только съемщики усадебъ, а потомъ является важная прибавка: поступленіе въ бобыли есть поступленіе на службу и нерѣдко съ пожертвованіемъ правъ личной свободы.

Обложеніе бобылей податями авторъ относитъ къ XVII вѣку, въ XVI вѣкѣ они, по его мнѣнію, люди не тяглые. Но и въ XVII вѣкѣ не всѣ бобыли тяглые. Тѣ, которые ходили „межъ дворъ“ и питались отъ міра, конечно, ничего не платили, ибо у нихъ не было ни „животовъ ни промысловъ“. Да и многіе бобыли, поступавшіе въ частное услуженіе, дѣлали это, чтобы избѣжать тягла. Вопросъ о бобыляхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется почтенному автору.

Въ концѣ прошлаго года вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Н. Рожкова о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси. Авторъ проявилъ необыкновенное трудолюбіе. Онъ не ограничился однимъ печатнымъ матеріаломъ: „главной основой его труда служатъ неизданные источники“. Черезъ его руки прошло такое множество архивнаго матеріала, что издать его въ приложеніи къ своему труду, въ видѣ оправдательныхъ документовъ, онъ нашелъ „совершенно невозможнымъ“. Къ обработкѣ архивныхъ документовъ онъ въ широкой мѣрѣ примѣняетъ статистическій приемъ и обогащаетъ свой трудъ множествомъ таблицъ съ вычисленіемъ среднихъ цифръ разныхъ экономическихъ явленій, на примѣръ, размѣровъ крестьянской запашки и пр. Эти выдающіяся особенности новаго труда вызываютъ на многія размышленія. Въ интересахъ науки и послѣдователей г. Рожкова, число которыхъ весьма значительно, мы считаемъ необходимымъ остановиться на его трудѣ, такъ близко соприкасающемся съ содержаніемъ нашего послѣдняго очерка.

Кромѣ богатыхъ ссылокъ на архивный матеріалъ, другую особенность труда г. Рожкова представляютъ и самые приемы изслѣдованія. Онъ не довольствуется обыкновенными способами изслѣдованія, онъ стремится достигнуть болѣе точныхъ результатовъ и выражаетъ свои выводы въ цифрахъ. Ему мало указать на нѣсколькихъ примѣрахъ, каковы были, на примѣръ, размѣры господскихъ запашекъ, онъ

желаетъ опредѣлить ихъ „абсолютные и относительные размѣры“; для крестьянскихъ запашекъ онъ отыскиваетъ среднія величины, сравниваетъ ихъ измѣненія въ теченіи вѣка и дѣлаетъ на этомъ основаніи заключенія о движеніи крестьянскаго благосостоянія. Эти выводы, выраженные въ цифрахъ, могутъ быть приняты (и уже приняты) за совершенно точные. Посмотримъ на нихъ ближе.

Въ самомъ началѣ главы, посвященной формамъ и размѣрамъ сельско-хозяйственнаго производства, читаемъ: „Первый вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, это вопросъ о томъ, существовала ли барская пашня и, если существовала, то каковы были ея относительные и абсолютные размѣры“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать, сколько у извѣстнаго владѣльца было земель вотчинныхъ и помѣстныхъ, и сколько изъ этого числа пахалъ онъ на себя и сколько отдавалъ въ аренду крестьянамъ. Имѣетъ г. Н. Рожковъ эти данныя хотя бы о 20 владѣльцахъ XVI вѣка? Онъ не имѣетъ ни одного такого извѣстія. Какъ же рѣшать при отсутствіи данныхъ поставленный авторомъ вопросъ? Онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ имѣніяхъ, въ которыхъ упоминаются господскія запашки (129—130). Вопросъ поставленъ, а отвѣта авторъ не даетъ. Это насъ нисколько не удивляетъ. Мы и не ждали отвѣта, потому что для него нѣтъ данныхъ. Мы даже сомнѣваемся въ возможности собрать такія свѣдѣнія для XVI вѣка. Ихъ надо было бы искать въ частныхъ архивахъ. А есть у насъ такіе архивы съ полными свѣдѣніями о томъ, сколько владѣльцу принадлежало земель въ XVI вѣкѣ и какъ онъ ими пользовался? Въ писцовыхъ книгахъ, которыми пользовался авторъ, опись ведется по мѣстностямъ, а не по владѣльцамъ, и выписать изъ нихъ всѣ владѣнія извѣстныхъ отдѣльныхъ лицъ, при современномъ состояніи архивовъ, вещь невозможная. Авторъ такихъ выписокъ и не сдѣлалъ. Итакъ, „первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію“, есть вопросъ неразрѣшимый; его и ставить не слѣдовало.

Двѣ страницы далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о хозяйскихъ запашкахъ на монастырскихъ земляхъ и утверждаетъ, что „по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка вездѣ заводится рѣдко гдѣ существовавшая раньше монастырская пашня. Это показываетъ, говоритъ онъ въ заключеніе, таблица на стр. 134 — 7“. Утвержденіе чрезвычайно рѣшительное, но мало точное: вездѣ заводится монастырская пашня, утверждаетъ авторъ. Но что же это значитъ? Каждымъ монастыремъ въ одномъ изъ своихъ владѣній, или въ каждомъ владѣніи монастыр-

скомъ возникаетъ хозяйская запашка? Это неизвѣстно, и авторъ не чувствуетъ нисколько потребности это пояснить. Обращаемся къ таблицѣ.

Нелегкое дѣло доказать, что „рѣдко гдѣ существовавшая въ началѣ вѣка монастырская пашня въ концѣ его появляется вездѣ“. Для этого надо сравнить количество монастырской запашки, если не во всѣхъ монастырскихъ земляхъ, то въ значительномъ ихъ числѣ въ началѣ и концѣ вѣка: такое сравненіе и покажетъ возникновеніе монастырской запашки тамъ, гдѣ ея прежде не было, а слѣдовательно и оправдаетъ заключеніе автора. Но можно ли сдѣлать такое сравненіе? По печатному матеріалу — нѣтъ, его слишкомъ мало. Въ архивахъ, можетъ быть, есть такой матеріалъ, онъ не попалъ, однако, въ руки автора. Г. Н. Рожковъ составилъ таблицу, но она ровно ничего не доказываетъ. Авторъ приводитъ свѣдѣнія о 46 монастырскихъ вотчинахъ съ показаніемъ, сколько было въ каждой изъ нихъ крестьянской и монастырской пашни, и съ вычисленіемъ процентнаго отношенія. Описи этихъ вотчинъ дѣлались въ періодъ времени отъ 1558 года по 1598 г., но это все вотчины разныхъ монастырей и разныя вотчины. Если бы мы имѣли описаніе одной и той же вотчины въ 1558 и 1598 году, и если бы въ первомъ описаніи не было указано монастырской запашки, а во второмъ было, мы могли бы сдѣлать заключеніе, что она распространяется. Въ таблицѣ же автора нѣтъ ни одного повтореннаго описанія той же вотчины; у него собраны описанія все разныхъ вотчинъ. Такая таблица ровно ничего не доказываетъ. Изъ того, что въ нѣкоторой вотчинѣ, по описи конца вѣка, было 12 и болѣе % монастырской запашки, вовсе не слѣдуетъ, что въ этой вотчинѣ не было монастырской запашки въ 1550 году или, что она была меньше. Авторъ употребилъ не мало времени на составленіе своей таблицы, и совершенно напрасно. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, а еще больше будемъ жалѣть, если его таблица пойдетъ въ ученый оборотъ.

Мы можемъ пополнить таблицу автора по печатному матеріалу. У него самый большой процентъ монастырская запашка дала въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря по описи 1592—93 года, — она составляла 29,5% крестьянской запашки. У Златоустовскаго монастыря, по напечатанной описи 1573 года, въ селѣ Разсудовскомъ, монастырской пашни было 10 четей, а крестьянской—12; а у Чудова монастыря, въ селѣ Борисовскомъ, по той же описи, было монастырской запашки 118 четей, а крестьянской—24. Въ первомъ случаѣ

монастырская пашня составляет 80⁰/о крестьянской, а во второмъ болѣе 400⁰/о. Если бы мы слѣдовали ученымъ приѣмамъ автора, мы должны были бы сдѣлать заключеніе, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка къ концу вѣка размѣры монастырской запашки чрезвычайно падаютъ.

Такое же значеніе имѣетъ и другая таблица, въ которой авторъ выводитъ среднее количество земли на дворъ и на одного рабочаго крестьянина въ центральныхъ мѣстностяхъ Москвы. А между тѣмъ авторъ дѣлаетъ на основаніи этой таблицы очень серьезныя заключенія. Вотъ они: „Просматривая цифры этой таблицы,—говоритъ онъ,—легко замѣтить съ 70-хъ годовъ XVI вѣка значительное уменьшеніе средней запашки на крестьянскій дворъ и на земледѣльческаго рабочаго: тогда какъ до этого времени такая запашка очень часто приближалась къ нормальной величинѣ выти, нерѣдко даже значительно превышала ее и чрезвычайно рѣдко спускалась ниже 7 четей на дворъ; съ 70-хъ годовъ 7 четей на дворъ встрѣчается только одинъ разъ, въ остальныхъ же случаяхъ средніе размѣры пашни на дворъ и рабочаго чрезвычайно низки. Это наблюденіе имѣетъ *большую цѣнность* (собственныя слова автора): оно показываетъ, что параллельно регрессу въ системѣ земледѣлія шло и сокращеніе крестьянской запашки на дворъ, т. е. крестьянинъ центральной Руси дѣлался маломощнѣе въ хозяйственномъ отношеніи, сильно разорялся“ 146.

Обратимся къ таблицѣ, имѣющей по рѣшительному признанію самого автора „большую цѣнность“. За исключеніемъ 7 вотчинъ, это тѣ же вотчины, которыя приведены и въ предшествующей таблицѣ. Для сравненія взято тоже 46 монастырскихъ имѣній; изъ нихъ 19 описаны до роковаго 70 года, а остальные послѣ. Самая старая опись сдѣлана въ 1556 году, такая одна, большинство описаны въ 1562—63, такихъ 15; послѣ 70 года большинство описано въ 1592—93, такихъ 20. И здѣсь ни одно имѣніе не повторяется, это все разныя имѣнія. Собственно для сравненія берется 19 вотчинъ, описанныхъ до 1570 года, преимущественно въ 1562—63, и 27—описанныхъ послѣ 70, преимущественно же въ 1592—93. Спрашивается, въ вотчинахъ, въ которыхъ по описи 1563 года оказалось по 7 четей и болѣе на работника, сколько было въ концѣ вѣка? Этого никто не знаетъ, такъ какъ описей конца вѣка для этихъ вотчинъ у автора нѣтъ. То же надо сказать и о тѣхъ вотчинахъ, которыя описаны послѣ 70 года. Мы знаемъ, сколько тамъ приходится на работника въ 1592—93 году, но не знаемъ, сколько приходилось въ 1562—63. Можетъ быть, среднее было то же, а можетъ быть и еще меньше.

Для доказательства мысли автора ему надо было бы взять все крестьянское населеніе въ началѣ и концѣ вѣка, опредѣлить среднее на работника и сравнить. При такомъ приѣмѣ дѣйствительно получились бы данныя, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать точное заключеніе объ увеличеніи или объ уменьшеніи крестьянскихъ участковъ. Но такой статистики для XVI вѣка не существуетъ, авторъ ее не создалъ; онъ беретъ случайно попавшія ему подъ руку 19 вотчинъ съ населеніемъ въ 4.900 рабочихъ и сравниваетъ ихъ съ другими 27-ю вотчинами съ населеніемъ въ 9.800 рабочихъ, и отсюда дѣлаетъ заключеніе обо всемъ населеніи центральныхъ областей Московскаго государства, которыя у него простираются: на западѣ отъ губерній Смоленской, Псковской, Новгородской, Петербургской, на сѣверѣ—до Вологодской, на востокѣ—до Вятки и Прикамскихъ областей, на югѣ—до губерній Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Пять тысячъ крестьянскаго населенія—это очень слабая статистика для сужденія обо всемъ населеніи такой обширной области, населенной одними крестьянами.

Такихъ таблицъ у автора много. Остановимся еще на одной, помѣщенной на стр. 68—69. Значеніе этой таблицы авторъ объясняетъ такъ: „Она наглядно показываетъ, какъ все болѣе и болѣе ухудшалась система полевого хозяйства на территоріи этихъ уѣздовъ. При внимательномъ просмотрѣ таблицы не трудно убѣдиться, что во-первыхъ, въ большинствѣ названныхъ уѣздовъ съ замѣчательной правильностью паровая зерновая система, господствовавшая въ шестидесятихъ годахъ XVI вѣка, смѣняется къ концу столѣтія переложной системой; во-вторыхъ, по мѣрѣ перехода къ переложной системѣ земледѣлія, вездѣ появляется пашня, паханая наѣздомъ: нарушается, слѣдовательно, и сѣвооборотъ“.

Результаты таблицы чрезвычайно серьезные; ею доказывается обратное движеніе сельскаго хозяйства, паровая система замѣняется переложной. Посмотримъ въ таблицу. Въ доказательство того, что чрезвычайно важные выводы автора вѣрны для Рузскаго уѣзда, таблица приводитъ четыре вотчины разныхъ монастырей. Три изъ нихъ описаны въ шестидесятихъ годахъ, одна въ 1593. Пашни наѣздомъ нѣтъ нигдѣ, перелогъ есть во всѣхъ, но всего болѣе въ послѣдней вотчинѣ. На этомъ основаніи дѣлается важный выводъ для Рузскаго уѣзда. Таковы же основанія въ пользу того же важнаго вывода и для другихъ уѣздовъ. Авторъ и не подозреваетъ, что собственно надо было бы сдѣлать для того, чтобы доказать его выводы. Чтобы дока-

затѣ переходъ отъ паровой зерновой системы къ переложной, надо было взять всѣ земли уѣзда и опредѣлить въ нихъ количество земель обрабатываемыхъ тѣмъ и другимъ способомъ въ шестидесятихъ годахъ и въ концѣ вѣка. Только такое сравненіе оправдало бы выводъ автора. Оно, конечно, невозможно. Такой статистики нѣтъ для XVI вѣка. Чтобы хотя нѣсколько приблизиться къ выводу, чтобы сдѣлать его хотя вѣроятнымъ, надо было взять рядъ имѣній, по возможности болѣе, опредѣлить въ нихъ количество земли, обрабатываемой тѣмъ и другимъ способомъ въ шестидесятихъ годахъ и въ концѣ вѣка. Если бы оказалось, что система паровая зерновая въ *этихъ имѣніяхъ* къ концу вѣка замѣняется переложной, авторъ могъ бы сослаться на такую таблицу. Составленная же имъ таблица ровно ничего не доказываетъ, кромѣ полной его неопытности по части статистическихъ выкладокъ, совершенно, впрочемъ, извинительной, ибо изученіе статистики для общихъ историковъ въ нашихъ университетахъ также не обязательно, какъ и ознакомленіе съ элементарными понятіями права.

Отъ статистики автора перейдемъ къ источникамъ, которыми онъ пользовался. Большинство этихъ источниковъ онъ видѣлъ одинъ. Почтенный авторъ хорошо понимаетъ, что это не очень успокоительно для читателя. Источники для историка то же, что природа для натуралиста, ихъ надо имѣть въ рукахъ и на глазахъ. Сослаться на то, что они лежатъ тамъ-то, этого очень мало. Ихъ надо положить передъ читателемъ. Это потому, что *errare humanum est*. Снисходительный къ нашему труду читатель, имѣвшій терпѣніе прочесть все, что мы написали, не разъ видѣлъ, какъ ученые читаютъ въ источникѣ не то, что тамъ написано. Почтенный авторъ старается успокоить читателя указаніемъ на то, что архивы доступны для всѣхъ и это облегчаетъ провѣрку. Спорить не будемъ, но въ Москву не поѣдемъ, а обратимся къ болѣе легкому способу провѣрки, насколько авторъ правильно читаетъ источники, къ сличенію его ссылокъ на печатные источники съ тѣмъ, что въ нихъ напечатано.

Таблица, которая привела автора къ вышеуказаннымъ наблюденіямъ, имѣющимъ „большую цѣнность“ (148—151), ссылается на вотчины Троицы-Сергіева монастыря въ Дмитровскомъ уѣздѣ по описи 1592—93 года. По счету автора въ этихъ волостяхъ было крестьянской пашни 3.207,1 четверти. Чрезвычайно точный счетъ, даже 0,1 доля четверти не забыта. Въ источникѣ же написано: „И всего въ Дмитровскомъ уѣздѣ Троецкихъ вотчинъ... крестьянскія паханыя сер. земли 947 чети безъ третника, да крестьянскія же худыя земли

2.917 чети съ третникомъ, да наемныя паханыя сред. земли 27 чети безъ третника, да наемныя же паханыя худ. земли 360 чети безъ полутретника“. Такимъ образомъ, съ наемной землей крестьяне пахали 4.241 четь, на цѣлую почти треть болѣе того, что насчиталъ авторъ.

Тамъ же приведены вотчины того же монастыря въ Рузскомъ уѣздѣ по описи того же года. У автора въ этихъ вотчинахъ крестьянской земли показано 268 четей. Въ описи читаемъ: „И всего... пашни паханыя сер. земли 28 четьи, да пашни же паханыя худ. земли — 287 четьи, да наѣзжія пашни худ. земли 12 четьи безъ третника, да перелогу и лѣсомъ поросло худ. земли 1.255 четьи безъ третника, лѣсу пашеннаго 2 десятины“. Въ итогѣ безъ перелогу получится — 319 четей, на 51 четь болѣе, чѣмъ у автора. Но перелогъ тоже пашня, воздѣлываемая частями, а потому въ частяхъ не запаханныхъ зароставшая лѣсомъ. Считая половину перелога подъ пашней, крестьянской пашни получимъ—944 чети, это болѣе, чѣмъ втрое противъ того, что насчиталъ почтенный авторъ.

Тамъ же приведены вотчины того же монастыря въ Старицкомъ уѣздѣ. По счету автора въ нихъ 589,5 четей. Удивительная точность, не забыты — 0,5! Въ описи же читаемъ: „И всего... крестьянской пашни паханой сер. земли 610 чети, да перелогу пашни 232 чети, да лѣсомъ поросло 232 чети съ осминой, лѣсу пашеннаго 49 дес., да непашеннаго лѣсу 32 дес.“. Подводя итогъ пашенной земли, получимъ 940 четей вмѣсто 589, указанныхъ г. Н. Рожковымъ.

Здѣсь пашенный перелогъ показанъ отдѣльно отъ того, что лѣсомъ поросло, а цифры одинакія, того и другого по 232 чети. Отсюда можно заключить, что въ перелогѣ одна половина земли пашется, а другая пускается подъ заросль.

Тамъ же далѣе приведены вотчины того же монастыря въ Углицкомъ уѣздѣ. По автору тамъ было 1.566 четей крестьянской земли. Въ описи читаемъ: „... да служни и крестьянскія пашни 1.409 четьи, да пашни же паханыя наѣздомъ изъ найму 71 четь, да перелогу пашни 991 четь, да пашни же лѣсомъ поросло 516 четьи, да пашни же паханыя худ. земли — 131 четь, да перелогу 70 четьи, да лѣсомъ поросло 42 четьи, а всего четвертныя пашни, и перелогу, и что лѣсомъ поросло сер. земли 3.297 чет. да худ. земли 243 чети“. Итогъ писца не очень точенъ; мы сдѣлаемъ свой и не введемъ въ него пашни, поросшей лѣсомъ; за этимъ исключеніемъ получимъ пашни съ наѣзжей и съ перелогомъ 2.672 четьи противъ 1.566 четей автора. Опять разница очень значительная. Но этимъ не исчерпываются осо-

бенности итоговъ автора. Количество пашни показывается у него иногда менѣе дѣйствительнаго, а число рабочихъ болѣе. Въ разсматриваемыхъ вотчинахъ у него показано крестьянскихъ дворовъ: 515, а работниковъ 629, въ оригиналѣ же читаемъ: „6 дворовъ служнихъ, 477 двор. крестьянскихъ, а людей въ нихъ 589 человекъ“. Все другое: всѣхъ дворовъ 483, а людей 589. Если предположить, что писецъ позабылъ показать населеніе служнихъ дворовъ, то придется на 6 дворовъ много-много прибавить 12 работниковъ и получится 601 работникъ, а не 623.

Вотъ на какихъ данныхъ основаны „имѣющіе большую цѣнность“ выводы автора¹⁾.

А печатные источники, бывшіе у него въ рукахъ, дѣйствительно имѣютъ большую цѣнность. Съ итогами послѣдней описи въ нихъ сравниваются иногда итоги описи предшествующей и указывается убыль и прибыль населенія, а также и перемены въ количествѣ пашенной земли. Этими свѣдѣніями авторъ не заблагоразсудилъ воспользоваться, а они освѣщаютъ дѣло гораздо болѣе его изысканій и таблицъ.

Въ концѣ описи вотчинъ Троицы-Сергіева монастыря сказано, что въ 1592—93 году изъ пуста въ живущее прибыло пашни 338 четей противъ описи 1586 года. Къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ объ измѣненіи въ количествѣ населенія; но судя потому, что число деревень осталось то же, можно думать, что прибавка пашни выпала, хотя отчасти, и на долю прежняго населенія. Здѣсь получается, такимъ образомъ, къ концу вѣка увеличеніе крестьянской запашки.

Въ концѣ описи вотчинъ того же монастыря по Углицкому уѣзду находимъ указаніе на то, что въ 1592 — 93 году, сравнительно съ 1575, произошла, наоборотъ, убыль четвертной пашни на 229 четвертей. Но эта убыль явилась вслѣдствіе ухода нѣкоторой части крестьянъ въ другія мѣста, почему ихъ деревни и починки запустѣли и лѣсомъ поросли. Количество же земли, приходящейся на остальныхъ крестьянъ, отъ этой убыли нисколько не уменьшилось. Итакъ, возможно уменьшеніе площади пахотной земли въ извѣстныхъ вотчинахъ безъ малѣйшаго уменьшенія размѣровъ крестьянскихъ участковъ.

¹⁾ Мы брали наши цифры со страницъ, указанныхъ самимъ г. Н. Рожковымъ. Ему слѣдовало бы объяснить, отъ чего его итоги расходятся съ напечатанными, но онъ этого не сдѣлалъ: мы не нашли такого объясненія въ составленныхъ имъ таблицахъ.

Такъ далеки „имѣющіе большую цѣнность“ выводы автора отъ дѣйствительности.

На 166 стр. авторъ говоритъ о складникахъ. Онъ присоединяется къ мнѣнію г-жи А. Ефименко, но дѣлаетъ ссылки на новые документы. Въ актахъ Холмогорской епархіи напечатанъ документъ о распредѣленіи работъ по поставкѣ стѣнной ограды въ Скрылевѣ. Издатель актовъ такъ его и озаглавилъ: „Память о томъ, кому и сколько дѣлать стѣннаго огорода въ Скрылевѣ“. Почтенный авторъ видитъ въ этомъ документѣ „дѣльную память на пашни“, когда дѣло идетъ о постройкѣ стѣнной ограды! Не легко и печатные-то документы читать ¹⁾).

Если возможна такая свобода выписокъ и выводовъ, въ основаніи которыхъ лежитъ печатный матеріалъ, то что происходитъ при пользованіи однимъ рукописнымъ? Этого мы, конечно, сказать не можемъ. Есть, однако, основаніе думать, что при пользованіи архивнымъ матеріаломъ наши ученые стѣснены нисколько не меньше.

Не отрицаемъ пользы архивныхъ работъ. Но къ нимъ надо обращаться уже послѣ того, какъ исчерпано содержаніе относящихся къ вопросу печатныхъ матеріаловъ. Г. Н. Рожковъ пошелъ въ архивы немножко преждевременно. Для него есть много неизвѣданнаго и въ печатныхъ книгахъ, и не въ однихъ писцовыхъ, пониманіе которыхъ требуетъ нѣкоторой подготовки.

Изъ сдѣланнаго нами обзора литературы видно, что по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ было высказано два, три, четыре и даже болѣе мнѣній, взаимно одно другое исключаящихъ. Чѣмъ это обусловливается: состояніемъ предмета или какими-либо иными причинами? Если состояніе предмета таково, что изученіе его съ необходимостью приводитъ къ разногласію, то, значить, нѣтъ науки российскихъ древностей: каждый изслѣдователь можетъ говорить что ему угодно, и все это будетъ одинаково хорошо. Въ обширной области нашихъ древностей дѣйствительно есть вопросы, на которые нельзя дать рѣшительнаго отвѣта. Это всѣ тѣ, для разрѣшенія которыхъ не имѣется подходящаго матеріала и гдѣ изслѣдователю при-

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XIV, № А. LXVIII. Этому документу очень посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Обратилъ на него вниманіе и г. Лаппо-Данилевскій и тоже ссылается на него въ доказательство того, что „складники иногда уравнивались при дѣлежѣ“. Критич. замѣтки 27. У него идетъ здѣсь рѣчь о дѣлежѣ поземельной собственности складниковъ!

ходится довольствоваться однѣми догадками. Но въ такомъ же положеніи находятся и ученые дѣятели въ области всѣхъ другихъ наукъ, которыя призваны обрабатывать внѣшній матеріалъ, при условіи его неполноты и недостаточности. По всѣмъ же вопросамъ, по которымъ имѣется достаточный матеріалъ, рѣшеніе можетъ и должно быть только одно. Почти всѣ затронутые нами вопросы имѣютъ такой матеріалъ, и только поэтому мы и рѣшились писать о нихъ. Въ чемъ же причина разногласія? Не въ предметѣ, а въ способахъ изслѣдованія и въ личныхъ свойствахъ изслѣдователей. Каковы эти способы и свойства, ведущіе къ разногласіямъ, объ этомъ снисходительный читатель можетъ судить самъ: мы представили на его благоусмотрѣніе достаточный для сего матеріалъ. Во всякомъ случаѣ это причина устранимая — для будущаго, конечно, когда мало по малу установится правильное чтеніе источниковъ и распространится болѣе или менѣе единообразная научная подготовка дѣятелей, въ настоящее время до такой степени отсутствующая, что одни изслѣдователи могутъ совершенно не понимать другихъ: такъ далеко расходятся ихъ понятія о томъ, что такое, напримѣръ, законъ общій и законъ мѣстный (*prima lex*) и каково ихъ взаимное отношеніе, что такое семейный союзъ и можетъ ли онъ переходить въ акціонерную компанію или нѣтъ, что такое товарищество и можетъ оно принимать формы семьи или нѣтъ, что такое раздѣлъ общаго имущества и дѣлитъ онъ это имущество или нѣтъ, и т. д. А это азбука, безъ которой и приступить нельзя къ чтенію памятниковъ¹⁾. Любители науки древностей могутъ поэтому не смущаться представленной нами картиной ученыхъ разногласій и продолжать свои изысканія съ надеждой придти къ единогласному разъясненію прежде всего тѣхъ явленій нашей древней жизни, которыя оставили о себѣ ясный слѣдъ въ памятни-

¹⁾ Въ нашей ученой литературѣ было высказано даже мнѣніе, что „какъ семья превращается въ товарищество, такъ договорное товарищество подчиняется формамъ семьи“. Товарищество принимаетъ формы семьи! Путемъ образованія товарищества, значить, возникаютъ союзы мужа и жены, родителей и дѣтей? Должны признаться, что мы этого совершенно не понимаемъ. А почтенному автору это, конечно, представляется совершенно натуральнымъ, и, наоборотъ, наше непониманіе должно казаться ему непонятнымъ. — Такія различія взглядовъ объясняются иногда существованіемъ у насъ разныхъ ученыхъ школъ и различіемъ ихъ научнаго направленія. А мы склонны думать, что причина указанныхъ различій не въ наличности разныхъ школъ и нѣкотораго, слѣдовательно, богатства ихъ, а въ недостаткѣ школы.

кахъ. Эти разъясненія дадутъ твердую основу и для догадокъ о временахъ и явленіяхъ быта, прямыя извѣстія о которыхъ навсегда исчезли. Наука должна выдѣлить постижимое отъ не постижимаго, объяснить первое и на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ строить гипотезы о послѣднемъ.

В. Сергѣевичъ.

